

Воронежский институт МВД России

**УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ОХРАНА
ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ**

Сборник статей

№ 5

**Воронеж
2018**

ББК 67.410
У26

Редакционная коллегия:

Председатель: *А.Н. Малышев, заместитель начальника кафедры уголовного процесса Воронежского института МВД России, кандидат юридических наук, доцент*

Заместитель председателя: *У.Н. Ахмедов, старший преподаватель кафедры уголовного процесса Воронежского института МВД России, кандидат юридических наук*

Члены редакционной коллегии:

И.А. Насонова, профессор кафедры уголовного процесса Воронежского института МВД России, доктор юридических наук, профессор;

И.С. Федотов, профессор кафедры уголовного процесса Воронежского института МВД России, доктор юридических наук, доцент;

Н.Ю. Дутов, доцент кафедры уголовного процесса Воронежского института МВД России, кандидат юридических наук, доцент

У26 **Уголовно-процессуальная охрана прав и законных интересов несовершеннолетних : сборник статей. – Воронеж : Воронежский институт МВД России, 2018. – № 5. – 165 с.**

ISBN 978-5-88591-618-9

В ежегодном сборнике рассматриваются актуальные вопросы уголовно-процессуальной охраны прав и законных интересов несовершеннолетних. Материалы, представленные авторами в редакцию журнала, публикуются в авторской редакции.

Предназначен для преподавателей, адъюнктов, сотрудников правоохранительных органов.

У $\frac{0203021300 - 14}{221 - 18}$ 37 (II) – 18

ББК 67.410

ISBN 978-5-88591-618-9 ©Воронежский институт МВД России, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Ахмедов У. Н. Порядок и основания прекращения уголовного преследования в отношении несовершеннолетних с применением принудительной меры воспитательного воздействия	5
Буданова Е. А. Уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетних в преступную и антиобщественную деятельность: проблемы законодательного регулирования.....	15
Герасимова Е. В., Жидконожкина О. Н. Тактические особенности проведения опроса несовершеннолетнего	23
Гущин А. Н., Шерстков В.А. Вопросы совершенствования специального предмета доказывания по уголовным делам в отношении несовершеннолетних	30
Дутов Н. Ю, Краснослободцева Е. В. Проблемы избрания меры пресечения в виде присмотра за несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым.....	34
Занина Т. М. Административно-юрисдикционные полномочия ОВД в сфере обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних по федеральному законодательству	40
Иванченко Р. Б., Буслов М. М. Идеология как инструмент противодействия криминальной субкультуре «А.У.Е.»	49
Ищенко Е. В. Особенности уголовной ответственности и альтернативных ей мер в отношении несовершеннолетних	54
Киян В. Н. О возможности использования электронного документа в производстве по уголовным делам в отношении несовершеннолетних.....	60
Кравцов И. А., Меренкова А. А. Меры предупреждения преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, совершаемых несовершеннолетними	66
Кушнарев М.А. Факторы, детерминирующие проявление физического насилия среди обучающихся в школе	71
Лелеков В. А., Бородин А. Д. Состояние и предупреждение наркотизма среди несовершеннолетних в России	76
Леонов А. И., Тамбовцева Д. Ю. Проблемы доказывания по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, не подлежащих уголовной ответственности.....	83
Ливенцева А. В. Прекращение уголовного дела или уголовного преследования в отношении несовершеннолетнего в связи с назначением ему судебного штрафа.....	87

Малышев А. Н., Князева Е. Ю. Социально-экономические детерминанты преступности несовершеннолетних	94
Набатова Е. А., Пырьева Е. И. Способы совершения вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления	99
Новикова Е. П. Ресоциализация подростков, подвергшихся деструктивному психологическому воздействию сторонников религиозно-экстремистской, террористической и антисоциальной идеологии	106
Польшиков А. В., Серов Ю. В. О необходимости совершенствования системы предупреждения корыстных и корыстно-насильственных преступлений, совершаемых несовершеннолетними.....	110
Прохонов В. С., Логачёв Р. А. Проблемы эффективности принудительных мер воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних	118
Ряднова Ю. В., Дутов Ю. И. Понятие уголовно-процессуальной формы и основания ее дифференциации по делам в отношении несовершеннолетних.....	123
Савицкая И. Г. Круг участников следственных действий, проводимых с участием несовершеннолетнего.....	128
Сидорова Е. И. Проблемы применения меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении несовершеннолетних.....	135
Смагин П. Г. К вопросу о выемке и осмотре электронных сообщений между несовершеннолетними в социальных сетях	139
Тамбовцева Д. Ю., Смагин П. Г. К вопросу об участии психолога или педагога при допросе несовершеннолетних	144
Тюрина И. Н. Проблемы передачи несовершеннолетнего под надзор специализированного орган	148
Шпагина Ю. В. Особенности производства предварительного расследования по уголовным делам, связанным с вовлечением несовершеннолетних в совершение преступлений	153
Щеголева А. Н. Виктимогенный потенциал современной семьи.....	159

**ПОРЯДОК И ОСНОВАНИЯ ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО
ПРЕСЛЕДОВАНИЯ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ
С ПРИМЕНЕНИЕМ ПРИНУДИТЕЛЬНОЙ МЕРЫ
ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ**

**ORDER AND THE BASES OF THE TERMINATION OF
CRIMINAL PROSECUTION CONCERNING THE MINORS WITH
APPLICATION OF THE COERCIVE MEASURE OF EDUCATIONAL
INFLUENCE**

Настоящая статья посвящена исследованию вопросов повышения эффективности деятельности следователей (дознавателей) по производству предварительного расследования, направленной на перевоспитание подростков путем принятия при наличии соответствующих оснований процессуального решения о прекращении уголовного преследования несовершеннолетнего обвиняемого или подозреваемого с применением принудительной меры воспитательного воздействия

This article is devoted to the investigation of issues of increasing the effectiveness of investigators (investigators) in the production of a preliminary investigation aimed at re-educating adolescents by adopting a procedural decision on the termination of criminal prosecution of a juvenile accused or a suspect with the use of compulsory educational measures

Принимая меры, направленные на активизацию предупреждения преступлений несовершеннолетних, российское государство и общество стремятся в первую очередь возвращать несовершеннолетних к законопослушному образу жизни. Одним из средств достижения поставленной цели является прекращение уголовного преследования несовершеннолетнего посредством применения к нему определенных принудительных мер воспитательного воздействия.

Обобщение следственной и судебной практики, связанного с производством предварительного следствия по уголовным делам, возбужденным в отношении несовершеннолетних показало, что в ходе реализации исследуемого института уголовно-процессуального права с необходимостью возникает ряд вопросов, обусловленные отсутствием четкой и детальной законодательной регламентации и дифференцированным подходом органов предварительного расследования и судей при решении вопросов, связанных с применением меры воспитательного воздействия.

Статистические данные свидетельствуют о том, что уровень преступности несовершеннолетних продолжает оставаться значительным. Со-

гласно отчету МВД России о состоянии преступности в России [1] в 2014 году выявлено 54369 несовершеннолетних, совершивших преступления (в 2015 г. – 55993, в 2016 г. – 48589).

Согласно статистическим данным о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по существу [2] в 2014 году поступило 36574 дел о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, (в 2015 г. – 35949, в 2016 г. – 35202), окончено в отчетном периоде 36387 дел (в 2015, 2016 годах – 36037, 35522 соответственно).

По окончанным уголовным делам осуждено 24 379 несовершеннолетних (в 2015, 2016 годах – 23156, 24420 соответственно), прекращено дел с применением принудительных мер воспитательного воздействия – 2029 (в 2015, 2016 годах – 2045, 2604 соответственно), прекращено в связи с примирением с потерпевшим 13363 дела (в 2015, 2016 годах соответственно – 13196, 14736), освобождены от наказания 355 несовершеннолетних осужденных и были направлены в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа (в 2015, 2016 годах – 385, 402 соответственно), а с применением других принудительных мер воспитательного воздействия – 532 (в 2015, 2016 годах – 594, 626 соответственно).

Таким образом, можно с уверенностью констатировать, что практика осуществления уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних претерпевает качественные изменения. На фоне снижения числа выявленных несовершеннолетних, совершивших преступления, остается на одном уровне количество осужденных несовершеннолетних, что достигается, по нашему мнению, за счет сокращения случаев прекращения уголовного преследования и (или) уголовного дела на стадии предварительного расследования. При этом, наблюдается количественный рост прекращения уголовного дела (преследования) в отношении несовершеннолетних связанного с применением определенной принудительной меры воспитательного воздействия, при этом, по-прежнему это количество остается незначительным по сравнению с количеством прекращенных уголовных дел в связи с примирением с потерпевшим. Изложенное обстоятельство на первый взгляд свидетельствует о недостаточной эффективности рассматриваемого уголовно-процессуального института и актуальности проводимого исследования. Полагаем такой вывод может являться следствием заблуждения.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [3] (далее УПК РФ) содержит особый порядок судопроизводства по делам несовершеннолетних. Данный процессуальный институт согласуется с международными требованиями и стандартами относительно судопроизводства в отношении несовершеннолетних. На это обстоятельство также указывает Пленум Верховного Суда Российской Федерации в Постановлении от 1 февраля 2011 года [4].

В связи с этим законодателем были приняты специальные нормы

права, которые позволяют освободить от уголовной ответственности несовершеннолетних посредством избрания в их отношении принудительных мер воспитательного воздействия. Последняя регламентирована положениями ст. 90 УК РФ и ст. 427 УПК РФ.

С появлением данного процессуально-правового института следует вести речь о возникновении альтернативой формы разрешения правового конфликта с участием несовершеннолетних. Данные законодательные требования обусловлены возрастными и психофизическими особенностями несовершеннолетних, а также возможностью перевоспитания несовершеннолетних.

Для реализации прав несовершеннолетних с учетом названных особенностей, в УПК РФ предусматривается правило прекращения уголовного преследования исключительно в отношении рассматриваемой категории лиц.

К основаниям избрания конкретной принудительной меры воспитательного воздействия относятся:

- фактический несовершеннолетний возраст того лица, в отношении которого применяется рассматриваемая мера из перечня мер воспитательного воздействия;
- совершение несовершеннолетним преступления, относящегося к категориям небольшой тяжести или средней тяжести;
- установленная или доказанная следователем возможность перевоспитания или исправления несовершеннолетнего без назначения ему наказания.

Вышеперечисленные основания соотносятся и коррелируют с ч. 1 ст. 90 УК РФ, в силу того, что основания прекращения уголовного дела (преследования) непосредственно взаимосвязаны с уголовно-правовыми основаниями освобождения от уголовно-правовой ответственности. При этом, в основании принятия процессуального решения о прекращении уголовного дела лежит определенная совокупность так называемых сведений или фактических данных, подтверждающих определенные юридически-значимые обстоятельства. По этой причине, для понимания сути уголовно-процессуальных оснований необходимых для прекращения уголовного преследования по ст. 427 УПК РФ, следует их исследовать совместно с материальными правовыми основаниями необходимыми для освобождения от уголовной ответственности и институтом процессуального доказывания.

В юридической литературе относительно сущности уголовно-процессуальных оснований мнения разнятся. Ряд авторов отождествляют процессуальные основания прекращения уголовного дела и уголовно-правовые основания освобождения от уголовной ответственности [5], другие авторы, наоборот, высказываются, что отождествлять данные понятия неправильно [6].

Мы соглашались с мнением Л. М. Карнеевой, полагающая, что отличием между уголовно-правовыми основаниями и процессуальными основаниями является то, что последние сформированы по правилам процессу-

ального доказывания. Без названного разграничения будут смешиваться уголовно-правовые и уголовно-процессуальные основания [7]. Следуя этой логике, процессуальным основанием прекращения уголовного дела будет выступать доказанность уголовно-правовых обстоятельств посредством необходимой совокупности доказательств. В силу сказанного, для определения понятия процессуального основания прекращения уголовного преследования в отношении несовершеннолетнего рассматриваемого в порядке ст. 427 УПК РФ необходимо учитывать общие требования к принятию процессуальных решений [8].

Решение следователя (дознателя) о возможности исправления несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого посредством применения принудительных мер воспитательного воздействия необходимо обосновать достаточной совокупностью доказательств, собранных по уголовному делу и направленных на подтверждение следующих обстоятельств:

во-первых, именно данным несовершеннолетним совершено конкретное преступление;

во-вторых, он может исправляться путем применения принудительной мерой воспитательного воздействия.

Все собранные доказательства необходимо приобщать к материалам уголовного дела. В том числе формирование такой доказательственной базы будет способствовать определению наиболее эффективных мер воспитательного воздействия.

Таким образом, достаточным основанием для прекращения уголовного преследования в отношении несовершеннолетних в порядке ст. 427 УПК РФ будет доказанность совокупности таких обстоятельств как: несовершеннолетие лица; совершение преступлений категорий небольшой или средней тяжести; установленная возможность и высокая вероятность исправления несовершеннолетнего путем применения принудительных мер воспитательного воздействия.

Доказанность возможности исправления несовершеннолетнего без применения наказания – оценочное основание, играющее существенную роль для принятия решения относительно применения принудительной меры воспитательного воздействия. По названной причине его установление зависит от процессуального усмотрения следователя, который ведет производство предварительного следствия по уголовному делу в отношении несовершеннолетнего. Это, в свою очередь, приводит к тому, что отсутствие четкой правовой регламентации процессуально-правовых критериев, способствующих установлению возможности исправления несовершеннолетнего путем применения принудительных мер воспитательного воздействия трансформирует исследуемое обстоятельство в некую субъективную категорию.

Проведенное нами анкетирование должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование (следователи, дознаватели) показало,

что на вопрос «Какими средствами следует устанавливать, возможности исправления несовершеннолетних без применения уголовного наказания?» их мнения распределилось таким образом:

- посредством производства следственных действий, в частности в ходе производства допроса свидетелей (к которым также могут относиться родители или законные представители), в том числе посредством анализа характеризующих сведений с места учебы или работы, а также с места их жительства – 33%;

- посредством производства судебных (в том числе, комплексных экспертиз) экспертиз – 4%;

- оба названных варианта – 62%;

- затруднились ответить – 1%.

Установление такого основания обуславливают сложности как у следователей (дознавателей), так и у прокурорских работников и судей. В частности, по указанному вопросу прокуроры не проявили единодушия и высказались по-разному: посредством проведения допроса свидетелей (в частности, родителей и законных представителей), также посредством изучения характеристик и иных сведений с места учебы, работы или жительства – 52%; посредством проведения экспертизы – 7%; оба названных варианта – 41%; затруднились ответить – 0%.

В ходе опроса судей получены следующие данные: посредством проведения допроса свидетелей (в частности, родителей и законных представителей), также посредством изучения характеристик и иных сведений с места учебы, работы или жительства – 90%; посредством проведения экспертизы – 0%; оба названных варианта – 10%; затруднились ответить – 0%.

Собирание доказательственных сведений о возможности исправления несовершеннолетнего путем применения принудительной меры воспитательного воздействия реализуется различными средствами. Более того большинство опрошенных лиц полагают, что недостаточно установление возможности исправления только средством производства допроса свидетелей (в частности родителей и законных представителей) и сбора характеризующих сведений с места учебы, работы или жительства, относящихся в настоящее время к числу наиболее распространенных. УПК РФ не содержит требования обязательного назначения и производства судебной экспертизы для определения вероятности или возможности перевоспитания несовершеннолетнего без назначения уголовного наказания. При этом опрошенные нами должностные лица полагают ее назначение возможным и целесообразным (посредством проведения судебной экспертизы ответили – 5,5% опрошенных; оба варианта выбрали – 38% опрошенных).

Бесспорно, установленные индивидуальные психологические особенности личности, как верно указывает Р. С. Хисматуллин, «существенно повышает эффективность судебного разбирательства дел в отношении несовершеннолетних. Каждый судебный процесс должен выявить причины

формирования ложных нравственных ценностей, которые привели подростка к совершению преступления, стать началом коррекции личности правонарушителя» [9]. Данные знания, по нашему мнению, необходимы следователю, дознавателю, которые ведут производство предварительного расследования по уголовному делу, в процессе принятия решения по делу, по причине того, что данные сведения могут образовать основу решения следователя, дознавателя, о вероятности исправления несовершеннолетнего посредством применения принудительной меры воспитательного воздействия.

Процессуальное установление вероятности (возможности) перевоспитания несовершеннолетнего, в результате использования или применения специальных познаний, направлено на существенное повышение вероятности принятия законного, обоснованного и мотивированного решения по каждому уголовному делу, возбужденному в отношении несовершеннолетних [13, С. 50–53]. Но следует отметить, что следователи, дознаватели и инспекторы подразделений по делам несовершеннолетних не имеют специальных знаний, поэтому не способны самостоятельно составить психологический портрет несовершеннолетнего. Для этого необходимо обладать знаниями в области подростковой психологии.

По нашему мнению, практическим работникам можно рекомендовать назначать судебную экспертизу для определения вероятности исправления несовершеннолетнего без назначения уголовного наказания посредством применения принудительной меры воспитательного воздействия.

Особенности порядка прекращения уголовного преследования несовершеннолетнего посредством применения меры воспитательного воздействия требует также отдельного рассмотрения.

Прекращение уголовного преследования представляет собой разновидность формы окончания предварительного расследования, включающее целый комплекс процессуальных мероприятий. В том числе:

1. Сбор доказательств, их анализ, а также проверку и оценку с позиции относимости, достоверности, допустимости и достаточности.

2. Систематизацию и составление материалов дела.

3. Вынесение мотивированного постановления о прекращении уголовного преследования и возбуждении перед судом ходатайства о применении к несовершеннолетнему обвиняемому или подозреваемому принудительной меры воспитательного воздействия.

4. Получение согласия на прекращение уголовного преследования с применением принудительной меры воспитательного воздействия руководителя следственного органа (для следователя) либо прокурора (для дознавателя).

5. Направление руководителем следственного органа или прокурором согласованного постановления о прекращении уголовного преследования и возбуждении перед судом ходатайства о применении к несовер-

шеннолетнему принудительной меры воспитательного воздействия вместе с уголовным делом в суд.

Применение названных мер воздействия носит условный характер, так как при систематическом неисполнении несовершеннолетним соответствующих требований суд вправе отменить свое решение и производство по уголовному делу будет продолжено в общем порядке.

При обосновании выводов о возможности исправления несовершеннолетнего без применения наказания путем назначения принудительных мер воспитательного воздействия необходимо учитывать следующее. Воспитательный потенциал принудительных мер воспитательного воздействия реализуется прежде всего путем убеждения, разъяснительной работы, доведения до несовершеннолетнего лица оценки его деяния как преступления, недопустимости в дальнейшем общественно опасного поведения.

Согласно следственной и судебной практике установление возможности исправления несовершеннолетнего обвиняемого или подозреваемого без применения наказания связывается со следующими обстоятельствами, касающимися подростка [11]:

- ранее не судим;
- к административной ответственности не привлекался;
- ранее не состоял на профилактическом учете в отделениях участковых уполномоченных полиции, подразделениях по делам несовершеннолетних территориальных отделов МВД России и в комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав;
- не состоял на учете у врача нарколога и врача психиатра;
- имеет постоянное место жительства;
- воспитывается в положительной семье (полной либо неполной);
- положительно или удовлетворительно характеризуется по месту жительства, учебы и работы;
- совершил преступление впервые;
- признает вину в полном объеме, осознает противоправность своих действий, раскаивается в содеянном;
- полностью возместил причиненный материальный ущерб (в том числе, за счет законного представителя);
- после совершения инкриминируемого деяния способствовал раскрытию преступления, от органов предварительного расследования не скрывался;
- не возражает вместе с законным представителем против прекращения уголовного преследования по данному основанию.

Именно практическими органами, осуществляющими предварительное расследование и правосудие по рассматриваемой категории уголовных дел, формируются условия, соблюдение которых позволяет обосновать вывод о возможности исправления несовершеннолетнего без назначения наказания путем применения принудительных мер воспитательного воздействия.

Пленум Верховного Суда РФ рекомендовал судам не назначать уго-

ловное наказание несовершеннолетним, совершившим преступления небольшой или средней тяжести, если их исправление может быть достигнуто путем применения принудительных мер воспитательного воздействия, предусмотренных статьями 90 УК РФ [4].

Прекращение уголовного преследования с применением принудительной меры воспитательного воздействия допускается, если против этого не возражают как несовершеннолетний обвиняемый (подозреваемый), так и его законный представитель. Согласно ч. 3 ст. 213 УПК РФ наличие такого согласия отражается в соответствующем постановлении.

Следователь (дознатель) при принятии решения о прекращении уголовного преследования с применением принудительных мер воспитательного воздействия спрашивает в письменной форме согласие несовершеннолетнего обвиняемого (подозреваемого) и его законного представителя, предварительно разъяснив указанным лицам основания и правовые последствия прекращения уголовного преследования под роспись.

Следователь при составлении постановления должен высказать свое мнение о характере принудительных мер воспитательного воздействия, поскольку иначе будет отсутствовать мотивировочная часть постановления. В том числе и потому, что принцип состязательности сторон в уголовном судопроизводстве не позволят судебным органам брать на себя функции обвинения или защиты (ст. 15 УПК РФ).

При выборе принудительных мер воспитательного воздействия должны учитываться данные о личности несовершеннолетнего обвиняемого (подозреваемого), а также характер и степень инкриминируемого деяния (ст. 90 УК РФ, п. 33 постановления Пленума ВС РФ от 1 февраля 2011 года № 1 [4]).

В соответствии с ч. 1 ст. 427 УПК РФ постановление о прекращении уголовного преследования и возбуждении перед судом ходатайства о применении к несовершеннолетнему обвиняемому (подозреваемому) принудительной меры воспитательного воздействия вместе с уголовным делом направляется руководителем следственного органа или прокурором в суд. Содержание ст. 427 УПК РФ позволяет сделать вывод о том, что отсутствует необходимость утверждения принятого решения прокурором в тех случаях, когда решение принимается следователем с согласия руководителя следственного органа. В результате имеет место сокращение сроков предварительного расследования в рамках соблюдения разумного срока уголовного судопроизводства. Ярким примером является уголовное дело, находящееся в производстве у следственных подразделений по Хабаровскому краю, возбужденное 24 октября 2016 года по признакам преступления, предусмотренного п.п. «в», «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ (тайное хищение чужого имущества из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем, с причинением значительного ущерба гражданину). 31 октября 2016 года следователем, с согласия руководителя след-

ственного органа, было вынесено постановление о прекращении уголовного преследования и возбуждении перед судом ходатайства о применении к несовершеннолетнему обвиняемому (подозреваемому) принудительной меры воспитательного воздействия. Уголовное дело было направлено в суд, а срок следствия составил 7 суток [12]. При вынесении постановления следователь (дознатель) должен учитывать положения ч. 2 ст. 90 УК РФ, согласно которым действие принудительных мер воспитательного воздействия прекращается по достижении обвиняемым (подозреваемым) восемнадцатилетнего возраста.

Таким образом, в настоящее время законодательно неурегулированным остается вопрос о необходимости указания и обоснования в постановлении о прекращении уголовного преследования и возбуждении перед судом ходатайства о применении к несовершеннолетнему обвиняемому (подозреваемому) принудительной меры воспитательного воздействия конкретной меры воспитательного воздействия. Полагаем, что следователь при составлении рассматриваемого постановления вправе высказать свое мнение о характере принудительных мер воспитательного воздействия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Состояние преступности [Электронный ресурс]. – URL : <https://xn-b1aew.xn--p1ai/folder/101762> (дата обращения : 6.06.2017).
2. Данные судебной статистики [Электронный ресурс]. – URL : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения : 6.06.2017).
3. Уголовно-процессуальный кодекс российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.
4. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 года № 1 (ред. от 29.11.2016)[Электронный ресурс] // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 4, апрель, 2011.
5. Дубинский А. Я. Основания к прекращению уголовного дела в стадии предварительного расследования : учебное пособие / А. Я. Дубинский. – Киев, 1973. – С. 114-115; Он же. Прекращение уголовного дела в стадии предварительного расследования учебное пособие / А. Я. Дубинский. – Киев, 1975. – С. 19.
6. Володина Л. М. Прекращение уголовных дел вследствие изменения обстановки и в связи с направлением для применения мер общественного воздействия в стадии предварительного расследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Л. М. Володина. – Ленинград, 1976. – С. 87.

7. Карнеева Л. М. Доказывание в советском уголовном процессе и основание процессуальных решений / Л. М. Карнеева // Сов. гос-во и право. – 1981. – № 10. – С. 85-90.

8. Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве : теория, законодательство и практика / П. А. Лупинская. – Москва : Юристъ, 2006. – С. 53.

9. Хисматуллин Р. Семейные суды по делам несовершеннолетних / Р. Хисматуллин // Российская юстиция. – 2000. – № 3. – 37 с.

10. Белоусова Е. А. О некоторых вопросах прекращения уголовного дела (уголовного преследования) в отношении несовершеннолетнего / Е. А. Белоусова // Криминалисть. – 2010. – № 2 (7). – С. 50-53.

11. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. I. / М. С. Строгович. – Москва : Наука, 1968. – 470 с.

12. Архив следственного управления УМВД России по Хабаровскому краю за 2016 г. Уголовное дело № 376821.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Ахмедов Ульви Низами оглы. Старший преподаватель кафедры уголовного процесса. Кандидат юридических наук.

Воронежский институт МВД России.

E-mail: Ulvi27@mail.ru

Россия, 394065, Воронеж, проспект Патриотов, 53.

Тел. (473) 200-53-45.

Akhmedov Ulvi Nizami ogli. Senior lecturer of the chair of Criminal trial. Candidate of sciences (jurisprudence / law).

Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

E-mail: Ulvi27@mail.ru

Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53.

Тел. (473) 200-53-45.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; прекращение уголовного преследования, несовершеннолетние, принудительные меры воспитательного воздействия.

Key words: criminal legal proceedings; termination of criminal prosecution, minor, coercive measures of educational influence.

УДК 343.102.

**УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ВОВЛЕЧЕНИЕ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ПРЕСТУПНУЮ И
АНТИОБЩЕСТВЕННУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ПРОБЛЕМЫ
ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ**

**CRIMINAL LIABILITY FOR INVOLVEMENT OF MINORS IN
CRIMINAL AND ANTISOCIAL ACTIVITY: PROBLEMS OF
LEGISLATIVE REGULATION**

В статье анализируется содержание термина «несовершеннолетний» применительно к составам преступлений, предусмотренных статьями 150 и 151 УК РФ; рассматривается признак систематичности совершения антиобщественных действий; выявляется противоречие между нормами уголовного и административного законодательства, регламентирующими ответственность за вовлечение несовершеннолетних в антиобщественные действия.

The article analyzes the content of the term "minor" in relation to the offences stipulated in articles 150 and 151 of the criminal code; considered a sign of systematic committing of antisocial acts; reveals the contradiction between the norms of criminal and administrative legislation on responsibility for involvement of minors in antisocial actions.

В судебной практике объектом повышенного внимания всегда были уголовные дела о преступлениях несовершеннолетних и в отношении них.

Согласно официальным статистическим данным за 2016 год в России каждое двадцать второе расследованное преступление (4,5%) совершено несовершеннолетними или при их соучастии. Из 1 млн. 15 тыс. 875 выявленных за указанный период лиц, совершивших преступления, 4,8% составили несовершеннолетние (48589 человек) [1].

Деяние, предусмотренное ст. 151 УК РФ, не относится к числу часто совершаемых в нашей стране. Так, в 2016 году в России было зарегистрировано 286 указанных преступлений [2]. Однако это не отражает действительной ситуации, так как зачастую практические работники недооценивают реальной общественной опасности данного преступления, что в итоге негативно сказывается на своевременном его выявлении.

Несмотря на то, что правоприменительная практика по делам о вовлечении несовершеннолетних в преступную и антиобщественную деятельность достаточно долгое время изучается и анализируется, до сих пор некоторые вопросы остаются неразрешенными.

Одной из причин неэффективной борьбы с вовлечением несовершеннолетних в совершение преступлений и антиобщественных действий является неоднозначное понимание в науке и в следственно-судебной практике некоторых признаков составов преступлений, сформулированных законодателем в ст. ст. 150 и 151 УК РФ.

Спорным при практическом применении рассматриваемых норм является вопрос о возрасте несовершеннолетнего как потерпевшего от вовлечения его в совершение преступления или антиобщественные действия. Как известно, отечественный законодатель под термином «несовершеннолетний» понимает лиц в возрасте до 18 лет.

Разногласия среди правоприменителей возникают при квалификации действий совершеннолетнего лица, вовлекающего в преступное деяние лиц, которые не могут быть привлечены к уголовной ответственности в силу не достижения установленного законом возраста. В частности, имеют место случаи, когда в отношении лица, вовлекшего малолетнего в совершение какого-либо преступления, не применяется ст. 150 УК РФ. Однако совершеннолетнее лицо признается посредственным исполнителем того деяния, которое было совершено малолетним и несет ответственность за причиненный им вред.

Как утверждает В.С. Комиссаров, ст. 150 УК РФ охватывается вовлечение не только несовершеннолетних, но и лиц, не достигших возраста уголовной ответственности [4].

Примером такой точки зрения является уголовное дело по обвинению Ф., которая достоверно зная, что несовершеннолетняя И., не достигшая возраста привлечения к уголовной ответственности, имеет свободный доступ в квартиру О., потребовала от нее совершить тайное хищение денежных средств из квартиры О. При этом Ф. в случае отказа И. обещала распространить порочащие сведения ее матери, на что И., испугавшись и боясь наказания со стороны матери, согласилась. В дневное время И. через не запертую дверь проникла в квартиру О., совершив таким образом, незаконное проникновение в жилище, откуда из барсетки, находившейся в шкафу, тайно похитила деньги в сумме 3500 рублей, принадлежащие О., которые унесла с собой и передала их Ф. Районным судом Ф. была признана виновной в совершении преступлений, предусмотренных п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ и ч. 4 ст. 150 УК РФ [5]. И подобных примеров немало в судебно-следственной практике.

По мнению других авторов, воздействие взрослого на лицо, не достигшее 14-летнего возраста (малолетнего) является юридически ничтожным [6]. Аргументируется это тем, что лицо, не достигшее определенного в законе возраста (14, 16, 18 лет), не является субъектом преступления, а в ст. 150 УК РФ ответственность предусмотрена за вовлечение в совершение именно преступления, а не общественно опасного деяния.

В соответствии с такой позицией получается, что совершеннолетним

лицам, вовлекшим малолетних детей, судом будет назначено наказание за одно преступление (как посредственным причинителям вреда), а не по совокупности - за так называемый основной состав преступления и за преступление, предусмотренное ст. 150 УК РФ. В то время как в уголовном праве России несовершеннолетний и малолетний возраст потерпевшего традиционно выступает особо квалифицирующим обстоятельством, т.е. влечет повышенную ответственность.

Как известно, в ч. 1 ст. 87 УК РФ содержится определение: «несовершеннолетними признаются лица, которым ко времени совершения преступления исполнилось четырнадцать, но не исполнилось восемнадцати лет». Такая формулировка исключает детей, не достигших четырнадцатилетнего возраста (малолетних). Однако она касается несовершеннолетних как субъектов преступления.

Что касается понимания термина «несовершеннолетний» применительно к составу преступления по ст. 151 УК РФ, то здесь к данной категории потерпевших относят любых лиц, не достигших восемнадцатилетнего возраста. Это и вызывает противоречие.

Пленум Верховного Суда РФ в абзацах 5 и 6 п. 42 постановления от 1 февраля 2011 г. дает следующее разъяснение: «...В случае совершения преступления несовершеннолетним, не подлежащим уголовной ответственности, лицо, вовлекшее его в совершение преступления в силу ч. 2 ст. 33 УК РФ несет уголовную ответственность за содеянное как исполнитель путем посредственного причинения. Действия взрослого лица по подстрекательству несовершеннолетнего к совершению преступления при наличии признаков состава указанного преступления должны квалифицироваться по статье 150 УК РФ, а также по закону, предусматривающему ответственность за соучастие (в виде подстрекательства) в совершении конкретного преступления».

В ранее действовавшем постановлении Пленума Верховного Суда СССР иным образом разъяснялась данная ситуация: «...Совершеннолетний участник преступления, вовлекший в это преступление несовершеннолетнего, не достигшего 14 лет, или вовлекший подростка в возрасте 14 – 16 лет в совершение такого преступления, за которое последний по закону не несет уголовной ответственности, должен рассматриваться, независимо от форм его участия, как исполнитель этого конкретного преступления, и его действия, кроме того, надлежит квалифицировать по статье УК, предусматривающей ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в преступную деятельность» [7]. Представляется, что данная рекомендация является более правильной по сути, но она утратила силу.

Следует отметить, что в настоящее время суды зачастую применяют именно такой, прежний подход к квалификации. Так, Советским районным судом г. Тамбова Невеселов С. А. был признан виновным по п.п. «б», «в» ч.2 ст.158 УК РФ, ч.1 ст.150 УК РФ. 22.04.2011 г. около 16.00 часов, сов-

местно с ранее знакомыми ему несовершеннолетними К. и Н., уголовное преследование в отношении которых было прекращено на основании п.2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, в связи с недостижением возраста, с которого лицо подлежит уголовной ответственности, вступив с последними в предварительный сговор, распределив преступные роли, пришли к сараю, принадлежащему Б., открыли ворота, проникли внутрь и похитили оттуда 3 велосипеда, после чего с похищенным скрылись, причинив потерпевшей значительный материальный ущерб на сумму 6200 рублей [8].

Анализ уголовных дел, рассмотренных судами первой инстанции, свидетельствует о наличии двух противоположных видов решений, соотношение которых составляет примерно 1:5 в пользу вменения ст. 150 УК РФ за вовлечение малолетних [9].

Думается, указанную проблему должен решить сам законодатель, установив в ч. 1 ст. 150 УК РФ ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение «общественно опасного деяния», а не преступления. Кроме того, следует разъяснить в нормах уголовного закона термины «несовершеннолетний» и «малолетний». Это целесообразно независимо от того, выступают ли они виновными или потерпевшими при совершении преступления.

При практическом применении норм УК РФ существуют также трудности, связанные с ограничением вовлечения несовершеннолетнего в систематическое употребление одурманивающих веществ (ст. 151 УК РФ) от его склонения к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (п. «а» ч. 3 ст. 230 УК РФ). Это обусловлено тем, что во-первых, склонение является одним из способов вовлечения, а во-вторых, уголовный кодекс не содержит определения одурманивающих веществ. Согласно официальному перечню, утвержденному Постоянным комитетом по контролю наркотиков, к одурманивающим веществам относятся: клофелин (алкогольная смесь в любых процентах), смесь димедрола с алкоголем, барбитурато-алкогольная смесь, хлороформ, эфир, толуол, хлорэтил, закись азота, спиртовые экстракты растений, содержащих алкалоиды тропановой группы [10]. Указанный документ носит рекомендательный характер.

Поэтому в действительности эти вещества бывают очень разнообразны в своих сочетаниях, в том числе с химическими составами бытового назначения. Так, Перепеченов, являясь лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, заведомо зная, что Т., является несовершеннолетним, посягая на его нравственное и психофизическое развитие, с помощью уговоров, систематически, а именно 17 октября 2011 года, 20 октября 2011 года, 3 ноября 2011 года, 15 ноября 2011 года, 28 ноября 2011 года, 3 декабря 2011 года, находясь на территории, прилегающей к задней части многоквартирного микрорайона, вовлекал Т. в употребление одурманивающего вещества – клея «Монолит», в результате употребления которого несовер-

шеннолетний Т. находился в состоянии токсического опьянения. Светлоярский районный суд Волгоградской области признал Перепеченова виновным по ч. 1 ст. 151 УК РФ [11].

Поскольку судебные органы не обладают специальными знаниями, отнесение веществ к той или иной группе решается на основании соответствующего заключения эксперта.

В той ситуации, когда подросток был вовлечен в употребление одурманивающих веществ и склонен к потреблению наркотических средств или психотропных веществ, содеянное должно квалифицироваться по совокупности, так как ст. 230 УК РФ не является специальной нормой по отношению к ст. 151 УК РФ.

Следующая проблема связана с пониманием признака систематичности совершения указанных в статье 151 УК РФ действий. Это обусловлено тем, что законодатель не определяет количественные и временные характеристики данного термина. Поэтому в нашей стране не отличаются единообразием принимаемые решения по привлечению к уголовной ответственности лиц, вовлекающих несовершеннолетних в совершение антиобщественных действий.

Интересно, что в одних регионах судебная практика исходит из того, что состав данного преступления считается оконченным при выявлении не менее двух фактов вовлечения одного и того же подростка одним и тем же взрослым лицом в употребление спиртных напитков, одурманивающих веществ, в занятие бродяжничеством или попрошайничеством. Позиция других правоприменителей состоит в том, что под систематичностью они понимают трехкратное совершение взрослым лицом умышленных действий в течение ограниченного периода, заключающихся в вовлечении несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий [12].

Следует отметить, что в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. №1 отсутствуют какие-либо разъяснения относительно признаков систематичности вовлечения несовершеннолетних в антиобщественные действия, что не способствует единообразию судебной следственной практики.

В теории уголовного права под систематичностью каких-либо деяний, как правило, понимается их совершение три раза и более в течение года. Полагаем, что в этой ситуации весьма уместными были бы соответствующие разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, которые способствовали бы внесению ясности по данному вопросу.

Кроме того, именно по признаку систематичности действий преступление, предусмотренное ст. 151 УК РФ, отграничивается от правонарушения, закрепленного ст. 6.10 КоАП РФ «Вовлечение несовершеннолетнего в употребление алкогольной и спиртосодержащей продукции, новых потенциально опасных психоактивных веществ или одурманивающих веществ».

Еще одна трудность в понимании признака «систематичности» сводится к тому, относить ли этот признак ко всем антиобщественным действиям, перечисленным в ч. 1 ст. 151 УК РФ, или только к употреблению алкогольной и спиртосодержащей продукции, а также одурманивающих веществ.

Буквальное толкование ч. 1 ст. 151 УК РФ приводит к выводу о том, что признак систематичности должен относиться ко всем перечисленным в норме антиобщественным действиям. И это положение подтверждается в судебно-следственной практике. Так, по приговору Советского районного суда г. Казани Лопатина Н. И. была осуждена по ч. 2 ст. 151 УК РФ. Согласно материалам дела Лопатина Н. И., официально нигде не работая и не стремясь к трудоустройству, необходимому для обеспечения и поддержания материального достатка в семье, являясь родной матерью своего несовершеннолетнего сына в период времени с <дата изъята> по <дата изъята> систематически вовлекала его в занятие попрошайничеством при следующих обстоятельствах. Для достижения своего преступного умысла Лопатина Н. И. одевала на своего несовершеннолетнего сына изношенную одежду и, объясняя ему, что своим видом он будет вызывать жалость у прохожих, направляла последнего на улицу. В результате этого несовершеннолетний сын Лопатиной был несколько раз задержан на остановке общественного транспорта за занятие попрошайничеством, о чем на Лопатину Н.И. было составлено 4 протокола об административном нарушении по ст. 5.35 КоАП РФ [13].

По мнению некоторых авторов, подобное толкование признака «систематическое» в ст. 151 УК РФ приводит к тому, что вовлечение несовершеннолетнего в занятие бродяжничеством или попрошайничеством ведет к привлечению виновных лиц, единожды эксплуатирующих детей, не к уголовной, а в лучшем случае к административной ответственности, что не отвечает требованиям охраны прав детей[14].

Так, эксперты считают, что малолетние бомжи, прожившие вне дома более трех месяцев, уже не хотят жить ни дома, ни в приютах, повышая долю маргинализированного населения страны. Поэтому совершенно справедливо будет признак «систематическое» относить только к вовлечению несовершеннолетнего в употребление (распитие) алкогольной, спиртосодержащей продукции, одурманивающих веществ. А для наступления уголовной ответственности за вовлечение в занятие бродяжничеством или попрошайничеством установления систематичности таких действий не должно являться обязательным условием. Это потребует от законодателя внесения изменений в редакцию ч. 1 ст. 151 УК РФ.

Как указывалось ранее, наряду с уголовной ответственностью за вовлечение несовершеннолетнего в систематическое употребление (распитие) алкогольной и спиртосодержащей продукции, одурманивающих веществ Кодексом об административных правонарушениях РФ предусмотр-

рена ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в употребление алкогольной и спиртосодержащей продукции, новых потенциально опасных психоактивных веществ или одурманивающих веществ.

Согласно ст. 1 Федерального закона от 08.01.1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» (в ред. от 03.02.2015 г. № 7-ФЗ) новые потенциально опасные психоактивные вещества - вещества синтетического или естественного происхождения, включенные в Реестр новых потенциально опасных психоактивных веществ, оборот которых в Российской Федерации запрещен. К ним обычно относят курительные смеси («спайсы»), «дизайнерские наркотики», соли для ванн, биологически активные добавки, благовония и т.д.

На сегодняшний день получается, что вовлечение несовершеннолетнего в систематическое употребление новых потенциально опасных психоактивных веществ влечет только административную ответственность. Представляется, что такая позиция законодателя является неверной. В этой связи необходимо привести в соответствие ст. 151 УК РФ административному законодательству и дополнить ч. 1 указанной нормы после слов «спиртосодержащей продукции» словосочетанием «новых потенциально опасных психоактивных веществ».

Таким образом, в целях эффективного применения норм уголовного закона, предусматривающих ответственность за вовлечение несовершеннолетних в преступную и антиобщественную деятельность, необходимо внести некоторые изменения в УК РФ, а также постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 года.

ЛИТЕРАТУРА

1. Судебный департамент при Верховном Суде РФ // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3834>

2. Федеральная служба государственной статистики // URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/motherhood/#

3. Федеральный закон от 24 июля 1998 г. №124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» (ред. от 03.12.2011); Федеральный закон от 24 июня 1999 г. №120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (ред. от 07.06.2017) // СПС «КонсультантПлюс».

4. Курс уголовного права. Общая часть : учебник для вузов / под ред. Н. Ф. Кузнецовой и И. М. Тяжковой. — Москва : Зерцало, 1999. Т. 1: Учение о преступлении. — С. 400-401.

5. РосПравосудие: официальный сайт // URL: <https://rospravosudie.com/court-balaxtinskij-rajonnyj-sud-krasnoyarskij-krajs/act-104406889/>

6. Воробьев В. Ф., Гаврилов С. Т., Покаместов А. В., Ткаченко А. В., Ткаченко В. С. Предупреждение вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений / В. Ф. Воробьев, С. Т. Гаврилов, А. В. Покаместов, А. В. Ткаченко, В. С. Ткаченко. — Воронеж : ВИ МВД РФ, 2001. — С. 44.

7. Постановление Пленума Верховного Суда СССР «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» // Бюллетень Верховного Суда СССР. — 1963. — № 4. — С. 9.

8. РосПравосудие: официальный сайт // URL: <https://rospravosudie.com/court-sovetskij-rajonnyj-sud-g-tambova-tambovskaya-oblast-s/act-101420740/>.

9. Одинцова Л. Вопросы отграничения вовлечения несовершеннолетних в совершение антиобщественных действий от смежных составов преступлений / Л. Одинцова // Уголовное право. — 2013. — № 6. — С. 36.

10. Список одурманивающих веществ (по состоянию на 1 ноября 2005 г.) : Утв. Постоянным комитетом по контролю наркотиков, протоколы от 9 октября 1996 г. № 51/7-96, от 22 апреля 1998 г. № 2/64-98, от 14 апреля 1999 г. № 2/71-99, от 13 апреля 2005 г. № 2/98-2005 // Новая аптека. — 2006. — № 6.

11. РосПравосудие: официальный сайт // URL: <https://rospravosudie.com/court-svetloyarskij-rajonnyj-sud-volgogradskaya-oblast-s/act-104491206/>

12. Данилова С. И., Реуцкая Е. И. Особенности уголовно-правовой квалификации и производства предварительного расследования по уголовным делам о вовлечении несовершеннолетних в совершение преступлений и антиобщественных действий / С. И. Данилова, Е. И. Реуцкая // Материал подготовлен для правовой системы «КонсультантПлюс».

13. РосПравосудие: официальный сайт // URL: <https://rospravosudie.com/court-sovetskij-rajonnyj-sud-g-kazani-respublika-tatarstan-s/act-100764298/>

14. Сокол Е. В. Понятие систематичности при вовлечении несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий / Е. В. Сокол // Общество и право. — 2014. — № 4 (50). — С. 135.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Буданова Елена Александровна. Доцент кафедры уголовного права и криминологии.

Воронежский институт МВД России.

E-mail: budanovaelena@yandex.ru

Россия, 394065, Воронеж, проспект Патриотов, 53.

Тел. (4732) 200-53-32.

Budanova Elena Aleksandrovna. Associate Professor of the chair of Criminal Law and Criminology. Candidate of Law, Associate Professor.
Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
E-mail: budanovaelena@yandex.ru
Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53. Tel. (473) 200-53-32.

Ключевые слова: преступления против семьи и несовершеннолетних; вовлечение в преступление; антиобщественные действия; уголовная ответственность.

Keywords: crimes against family and minors; involvement in a crime; antisocial action; criminal liability.

УДК 343.5

**Е. В. Герасимова;
О. Н. Жидконожкина**

ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ОПРОСА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО

TACTICAL FEATURES OF THE SURVEY OF A MINOR

В статье проведен анализ вопроса об особенностях проведения опроса несовершеннолетнего при проведении доследственных проверок, а также при рассмотрении дел об административных правонарушениях. Рассмотрены тактические приемы проведения опроса.

In the article the analysis of the peculiarities of the survey of juveniles when conducting inspections, as well as when considering cases on administrative offences. Considered the tactical methods of the survey.

Человек, его права и свободы признаются наивысшей ценностью. Вторая статья Конституции Российской Федерации закрепила одно из основных обязанностей государства – соблюдение и защита прав и свобод человека [1]. Речь идет об охране прав и свобод всех граждан от преступных посягательств и других неправомерных действий, включая и охрану прав и законных интересов лиц, виновных в совершении преступлений, и лиц, отбывающих наказание, назначенное судом за их преступные действия. Указанные положения Конституции имеют важное значение во всех сферах государственной деятельности, но особенно их роль велика в сфере уголовного и административного производства, где наиболее остро затрагиваются права и свободы граждан.

Особого внимания со стороны государства заслуживают права и законные интересы несовершеннолетних. Согласно ст.19 Конвенции о правах ребенка (одобрена Генеральной ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г.) «государства-участники принимают все необходимые законодательные, административные, социальные и просветительные меры с целью защиты ребенка от всех форм физического или психологического насилия, оскорбления или злоупотребления» [2].

Особенно актуально это звучит в настоящее время, когда несовершеннолетние все чаще становятся субъектами административного и уголовного производства. Отсутствие четкой регламентации их правового статуса, механизма реализации предоставленных им прав существенно ослабляет правовую защищенность этой категории граждан.

В настоящей статье предлагаю более подробно остановиться на тактических особенностях проведения опроса несовершеннолетнего при рассмотрении дел по административным правонарушениям и при проведении доследственных проверок, проводимых в соответствии с требованиями ст. ст. 144-145 УПК РФ [3].

Для того чтобы непосредственно перейти к особенностям при проведении опроса несовершеннолетних, необходимо сформулировать само понятие «опроса». Согласно ч.1 ст. 15 Федерального закона от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ОРД), опрос – это оперативно-розыскное мероприятие, представляющее собой вербальный контакт сотрудника оперативного подразделения с гражданами, которые располагают или могут располагать информацией, представляющей определенный интерес для оперативно-розыскных органов [4].

Однако, опрос является составной частью не только оперативно-розыскной деятельности, но и других видов правоохранительной деятельности, например административной, уголовного-процессуальной. Однако такие опросы не тождественны опросу в ОРД и имеют существенные отличия.

Например, участники опроса в уголовном процессе, в отличие от ОРД, наделены процессуальным статусом и обязанностями; его проведение регламентировано уголовно-процессуальным кодексом и цель его проведения заключается в собирании фактических данных, их последующей оценке и использовании в процессе доказывания по уголовному делу.

В административной практике проведение опроса имеет широкое распространение, однако он возможен лишь с согласия предполагаемых объектов для достижения определенных целей и решения задач, например привлечения к административной ответственности, выполнения договорных обязательств и др.

В административном производстве объяснение лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонару-

шении, а также показания потерпевшего и свидетелей, может оформляться не на отдельном бланке, а в специальных процессуальных документах: 1) в протоколе об административном правонарушении; 2) протоколе о применении меры обеспечения производства по делу об административном правонарушении; 3) протоколе рассмотрения дела об административном правонарушении.

Кроме того, в административном производстве допускается принятие объяснения, содержащее сведения имеющие отношения к делу как в письменной, так и устной форме (ч. 1 ст. 26.3 КоАП РФ) [5].

При равном процессуальном положении, опрос несовершеннолетнего, имеет некоторые особенности.

Во-первых, опрос несовершеннолетних имеет свою специфику, которая обусловлена его возрастными особенностями, а также своеобразием психологии. Эти обстоятельства предопределили необходимость установления дополнительных гарантий, обеспечивающих объективность проведения опроса, а процесс его проведения требует, соответственно, особых тактических приемов.

Такие науки как педагогика и психология различают шесть групп несовершеннолетних в зависимости от их возраста и психического развития:

- младенческий возраст (от рождения до 1 года),
- раннее детство (от 1 года до 3 лет),
- дошкольный возраст (от 3 до 7 лет),
- младший школьный возраст (от 7 до 11 лет),
- подростки (от 11 до 14-15 лет),
- старший школьный возраст (от 14-15 до 17-18 лет).

В рассматриваемом нами вопросе наибольший интерес, в силу психологических возрастных особенностей, представляют последние четыре группы, т.е. те несовершеннолетние, которых нередко приходится опрашивать в связи с рассмотрением дел о преступлениях и об административных правонарушениях. Именно с учетом этих особенностей строится тактика опроса, формулируются вопросы, избирается линия поведения сотрудника полиции, проводящего опрос.

Дети в дошкольном возрасте уже начинают осмысливать окружающую их действительность, запоминать и логически передавать увиденное. Особенностью их восприятия является то, что они плохо разбираются в причинных связях, и не способны целиком воспринимать событие, акцентируя свое внимание на второстепенных, но наиболее ярких, по их мнению, моментах. Если ребенок понимает, о чем его будут опрашивать, он может быть опрошен независимо от возраста. Естественно, что существует такая возрастная черта, за пределами которой опрос ребенка является совершенно бесполезным, но эта черта не может быть дана в виде конкретного указания возраста. Возраст этот может меняться в зависимости от ин-

дивидуальных особенностей ребенка и от тех фактов, о которых следует ребенка опрашивать.

У детей младшего школьного возраста уже начинают вырабатываться первоначальные навыки преднамеренного восприятия, логического рассуждения и повествования. Они проявляют умение действовать в соответствии с поставленной задачей, у них формируется система взаимосвязанных понятий, накапливается определенный практический опыт. В этом возрасте дети могут быть склонны к преувеличению, не всегда способны детально описать и конкретизировать увиденные им предметы, но хорошо их узнают. Поэтому в процессе опроса для того чтобы оживить память, целесообразно предъявлять им предметы, имеющие отношения к рассматриваемому вопросу.

Психология подростков в возрасте от 11 до 14-15 лет характеризуется более широкими познавательными процессами, усилением самосознания, проявлением чувства долга и ответственности, потребности к общению. Подростки стремятся подражать взрослым, но при этом, в силу некоторых возрастных особенностей психики, не всегда правильно воспринимают поступки людей. Известны случаи, когда подростки положительно оценивают отрицательные действия и поступки людей. В этом возрасте подростки самоуверенны, чувствительны к замечаниям окружающих, недостаточно критически оценивают свои поступки. В указанном возрасте несовершеннолетние практически не способны к логическому восстановлению событий.

В возрасте от 14 до 18 лет подростки находятся в процессе стремительного развития личности. В зависимости от индивидуальных и социальных особенностей, этот процесс у разных лиц протекает неодинаково, но он всегда представляет собой переход от детства к взрослости. В этом возрасте подросток не желает удовлетворяться пассивной ролью опекаемого ребенка, но еще не созрел для ответственных ролей взрослого. Поэтому его тяга к самоутверждению часто принимает стихийные формы. Возраст от 14-18 лет, так называемый переходный период – период становления личности, утверждения ее в обществе. «Психика таких несовершеннолетних характеризуется стремлением к самостоятельности и независимости, преувеличенным мнением о своих возможностях, их поведению свойственны повышенная активность и подвижность, большая возбудимость и резкая смена настроений. Характер и мировоззрение еще не сформировались полностью. Порой подростки этого возраста не в состоянии отличить плохое от хорошего, смелость от лихачества, свободу от своеволия, чувство собственного достоинства от себялюбия, реальную мечту от фантазии; бывают готовы ради ложного героизма и неправильно понятого товарищества совершить преступление, взять на себя чужую вину» [6].

Во-вторых, опрос несовершеннолетнего следует проводить незамедлительно после происшествия и восприятия им обстоятельств, связанных с

данным событием. Это обусловлено тем, что ребенок под влиянием новых впечатлений способен быстро забывать старые воспоминания, тем более, если интересующее нас событие не имеет для него резкого эмоционального значения. Следует отметить, что в ходе опроса несовершеннолетние, в силу недостаточного уровня развития, ограниченности логического мышления, отсутствия какого-либо жизненного опыта и профессиональных знаний, не могут правильно воспроизвести запечатленную информацию. Однако они способны легко запоминать наиболее яркие моменты и детали происшедшего (например, номер автомашины, броские приметы правонарушителя, свидетелей и т.п.).

В третьих, сотрудник полиции, опрашивающий несовершеннолетнего, обязан при подготовке к опросу получить сведения об уровне развития несовершеннолетнего, его интересах, привычках, а также о взаимоотношениях с лицом (лицами), в отношении которого (которых) будет проводиться опрос. Все это необходимо для того, чтобы правильно выстроить схему опроса и не нанести при этом психологической травмы несовершеннолетнему. Кроме этого, сотрудник полиции (как правило – это сотрудник подразделения по делам несовершеннолетнего) должен заранее составить план опроса, сформулировать вопросы, которые ему предстоит задать ребенку. Задаваемые вопросы должны быть четкими, понятными, недвусмысленными, не допускать наводящих вопросов.

В четвертых, при опросе несовершеннолетнего, в отличие от взрослых опрашиваемых, обязательно присутствии третьих лиц. В соответствии с п. 5 ст. 25.3 КоАП РФ при рассмотрении дела об административном правонарушении, совершенном лицом в возрасте до восемнадцати лет, в частности при проведении опроса, обязательно присутствие законного представителя, каковыми являются родители, усыновители, опекуны или попечители. В этом случае, на усмотрение сотрудника полиции, при опросе может присутствовать также и психолог. Тогда как при опросе несовершеннолетнего свидетеля в возрасте до четырнадцати лет, присутствие педагога или психолога является обязательным.

Кроме того, заботясь о нравственном состоянии несовершеннолетнего, при рассмотрении обстоятельств дела, которые могут оказать на него отрицательное влияние, несовершеннолетний может быть временно удален из служебного или иного помещения (п. 4 ст. 25.1 КоАП РФ).

Еще один момент, который также требует особого подхода при рассмотрении – это вопрос о продолжительности опроса несовершеннолетнего. В административном законодательстве не предусмотрены ограничения по количеству времени отведенному на опрос несовершеннолетнего, тогда как ребенок, в силу возрастных особенностей, не способен на длительную беседу с сотрудником полиции. В данном случае было бы целесообразно руководствоваться ч. 1 ст. 425 УПК РФ, согласно которой «допрос несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого не может продолжаться

без перерыва более 2 часов, а в общей сложности более 4 часов в день» [3]. Распространение данного правила на продолжительность опроса несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля как в рамках проведения доследственных проверок, так и при рассмотрении дел по административным правонарушениям, будет абсолютно законным.

В качестве тактических особенностей проведения опроса несовершеннолетнего следует отметить следующее:

- несовершеннолетний может давать пояснения в форме свободного рассказа. При этом опрашивающий помогая ему не терять нить изложения, направляет повествование несовершеннолетнего в нужное русло;

- задавая вопросы, необходимо убедиться в том, что несовершеннолетний правильно и в полном объеме понял их содержание, а при необходимости полностью изменить формулировку вопроса, упростить его или разделить на несколько более конкретных и простых;

- несовершеннолетнему, который дал правильные, хотя и неполные, неточные показания, целесообразно задавать уточняющие и дополняющие вопросы. При этом они должны быть простыми, четкими, понятными, конкретными, недвусмысленными и не содержать терминов, недоступных для понимания несовершеннолетним;

- в случае, если несовершеннолетний уклоняется от дачи объяснения, либо дает заведомо ложные показания, сотрудник полиции, проводящий опрос, обязан выяснить причины такого поведения, и принять меры направленные на изменение позиции, занятой несовершеннолетним при опросе. При этом действия опрашиваемого должны быть основаны только на методах убеждения и переубеждения.

В заключение хотелось бы отметить, что проведение опроса несовершеннолетнего сложно не только с точки зрения процессуальных особенностей, но и с точки зрения психологии. Сотрудник полиции, проводящий опрос, должен обладать навыками профессионального психолога, установить психологический контакт с опрашиваемым, провести опрос так, чтобы у подростка не осталось каких-либо психологических травм, отрицательных эмоций, чтобы он не замкнулся в себе и не отказался давать показания. Следуя предложенным правилам, сотрудник полиции при опросе несовершеннолетнего получит наиболее полные и достоверные сведения по существу рассматриваемого вопроса, что поможет принять законное и объективное решение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. (с изм.) // Рос. газ. – 1993. – 25 дек.

2. Сборник стандартов и норм ООН в области предупреждения преступности и уголовного правосудия. Нью – Йорк: ООН, 1992. – С. 324 - 334.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ: принят Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации 22 ноября 2001 г.: одобрен Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 05 декабря 2001 г.: введен Федеральным законом Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 177-ФЗ: в ред. Федерального закона Российской Федерации от 03 февраля 2014 г. № 7-ФЗ // Российская газета. – 2001. – 22 декабря. – № 249.

4. Об оперативно-розыскной деятельности : Федеральный закон от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (с изм. и доп. на 4 декабря 2017 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.

6. Кон И.С. Социология личности. – Москва: Издательство политической литературы, 1967 г. – с. 142.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

Герасимова Евгения Валериевна.

Старший преподаватель кафедры административной деятельности органов внутренних дел.

Воронежский институт МВД России, 394065, Воронеж, проспект Патриотов, 53.

Тел. (473) 200-52-92.

Жидконожкина Ольга Николаевна.

Старший преподаватель кафедры административной деятельности органов внутренних дел.

Воронежский институт МВД России, 394065, Воронеж, проспект Патриотов, 53.

Тел. (473) 200-52-92.

Gerasimova Evgenia Valerievna. Senior lecturer, Department of administrative activities of internal Affairs bodies. Voronezh Institute of MIA of Russia, 394065, Voronezh, prospect Patriotov, 53.

E-mail: Gev89515464242@yandex.ru.

Tel: (473) 200-52-92.

Zhidkonozhkina O.N. Senior Lecturer in administrative activities of internal affairs bodies, the Voronezh Institute of Ministry of Internal Affairs of Russia.

E-mail: Olga904210@yandex.ru

Tel: (473)200-52-92.

Ключевые слова: несовершеннолетний, законный представитель, опрос, психологические особенности, тактические приемы, административное производство, педагогика, психология.

Keywords: underage, legal representative, interviewing, psychological characteristics, tactics, administrative procedures, pedagogy, psychology.

УДК 316.346.32

**А. Н. Гушин;
В. А. Шерстков**

**ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНОГО
ПРЕДМЕТА ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ
В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ**

**THE QUESTIONS OF IMPROVING THE SPECIAL FACT IN ISSUE
INTO CRIMINAL CASES WITH THE JUVENILE**

В статье рассмотрены вопросы совершенствования специального предмета доказывания по уголовным делам в отношении несовершеннолетних. Выделены проблемы выявления отдельных обстоятельств, устанавливаемых по уголовным делам в отношении несовершеннолетних.

In the article questions of improving the special fact in issue into criminal cases concerning minors are considered. The problems of identifying certain circumstances established into criminal cases with juvenile are singled out.

Преступность несовершеннолетних является одной из серьезнейших проблем современного общества, заслуживающая самого пристального внимания со стороны правоохранительных органов Российской Федерации.

Преступность несовершеннолетних оказывает дестабилизирующее влияние на все общество. Помимо этого, серьезным негативным фактором является то, что преступления совершаются несовершеннолетними, т.е. по сути, детьми. По причине возрастных и социально-психологических особенностей несовершеннолетние являются одной из наиболее незащищенных категорий нашего общества, поэтому в случае вовлечения их в качестве подозреваемых и обвиняемых в орбиту уголовного судопроизводства, становится необходимым особый подход к организации расследования совершенных ими противоправных деяний.

Решение вопросов эффективности предварительного расследования дел в отношении несовершеннолетних, всестороннего изучения личности несовершеннолетних преступников в рамках уголовного дела, других обстоятель-

ств, входящих в предмет доказывания, в значительной мере обусловлено качеством правового регулирования предмета доказывания по уголовным делам в отношении несовершеннолетних. Применение уголовно-процессуальных норм в следственно-судебной практике вызывает некоторые затруднения при установлении обстоятельств, входящих в предмет доказывания по делам в отношении несовершеннолетних, в частности, в силу недостаточно четкого их изложения, а также наличия определенных противоречий.

Условия жизни и воспитания несовершеннолетнего является обстоятельством, устанавливаемым по уголовным делам в отношении несовершеннолетних и относящимся к дополнительному предмету доказывания. В настоящее время в УПК РФ понятие «условия жизни и воспитания несовершеннолетнего» не только не раскрывается, но даже не содержит примерный перечень подобных условий, что способствует тому, что условия жизни и воспитания несовершеннолетнего органы предварительного расследования не устанавливают либо устанавливают не полно.

Принято выделять различные условия жизни и воспитания: объективные условия жизни и семьи, характеристика родителей и их отношение к воспитанию детей, бытовое окружение и содержание воспитательной работы с несовершеннолетним по месту учебы либо работы и жительства, характер мер, ранее принимавшихся компетентными органами по фактам неправильного поведения и правонарушений подростка, и другие[1].

Наиболее существенными сведениями, которые подлежат выявлению для установления условий жизни и воспитания несовершеннолетнего, являются: взаимоотношения в семье, занятость несовершеннолетнего (учеба или работа), круг общения, интересов и увлечений, взаимоотношения с окружающими, прошлое противоправное поведение[2].

Полагаем, данное обстоятельство объединяет в себе информацию о семье несовершеннолетнего, роде занятий и образе жизни его родителей или заменяющих их лиц, взаимоотношениях в семье. Кроме того, большая роль принадлежит выяснению условий учебы и работы (если несовершеннолетний работает), включая сведения об успеваемости, поведении, склонности к изучению каких-либо предметов, об участии в общественной или спортивной жизни образовательного учреждения, досуговых увлечениях.

Необходимость установления условий жизни и воспитания несовершеннолетнего, уровня психического развития и иных особенностей его личности говорит о социальной насыщенности судопроизводства [3].

Выяснение в совокупности условий жизни и воспитания несовершеннолетнего позволяет установить причины и условия, способствовавшие совершению преступления.

Выяснение условий жизни и воспитания предполагает также сбор сведений о постановке подростка на учет органы внутренних дел (время и причина); о мерах, применявшихся к нему в связи с совершением правонарушений, каково было его реагирование на эти меры; о проведении досуга,

отношению к учебе, работе, причинах незанятости; и т.п.

Дополнительный предмет доказывания по уголовным делам в отношении несовершеннолетних включает в себя также установление уровня психического развития. Причиной отставания в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, может стать нахождение несовершеннолетнего, к примеру, в социально опасной ситуации (вследствие социальной, психологической либо педагогической запущенности) или трудной жизненной ситуации. Такое отставание может возникнуть в результате серьезных соматических заболеваний, отрицательно влияющих на психическое развитие ребенка и его социализацию [4].

Для определения уровня психического развития несовершеннолетнего и при наличии данных об его умственной отсталости назначается комплексная психолого-психиатрическая экспертиза, производство которых, как правило, назначается органами предварительного расследования, когда несовершеннолетние либо состояли на учете, либо ранее наблюдались в психоневрологических диспансерах.

В качестве обстоятельства, подлежащего установлению по уголовному делу о преступлении, совершенном несовершеннолетним, УПК РФ закрепляет «иные особенности личности несовершеннолетнего», однако это обстоятельство законодателем также не конкретизируется, и что к ним относить не вполне понятно. К иным особенностям личности несовершеннолетнего следует относить: интересы, потребности, способности; темперамент и характер; степень интеллектуального, эмоционального и волевого развития; мотивацию, желания, ценностные ориентации и социальные установки [5].

Вполне обоснованным является выделение в числе иных обстоятельств: особенностей, определяющих социализацию несовершеннолетнего (правосознание, нравственность, воспитанность, целеустремленность, влияние социальной среды, материальное положение, общегражданские, трудовые, семейные отношения, участие в жизни школы и трудового коллектива, связь с преступными и другими антиобщественными элементами);

- индивидуально-психологических свойств личности (особенности темперамента и характера несовершеннолетнего, личностные качества и чувства, эмоциональные качества);

- психологических процессов и состояния (уровень психического развития, отставание в психическом развитии, особенности психических процессов).

ЛИТЕРАТУРА

1. Долматов А. О. Обстоятельства, характеризующие условия жизни и воспитания несовершеннолетних, совершивших преступления, подлежащие учету при назначении наказания // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2014. – №2 (12). – С. 55.

2. Каменданова М. С. Предмет доказывания по делам несовершеннолетних // Проблемы становления гражданского общества: сборник статей II Международной научной студенческой конференции, Иркутск, 21 марта 2014 г. – Иркутск : Иркутский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2014. – Часть. II. – С. 215.

3. Грибанова М. А. Особенности предмета доказывания по делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними // Вестник Брянского государственного университета. – 2015. – № 3. – С. 158.

4. Байбородова Н. Л. Некоторые особенности предмета доказывания в процессе предварительного следствия по делам о преступлениях несовершеннолетних / Н. Л. Байбородова // Научное сообщество студентов : материалы IX Междунар. студенч. науч.–практ. конф. (Чебоксары, 31 мая 2016 г.). – Чебоксары : ЦНС «Интерактив плюс», 2016. – С. 286.

5. Смирнова Г. Н. Обстоятельства, подлежащие установлению по уголовным делам в отношении несовершеннолетних // КриминалистЪ. – 2015. – №1(16). – С. 97.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

Гущин Александр Николаевич. Доцент кафедры уголовного процесса. Кандидат юридических наук.

Воронежский институт МВД России.

E-mail: guschin.an@mail.ru.

Россия, 394065, Воронеж, проспект Патриотов, 53.

Тел. (473) 200-56-39.

Шерстков Владислав Александрович. Слушатель 5 курса юридического факультета.

Воронежский институт МВД России.

E-mail: Vladragnaroksherstkov@gmail.com.

Россия, 394065, Воронеж, проспект Патриотов, 53.

Тел. (473) 200-56-39.

Guschin Aleksandr Nikolaevich. Candidate of law, associate professor of the chair criminal trial.

Voronezh institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

E-mail: guschin.an@mail.ru.

Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53.

Tel. (473) 200-56-39.

Sherstkov Vladislav Aleksandrovich. Fifth-year listener of the faculty of law.

Voronezh institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

E-mail: Vladragnaroksherstkov@gmail.com.

Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53.

Tel. (473) 200-56-39.

Ключевые слова: воспитание, доказательства, личность, жизнь, коллектив, несовершеннолетний, психика, семья, условия, характеристика, экспертиза.

Key words: education, evidence, personality, life, collective, minor, juvenile, psyche, family, conditions, characteristics, expertise.

УДК 343.13

**Н. Ю. Дутов;
Е. В. Краснослободцева**

**ПРОБЛЕМЫ ИЗБРАНИЯ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ
ПРИСМОТРА ЗА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ ПОДОЗРЕВАЕМОМ,
ОБВИНЯЕМОМ**

**PROBLEMS OF ELECTION PREVENTION MEASURES AS A MINUTE
FOR AN INCOMPLETE SUSPENDED, ACCUSED**

В статье проанализировано применение уголовно процессуального законодательства в отношении несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства. На первый план выдвинуты проблемы избрания меры пресечения в отношении несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых. Предложены возможные изменения и дополнения в законодательство на основе исследования практического опыта следственных подразделений и судебной практики.

The article analyzes the application of criminal procedural legislation in respect of minors in criminal proceedings. The problems of choosing a preventive measure against juvenile suspects, accused are brought to the forefront. Possible changes and additions to the legislation on the basis of a study of practical experience of investigative units and judicial practice are suggested.

Одной из первостепенных проблем нашего современного государства является преступность среди несовершеннолетних, так как дети - это основа будущего любого государства. Если проанализировать статистику МВД России, то в 2016 году число совершаемых преступлений несовершеннолетними достигло показателя в 51 тысячу, а в 2017 году остановилось на 42,5 тысячах. Указанные цифры свидетельствуют, что преступ-

ность среди несовершеннолетних постепенно уменьшается, но все же имеет место быть и примерно каждый пятый несовершеннолетний совершает преступление.

Производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних лиц находится под пристальным вниманием специалистов в области ювенальной юстиции. В Минимальных стандартных правилах ООН от 15 сентября 1985 г. и Конвенции ООН о правах ребенка от 20 ноября 1989 г., являющихся в соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции РФ частью российской правовой системы, выделяется, что объектом наибольшего внимания государства должно стать создание гарантий, обеспечивающих необходимую защиту прав и законных интересов несовершеннолетних граждан, вовлеченных в сферу уголовного правосудия. Уровень гарантий должен быть выше, нежели у взрослых лиц. Однако декларирование данных положений в конвенции и требования к их реализации имеют как теоретические, так и практические проблемы.

Государство должно соблюсти баланс между интересами несовершеннолетнего и требованиями уголовно-процессуального закона. Если государство, будет жестко наказывать несовершеннолетнего, в том числе и применяя меры пресечения связанные с ограничением свободы, то несовершеннолетний, как лицо с еще не сформировавшимися личностными качествами, приобретет уголовный уклон и в будущем продолжит совершать преступления. В тоже время, если несовершеннолетний не будет чувствовать жесткость правосудия, то потеряет психологические преграды, оказывающие останавливающее действие на его поступки. Это в полной мере касается мер пресечения в отношении несовершеннолетних. Какая мера будет наиболее эффективна как для лица, ведущего расследование, так и для несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого?

В теории уголовно-процессуального права не сформировалось единого, целостного мнения по различным основным моментам и вопросам, связанных с применением мер пресечения в отношении несовершеннолетних.

Особый спор вызывают: необходимость дополнения существующей системы мер пресечения (за счет введения в нее дополнительных специфических мер); возможность применения к несовершеннолетним следующих мер пресечения: домашний арест, залог, личное поручительство; специфика применения к этим лицам заключения под стражу (в том числе и на судебных стадиях).

Необходимость совершенствования механизма избрания и применения мер пресечения в отношении несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых, обусловлена недостаточным структурным содержанием системы мер, а также порядком их применения.

Неблагоприятным качеством действующей системы мер пресечения является нехватка вариантов исключительной специфической мере пресе-

чения, рассчитанный на применение к несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым - присмотру.

Недопустимость ее избрания по разнообразным причинам приводит к выбору для несовершеннолетнего меры пресечения из общего перечня.

Существует необходимость внести изменения в статью 423 УПК РФ, дополнив ее тем самым некоторыми ограничениями, касающиеся избрания мер пресечения в отношении несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых, а именно применение дополнительных позиций судами к избираемой мере пресечения. Такие ограничения содержатся в п. «г» ч. 2 ст. 90, ч. 4. ст. 91 УК РФ и ч. 1 ст. 107 УПК РФ.

Соглашаясь с мнением С.И. Глизнуца о том, что существует необходимость замены меры пресечения в виде заключения под стражу (часто применяемая к несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым) иной мерой пресечения, это помещение несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого в центр временного содержания несовершеннолетних правонарушителей. Но проведенное исследование показало, что в большинстве своем помещение несовершеннолетнего в ЦВСНП является исключительной мерой. Так в декабре 2014 года на рассмотрение Государственной Думы РФ был предложен проект Федерального закона предусматривающий правовые основания помещения несовершеннолетних преступивших уголовный закон и признанных в качестве подозреваемых или обвиняемых по уголовному делу в центры временного содержания для правонарушителей органов внутренних дел. В связи с чем предполагается внести изменения в УПК РФ, а именно добавление новой статьи 107¹ (Помещение в центры временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органов внутренних дел), которая приобретет статус меры пресечения применяемой исключительно для несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых, совершивших преступления различной степени тяжести, за исключением преступлений, предусмотренных ч. 5 ст. 92 УК РФ, а также преступления, предусмотренные статьями 131-135 УК РФ.

Проанализировав предложения, входящие в Федеральный законопроект, мы пришли к выводу, что внесение данных поправок в УПК РФ необходимо, так как в России ювенальная юстиция появилась относительно недавно (2010 год) и на сегодняшний день до конца не реализована на законодательном уровне, имея в своем развитии многочисленные пробелы в правоприменительной сфере.

Согласно ст. 420 УПК РФ, особый порядок производства применяется по уголовным делам в отношении лиц, не достигших к моменту совершения преступления возраста восемнадцати лет. Существует необходимость обращения нашего внимания так же на фактический возраст несовершеннолетнего на момент избрания меры пресечения а не на момент совершения преступления, при этом не распространяя такое правило на лиц

отстающих в психическом развитии, так как достижение лицом совершеннолетия предполагает применения к нему общих норм уголовного судопроизводства.

В связи с чем необходимо вести уточнение в ст. 423 УПК РФ, что нормы настоящей статьи будут распространяться на лиц, не достигших совершеннолетия к моменту решения вопроса об избрании меры пресечения.

Дознаватель, как и следователь вправе использовать специальную норму УПК РФ, предусмотренную ст. 105 «Присмотр за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым». Однако и в данном случае, равно как в следственной практике возникают проблемы избрания данной меры пресечения. На практике данная мера пресечения не получила широкого распространения, так как многие дознаватели, как и следователи избирают вместо данной меры пресечения, другую, предусмотренную ст. 102 УПК РФ, апеллируя тем, что норма ст.102 УПК РФ уже включает в себя все то, что содержится в ст.105 УПК РФ, за исключением нового субъекта (родителя, законного представителя) в отношении которого в принципе и применяется данная мера пресечения.

Постановление пленума верховного суда от 1 февраля 2011 года №1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» дает некоторые разъяснения на счет избрания и применения мер пресечения в отношении несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых. Так Постановление пленума верховного суда ввело запрет на применение к несовершеннолетнему лицу не достигшему 16 лет, впервые привлекаемому к уголовной ответственности за совершение преступления небольшой или же средней тяжести, а также несовершеннолетних впервые совершившие преступление небольшой тяжести, такой меры пресечения, как заключение под стражу. Применение к нему данной меры пресечения допускается при совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, с обязательным указанием правовых и фактических оснований такого решения.

Мере пресечения в виде заключения под стражу всегда должна быть альтернатива, и возможность применения к несовершеннолетнему лицу более мягкой меры пресечения. К альтернативной замене заключения под стражу Постановление пленума верховного суда относит передачу под присмотр несовершеннолетнего родителям, опекунам, попечителям, или другим лицам заслуживающим доверия. В случае нахождения несовершеннолетнего в специализированном детском учреждении - под присмотр должностных лиц данного учреждения.

Мы же считаем, что альтернативной мерой пресечения заключению под стражу может выступать домашний арест. Положения данной нормы предполагают введения определенных ограничений: общаться с определенными лицами; получать и отправлять корреспонденцию; вести перегово-

воры с использованием любых средств связи. Применение данной меры пресечения будет являться прямым отражением соблюдения норм международного законодательства в сфере отправления правосудия в отношении несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых.

Анализируя вышеизложенное, следует сделать вывод о том, что законодатель недостаточно внимания уделил вопросам практики применения к несовершеннолетним, норм, изложенных в ст. 105 и ст. 102 УПК РФ, что существенно осложняет работу следственных подразделений, так как данные нормы включают одни и те же положения, приводя следователя в заблуждение при правильности избрания меры пресечения. Недоработка федерального законодательства не позволяет должным образом осуществлять основные принципы международного законодательства в области защиты прав и законных интересов несовершеннолетних подозреваемых(обвиняемых). Решение вопроса об избрании меры пресечения на момент совершеннолетия лица совершившего преступление также остается не замеченным со стороны законодателя, что существенно осложняет работу следователя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фойницкий. И. Я. Курс уголовного судопроизводства / И. Я. Фойницкий. – М., 1996. Т. 2. – С 318.
2. Соборное уложение от 29 января 1649 г. URL : <http://base.garant.ru/57791500/> дата обращения 08.01.2018.
3. Владимирский-Буданов. М. В. Обзор истории русского права. / М. В. Владимирский-Буданов. – М., 1909. – С 184.
4. Леонов А. И., Резникова Е. А. Уголовно-процессуальная охрана прав и законных интересов несовершеннолетних : сборник материалов межведомственного круглого стола. – Воронеж : Воронежский институт МВД России, 2016. – 183 с. С. 93–98.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

Дутов Николай Юрьевич. Доцент кафедры уголовного процесса. Кандидат юридических наук, доцент.

Воронежский институт МВД России.

E-mail: dutov.nick@gmail.com

Россия, 394065, Воронеж, проспект Патриотов, 53.

Тел. (473) 200-53-42.

Краснослободцева Екатерина Витальевна. Слушатель 5 курса юридического факультета.

Воронежский институт МВД России.

E-mail: krasnoslobodtseva96@mail.ru

Россия, 394006, г. Воронеж, ул. Проспект патриотов, 53.

Тел. 8(908)1408—803.

Dutov Nikolay Yurievich. Associate Professor of the chair of Criminal Trial. Candidate of Law, Associate Professor

Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

E-mail: dutov.nick@gmail.com

Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53.

Tel. (473) 200-53-45

Krasnoslobodtseva Ekaterina Vitalievna. Listener 5 course of the Faculty of Law. Voronezh Institute of MVD Russia.

E-mail: krasnoslobodtseva96@mail.ru

Russia, 394006, Voronezh, St. patriotov Prospekt, 53.

Tel: 8(980)1408-803.

Ключевые слова: меры пресечения; проблемы избрания; избрания в отношении несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых.

Key words: preventive measures; election problems; election of juveniles suspected or accused.

УДК 343.1

**АДМИНИСТРАТИВНО-ЮРИСДИКЦИОННЫЕ ПОЛНОМОЧИЯ
ОВД В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ НЕЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ
ПО ФЕДЕРАЛЬНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ**

**ADMINISTRATIVE-JURISDICTION AUTHORITY OF THE ATS IN
THE SPHERE OF SECURING THE INFORMATION SECURITY OF
THE UNIVERSITY OF FEDERAL LEGISLATION**

Статья посвящена административно-юрисдикционным полномочиям органов внутренних дел в сфере обеспечения информационной безопасности. В статье дается характеристика административно-юрисдикционных полномочий органов внутренних дел в сфере обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних по федеральному и региональному законодательству. Особое внимание уделяется предложениям совершенствованию законодательства по возбуждению должностными лицами полиции дел об административных правонарушениях в сфере защиты детей от вредоносной информации.

The article is devoted to the administrative and jurisdictional powers of the internal affairs bodies in the field of information security. The article describes the administrative and jurisdictional powers of the bodies of internal affairs in the field of information security for minors under federal and regional legislation. Particular attention is paid to proposals to improve legislation on the initiation by police officials of cases of administrative violations in the field of protecting children from harmful information.

Реализация управленческой деятельности публичной власти в любой сфере требует гармоничного сочетания правового установления и правоприменения, опирающегося на надлежащее организационное обеспечение. Правовое регулирование при этом выступает базисом для всей последующей деятельности. Исходя из этих очевидных начал следует охарактеризовать административно-юрисдикционные полномочия органов внутренних дел в сфере обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних по федеральному и региональному законодательству.

1. Федеральный уровень. В первую очередь следует обратиться к общему составу административного правонарушения, обеспечивающему защиту несовершеннолетних от вредоносной информации – статье 6.17 КоАП РФ. Действие данной нормы сегодня нацелено лишь на субъектов массового информирования. На это указывает тот факт, что полномочиями

на возбуждение этой категории дел в соответствии с п. 96 ч. 2 ст. 28.3 КоАП РФ в контексте трактовки ч. 1 ст. 20 ФЗ № 436 наделены лишь должностные лица Роскомнадзора, Рособнадзора и Роспотребнадзора. Зачастую должностные лица этих органов должны осуществлять информационные права несовершеннолетних, хотя даже не имеют непосредственных контактов с ними. И напротив, образовательные организации, органы опеки и попечительства, органы социальной защиты, подразделения полиции по делам несовершеннолетних и комиссии по делам несовершеннолетних и защиты их прав, непосредственно осуществляя профилактику девиации в молодежной среде, не уполномочены инициировать административно- деликтное производство по факту вредоносного информационного воздействия на детей.

Информационная среда ребенка это комплексная сфера жизнедеятельности, поэтому ее правовое охранение тоже должно быть комплексным. Соответственно полномочия по составлению протоколов по данным статьям должны быть разделены среди всех субъектов профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

Формы объективной стороны рассматриваемого правонарушения, как нам представляется, могут и должны быть отнесены к юрисдикционным полномочиям сотрудниками полиции. В пользу принятия данного решения также говорит тот факт, что оба специальных состава (ст. ст. 6.20 и 6.21 КоАП РФ), обеспечивающих защиту несовершеннолетних от вредоносной информации, уже отнесены к административно- юрисдикционной компетенции полиции. Таким образом, распространение права должностных лиц полиции на составление протоколов об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 6.17 КоАП РФ, лишь восстанавливает процессуальный баланс, устраняя ситуацию, когда сотрудник органов внутренних дел вправе возбудить дело по квалифицированному составу, но не имеет полномочий в отношении «базового» деликта. Следует также отметить, что отнесение рассмотрения дел об административных правонарушениях, предусмотренных данной статьей, к исключительной компетенции судов, обеспечивает гарантию объективности и справедливости, минимизируя угрозу превышения полномочий или неверного толкования норм права сотрудниками полиции.

Для реализации высказанного предложения есть два варианта внесения изменений в законодательство Российской Федерации. Первый вариант предоставит возможность составления соответствующих протоколов об административных правонарушениях максимально широкому перечню должностных лиц органов внутренних дел. Для его реализации следует сделать следующие коррективы:

1) статью 20 Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» дополнить частью 1.1 в следующей редакции:

1.1. Государственный надзор за соблюдением законодательства Российской Федерации о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию, осуществляет в пределах своей компетенции федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере внутренних дел.

2) в пункт 1 части 2 статьи 28.3 Кодекса РФ об административных правонарушениях внести изменения, заменив сочетание цифр «6.15, 6.16, 6.16.1, 6.20,» на «6.15–6.17,».

Второй вариант модификации законодательства, который, на наш взгляд, является предпочтительным, предусматривает «точечное» наделение наиболее квалифицированных представителей отдельных служб и подразделений полиции соответствующими административно-юрисдикционными полномочиями. Для этого при внесении указанных выше корректив в ФЗ № 436, не следует изменять положения части 2 статьи 28.3 КоАП РФ, так как предполагается, что должностные лица полиции уже уполномочены составлять соответствующие протоколы в связи с отнесением их к п. 96 ч. 2 ст. 28.3 КоАП РФ, как представители одного из органов исполнительной власти, осуществляющего государственный надзор за соблюдением законодательства РФ о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию.

Определившись с базовым составом в рассматриваемой сфере, перейдем к общей характеристике административно-юрисдикционных полномочий полиции в сфере обеспечения информационно-психологической безопасности детей, которые в силу функциональной универсальности этого крупного правоохранительного органа, должны быть достаточно широки. В целях проверки этого предположения следует соотнести приведенный в третьем параграфе предыдущей главы перечень составов административных правонарушений, посягающих на информационную безопасность детей, с процессуальными нормами КоАП РФ, а также позициями ведомственных нормативных правовых актов, детализирующих процедуру реализации административно-юрисдикционных полномочий полицией.

Согласно статье 23.3 КоАП РФ из шестнадцати статей (ст. ст. 5.26, 5.61, 6.10, 6.13, 6.17, 6.20, 6.21, 6.23, 6.26, 6.27, 13.15, 13.21, 14.3.1, 20.1, 20.3, 20.29 КоАП РФ), чья объективная сторона связана с непосредственной или потенциальной угрозой информационной безопасности несовершеннолетнего, органы внутренних дел (полиция) уполномочены рассматривать только составы статьи 20.1 КоАП РФ «Мелкое хулиганство». Данное правонарушение имеет три вариативных

формы объективной стороны, из которых потенциально посягает на информационно-психологическую безопасность несовершеннолетних будет лишь одна – сопровождающееся нецензурной бранью выражение явного неуважения к обществу, нарушающее общественный порядок.

Столь скудные полномочия полиции в рассматриваемой сфере не кажутся нам несправедливыми, ведь говоря об обеспечении информационной безопасности несовершеннолетних, мы подразумеваем ограничение конституционной свободы – свободы слова и информации. Наделение правом рассмотрения абсолютного большинства дел об административных правонарушениях по указанным статьям КоАП РФ судов в полной мере соответствует духу правового государства и обеспечивает дополнительную защиту от возможности использования интересов ребенка в качестве ширмы для реализации государственной административно-политической цензуры.

Далее свое внимание следует обратить на положения п. 1 ч. 2 ст. 28.3. КоАП РФ, которые делегируют должностным лицам полиции право составлять протоколы об административных правонарушениях по составам, предусмотренным статьями 6.10, 6.13, 6.20, 6.21, 6.23, частями 2 и 5 статьи 13.15, статьями 13.21, 20.3 и 20.29 КоАП РФ. В совокупности со статьей 20.1 КоАП РФ, эти составы образуют более 60% от общего числа статей КоАП РФ, связанных с защитой детей от вредоносной информации.

Перечисленные правонарушения в зависимости от вида вредоносной информации, которая доводится до сведения несовершеннолетнего, можно классифицировать на три основные группы: связанные с распространением сведений непристойного характера, сведений экстремистского характера и деструктивной для здоровья информации.

К первой группе следует отнести составы правонарушений, предусмотренные статьями 6.20 и 6.21 КоАП РФ, а также частью 3 статьи 13.21 КоАП РФ. С оборотом сведений экстремистского характера связаны составы правонарушений, предусмотренных статьями 13.15, 20.1 и 20.29 КоАП РФ, потенциальный вред для здоровья ребенка представляет получение им информации, запрет распространения которой обеспечен статьями 6.10, 6.13, 6.23 КоАП РФ.

В юридической науке общественная нравственность определяется как исторически выработанная и принятая людьми совокупность норм и правил поведения, отражающих представление о добре и зле, чести и достоинстве, справедливости, жестокости и милосердии [1]. Административно-юрисдикционная деятельность ОВД в сфере противодействия обороту непристойной информации характеризуется определенными проблемами. Анкетирование сотрудников территориальных ОВД о работе полиции по противодействию распространения непристойных сведений дало следующие результаты:

35% считают работу полиции неудовлетворительной, 47% удовлетворены качеством работы лишь 17% сотрудников считают, что противодействие обороту непристойной информации организовано хорошо [2].

Статья 6.20 КоАП РФ предусматривает ответственность за изготовление юридическим лицом материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних и оборот таких материалов или предметов. Данное деяние должно быть совершено от имени или в интересах лица, осуществляющего управленческие функции в данной организации, или выполняет организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в данной организации (постоянно, временно либо по специальному полномочию). Предметом правонарушения выступают порнографические материалы, которые согласно части 1 Приказа от 11 сентября 2013 г. Роскомнадзора № 1022, ФСКН России № 368, Роспотребнадзора № 666 [3], к таковым относятся, в частности, любое изображение какими бы то ни было средствами ребенка, совершающего реальные или смоделированные откровенно сексуальные действия, или любое изображение половых органов ребенка в сексуальных целях, фото-, видео-, аудио- и (или) текстовая информация, направленная на возбуждение сексуальных чувств по отношению к несовершеннолетним либо оправдывающая сексуальное поведение в отношении несовершеннолетних.

Статья 6.21 КоАП РФ предусматривает ответственность за пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних. Отметим, что на сегодняшний день в дополнение к данному деликту в ряде субъектов РФ приняты законы об административной ответственности за пропаганду педофилии, гомосексуализма, бисексуализма, трансгендерности среди несовершеннолетних [4].

Обращаясь к вопросу административно-юрисдикционного противодействия правонарушениям, связанным с оборотом сведений экстремистского характера, следует обратить внимание на проблемы, свойственные для отечественной правовой системы защиты от воздействия подобных сведений в целом. Наиболее заметная из них - отсутствие в статье 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [5] четкого определения термина «экстремизм», что вызывает коллизии во всем антиэкстремистском законодательстве. В частности, вызывает определенную тревогу противоречия при толковании статьи 20.3 КоАП РФ. Ярким примером такового является недавнее решение Роскомнадзора не расценивать демонстрацию нацистской символики без целей пропаганды в качестве административного правонарушения [6]. Примечательно, что буквально накануне рассматриваемого пресс-релиза, Конституционный суд подтвердил противоправный статус демонстрации

свастики независимо от используемого контекста [7]. Загвоздка заключается в том, что ФЗ № 114 запрещает пропаганду и публичное демонстрирование соответствующей атрибутики или символики, в то время как статья 20.3 КоАП РФ признает административно наказуемым «пропаганду либо публичное демонстрирование». Проводившие лексико-юридическое исследование по заказу Роскомнадзора специалисты посчитали, что использование союза «либо» вместо «и» – лексическая ошибка, которая позволяет выходить правоохранительным органам за пределы запрета, установленного ФЗ № 144. Однако это мнение ошибочно, так как «и» был специально заменен на «либо» только в 2012 году.

2. На региональном уровне административно-юрисдикционные полномочия полиции в сфере защиты детей от вредоносной информации сводятся к содействию физическому, интеллектуальному, психическому, духовному и нравственному развитию детей.

Принятие в 2011 году Федерального закона «О полиции» ознаменовало, в том числе, полную федерализацию органов внутренних дел. Если до того времени существенная часть штата милиции общественной безопасности формировалась и финансировалась региональными властями, то часть 1 статьи 4 указанного закона однозначно определила централизацию полиции, как составной части единой системы МВД России. Соответственно, любой сотрудник полиции - федеральный государственный служащий, который не может быть подчинен любой ветви власти субъекта Российской Федерации.

Из этого следует, что принятые региональным законодательным (представительным) органом власти нормативный акт не может наделять полицию дополнительными полномочиями. Это оказалось неожиданностью и для разработчиков и для правоприменителя. Только по прошествии нескольких лет после принятия ФЗ «О полиции», возник вопрос о правомерности применения сотрудниками полиции региональных законов об административных правонарушениях. Так, о недопустимости наделения сотрудников полиции административно-юрисдикционными полномочиями говорится в Определениях Верховного Суда РФ от 29 августа 2012 г. № 5-АПГ 12-21 (г. Москва), от 27 февраля 2013 г. № 46-АПГ 13-2 (Самарская область), от 14 августа 2013 г. № 78-АПГ 13-15 (г. Санкт-Петербург).

Результатом указанных судебных разъяснений стало введение фактического моратория на документирование предусмотренных законодательством субъекта РФ административных правонарушений сотрудниками территориальных органов внутренних дел. И это при том, что часть 2 статьи 3 ФЗ о полиции однозначно указывает на возможность руководствоваться в правоохранительной деятельности полиции законами субъектов РФ по вопросам охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности.

Налицо правовая коллизия, при которой сотрудники полиции, будучи практически единственными работающими со всеми слоями общества субъектами, не уполномочены реагировать на жалобы, например, о нарушении тишины и покоя граждан или так называемого «детского комендантского часа». Легальная реакция на возникший конфликт последовала лишь в июле 2014 года, когда в КоАП РФ были внесены изменения, позволяющие сотрудникам полиции составлять протоколы об административных правонарушениях по региональному законодательству, но только при наличии соглашения между МВД России и Правительством (иным исполнительно-распорядительным органом власти) соответствующего субъекта РФ.

На наш взгляд, подобная попытка разрешения возникшей проблемы не является оптимальной. Во-первых, по прошествии трех лет подобные соглашения приняты лишь в одном субъекте Российской Федерации.

Во-вторых, даже после принятия подобного соглашения, при необходимости расширения полномочий полиции, его придется дополнять, вновь запуская процедуру согласования.

В-третьих, действующая редакция КоАП РФ позволяет наделять сотрудников полиции правом составления протоколов об административных правонарушениях по законам субъектов РФ только по деликтам, посягающим на общественный порядок и общественную безопасность. При этом неясно, каким образом региональный орган исполнительной власти и МВД России будут определять объект противоправного посягательства в каждом конкретном случае. Дело в том, что законодатель субъекта РФ свободен самостоятельно структурировать принимаемые нормативные правовые акты, и в региональном законе об административной ответственности (об административных правонарушениях) попросту может не быть главы «Административные правонарушения против общественного порядка и безопасности».

Резюмируя проведенное исследование особенностей возбуждения должностными лицами полиции дел об административных правонарушениях в сфере защиты детей от вредоносной информации, возможно сделать следующие предложения:

1. Представляется правильным предусмотреть в региональном законе об административных правонарушениях ответственность за пропаганду среди несовершеннолетних педофилии, бисексуализма и трансгендерности, так как эти проявления не входят в объем категории «нетрадиционные сексуальные отношения».

2. Следует обеспечить возможность полиции возбуждать дела об административных правонарушениях, выражающихся в несоблюдении требований к обеспечению мер по содействию физическому, интеллектуальному, психическому, духовному и нравственному развитию детей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Криминология: Особенная часть : учебник / под общ. ред. Ф. К. Зиннурова. – Казань: КЮИ МВД РФ, 2011. – С. 247.
2. Рыдченко К. Д. Административно-правовое обеспечение информационно- психологической безопасности органами внутренних дел Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук / К. Д. Рыдченко. – Воронеж, 2011. – С. 289.
3. Об утверждении критериев оценки материалов и (или) информации, необходимых для принятия решений Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, Федеральной службой Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков, Федеральной службой по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека о включении доменных имен и (или) указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет", а также сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети "Интернет", содержащие запрещенную информацию, в единую автоматизированную информационную систему "Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в информационно- телекоммуникационной сети "Интернет" и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет", содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено : Приказ Роскомнадзора № 1022, ФСКН России № 368, Роспотребнадзора № 666 от 11.09.2013.
4. Закон Рязанской области от 04.12.2008 N 182-03 "Об административных правонарушениях" (ст. 4); Закон Самарской области от 23.10.2007 № 115-ГД "Об административных правонарушениях на территории Самарской области" (ст. 2.28) и др.
5. О противодействии экстремистской деятельности : Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2002. – № 30. – Ст. 3031.
6. Демонстрация нацистской символики без целей пропаганды не должна трактоваться как нарушение закона о противодействии экстремизму: Официальный сайт Роскомнадзора [Электронный ресурс] // URL: <http://rkn.gov.ru/news/rsoc/news31736.htm> (дата обращения: 15.02.2018).
7. «Вань» вне закона: Официальный сайт «Российская газета» [Электронный ресурс] // URL: <http://www.rg.ru/2015/03/04/svastika.html> (дата обращения: 15.02.2018).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Занина Татьяна Митрофановна. Профессор кафедры административной деятельности органов внутренних дел. Кандидат юридических наук, профессор.

Воронежский институт МВД России.

E-mail: natasha042@yandex.ru

Россия, 394053, Воронеж, проспект Патриотов, 53.

Тел. (473) 200-52-99.

Zanina Tatiana Mitrofanovna. Professor of the Department of Administrative Activity of Internal Affairs Bodies, Professor.

Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

E-mail: natasha042@yandex.ru

Office address: Russia 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53.

Tel. (473) 200-52-99.

Ключевые слова: административно-юрисдикционные полномочия, органы внутренних дел, федеральный уровень, региональный уровень, несовершеннолетние, информационная безопасность.

Key words: administrative-jurisdictional powers, bodies of internal affairs, federal level, regional level, minors, information security.

УДК 349

ИДЕОЛОГИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КРИМИНАЛЬНОЙ СУБКУЛЬТУРЕ «А.У.Е.»

IDEOLOGY AS A COUNTERACTION TOOL FOR CRIMINAL SUBCULTURE «A. U. E.»

Статья посвящена анализу сущности криминальной субкультуры «А.У.Е.», факторам, детерминирующим ее появление и распространение. Акцентируется внимание на важности идеологического подхода к противодействию появлению и распространению субкультуры «А.У.Е.» и ей подобных.

The article is devoted to the analysis of the essence of the criminal subculture "AUE", to the factors that determine its appearance and distribution. Attention is focuses on the importance of the ideological approach to countering the emergence and spread of the subculture "AUE" and its like.

Возникновение термина «субкультура» связано с исследованиями, проводимыми в 30-ые годы прошлого столетия Ф. Трэшером, который изучал преступные банды в Чикаго.

По сей день проведенный им анализ деятельности банд, детерминации их возникновения и существования, законов и правил, регулирующих жизнь их членов, считается образцом криминологического исследования [1].

Возникшая в 30-ые годы XX века воровская мораль, изначально регулировавшая отношения воров-карманников друг с другом, а также с государством, долгие годы оставалась своеобразным «законом» преступного мира России. Воровские «понятия» в целом представляют собой извращенную мораль законопослушного гражданина: в них оправдывается совершение преступлений, а единственно правильным образом жизни признается воровской.

Говоря о происхождении криминальной субкультуры М. Фуко писал, что «в классическую эпоху на задворках или в щелях общества существовала смутная, терпимая и опасная область "внезакопия" или, по крайней мере, того, что ускользало от когтей власти; неопределенное пространство, место формирования и прибежище преступности. Там по воле случая и судьбы сталкивались бедность, безработица, преследуемая невинность, хитрость, борьба с властью имущими, отказ исполнять обязанности, поправание законов и организованная преступность» [2].

По мнению В. Г. Громова криминальная субкультура – это субкультура, являющаяся подвидом культуры, нормы которой противопоставляются общепринятым социальным нормам, и которая связана с нарушением

уголовно-правовых запретов [3].

Основой философии криминальной субкультуры является отрицание устоявшихся в обществе традиций, отношений между людьми и официальными институтами, оправдание и поощрение преступного образа жизни. Такая философия способствует позиционированию преступника как ни в чем не виновной, вполне полноценной и даже героической личности. Реализация криминальных философских идей в повседневной жизни происходит посредством таких неотъемлемых атрибутов субкультуры как татуировки, прозвища, жаргон, воровские нормы и обычаи, разделение преступников на касты.

В современном мире российская криминальная субкультура является не только «духовной пищей» для преступного сообщества, но и стремится к воспроизводству преступности.

Весьма существенное влияние она оказывает на формирование анти-социальной направленности личности несовершеннолетних.

Развитие правосознания, принятых в обществе базовых установок и ценностей, происходит в несовершеннолетнем возрасте и выражается в социальной активности граждан в различных сферах жизни. Важной особенностью такого развития выступает стремление подростков найти смысл жизни, понять, что представляют из себя такие термины, как «правовая норма», «законность», «правопослушное поведение».

Однако зачастую, преступный мир становится для подростков более привлекательным, чем законопослушное общество. В последние несколько лет происходит довольно активная экспансия криминальной субкультуры на несовершеннолетних, что способствует формированию асоциального поведения, совершению правонарушений.

Зародившееся в Чите и ее предместьях новое молодежное движение «А.У.Е.» (арестантский уклад един или арестантское уркаганское единство), имеет целью распространение ценностей криминального мира среди молодежи.

Исследователи проблемы, говоря о факторах появления А.У.Е., указывают на то, что в Забайкалье почти в каждой семье есть лица, отбывавшие наказание в виде лишения свободы, поэтому обо всех элементах подобной жизни молодежь знает не понаслышке [4].

Основными «боевыми единицами» движения выступают воспитанники детских домов-интернатов, от 14 до 18 лет, которые в свою очередь вербуют в свои ряды детей 11 – 14 лет. Дополнительно в движение привлекаются учащиеся общеобразовательных школ.

Организаторы движения – лица, отбывшие наказание в виде лишения свободы, преимущественно – представители низшего или среднего положения в криминальной иерархии, которые после освобождения, пытаясь зарекомендовать себя перед преступными авторитетами, заставляют несовершеннолетних путем обмана или угроз создавать группы для вымогательства денег со сверстников для «подогрева зоны».

О том, что деньги нужно зарабатывать классической трудовой дея-

тельностью члены А.У.Е. даже не знают. По воровским понятиям «работать – запаadlo». Единственный способ заработка – воровство, грабежи, в крайнем случае – мошенничество. Получать образование, читать книги – тоже «запаadlo». Члены А.У.Е. верят только в тот опыт, который они, рано или поздно, получают в тюрьме. А в том, что такой этап в их жизни случится – они даже не сомневаются [5].

Распространение идеологии А.У.Е. продолжается в социальных сетях. Поисковый запрос «А.У.Е.» в социальной сети «ВКонтакте» выдает более пятидесяти групп с общим количеством подписчиков, превышающим четыреста тысяч человек.

Порядка 20% групп заблокированы по решению судов, однако большая часть по-прежнему продолжает функционировать, пропагандируя идеи воровского мира.

Реализация идей А.У.Е. происходит в различных регионах России. В феврале 2013 года в профессиональном колледже №6 г. Читы произошли беспорядки, инициаторами которых стали приверженцы криминальной субкультуры. На рабочей встрече сотрудников УФСИН Забайкальского края и начальника отдела профессионального образования Министерства образования, науки и молодежной политики Забайкальского края Антона Тугова в Читинской исправительной колонии строго режима (ИК-5) участники встречи констатировали, что «ситуация, сложившаяся в Забайкальском крае, вышла из-под контроля»: «Низкий уровень социального благополучия, криминальная субкультура способствуют одурманиванию молодежи воровской романтикой, втягиванию молодых людей и подростков в совершение преступлений. Многие из них, в том числе воспитанники детских домов, придерживаются так называемых воровских понятий и пополняют ряды преступников» [6].

В мае 2013 года в Бурятском селе Малый Куналей три воспитанника детского дома, с криками «АУЕ!», забросали камнями полицейских [6].

В конце 2015 года в городе Хилок Забайкальского края более 20 воспитанников местного интерната напали на полицейский участок, устроив там погром, а в соседнем поселке Новопавловка родители учинили самосуд над несовершеннолетними приверженцами А.У.Е., вымогавшими деньги у учеников школы №17.

Криминальная субкультура добралась уже до Урала. Там идеологию А.У.Е. активно разделяют подростки Челябинска подтверждением чему – инцидент на фестивале красок «Холи», состоявшегося 27 мая 2016 г. на одной из центральных улиц города. В этот день толпа школьников – детей от 13-16 лет – в прямом смысле слова атаковала полицейский автомобиль, обеспечивавший порядок на мероприятии. Служебная машина была облита красками, а стражи порядка подверглись оскорблениям и вынуждены были удалиться под радостные возгласы: «АУЕ!» [5].

Таким образом, в течении двух-трех лет, криминальная субкультура

распространилась на значительной территории России – от локальных вспышек в Подмоскowie до тотального контроля молодёжи в Забайкалье [5].

Основными детерминантами столь бурного развития идеологии А.У.Е. можно назвать: региональные социально-экономические проблемы, вызывающие снижение уровня жизни населения; отсутствие перспектив трудоустройства для молодёжи; наличие у подростков свободного, а главное – ничем не занятого времени; низкое качество образования и отсутствие какой-бы то ни было воспитательной работы.

Моральной дезадаптации, ориентации на квазиценности преступного мира способствуют и современные телекоммуникационные и медиа технологии.

Активная пропаганда криминальной субкультуры обрушивается на формирующееся сознание подростка буквально отовсюду: от компьютерной игры «Тюряга», распространяемой в социальных сетях, до высказываний политиков с использованием блатного жаргона («беспредел», «откат» и др.), программ центрального телевидения, культивирующих блатные песни («Три аккорда»).

В своем интервью актер Павел Майков, сыгравший «Пчелу» в известном сериале «Бригада», сказал: «Для меня как актера сериал «Бригада» принес пользу – известность, а для общества, людей – вред. «Бригада» – это преступление перед Россией, в котором я участвовал. ... Вред «Бригады» в том, что мальчики хотели стали бандитами. А так нельзя. Нельзя спасти мир с помощью зла и насилия» [7].

Решение обозначенной проблемы должно включать в себя целый комплекс мероприятий, реализация которых должна базироваться на программе федерального уровня. Основа профилактики такого рода явлений – появление молодежной идеологии позитивного свойства, реализация которой осуществлялась бы через молодежные организации, поддерживаемые государством.

В этой связи следовало бы вспомнить советский опыт, когда государство с самого детства направляло молодёжь (пионерские организации, комсомол). Подростки были постоянно заняты: тимуровским движением, бесплатными секциями во Дворцах пионеров, проведением каникул в пионерских лагерях, с обязательными линейками, костром и вожатыми, а каждую осень дети отправлялись на сбор урожая в подшефные колхозы воспринимая это как пикник, а не как рабский труд на плантациях [8].

Природа не любит пустоты, поэтому там, где не занимаются молодежными проблемами, где не создаются условия для нормального развития подрастающего поколения, появляются такие извращенные явления как А.У.Е..

ЛИТЕРАТУРА

1. Thrasher F. The Gang: A Study of 1,313 Gangs in Chicago. — Chicago: University of Chicago Press, 1927. — 605 p.

2. Foucault M. Discipline and Punishment: The Birth of the Prison. — New York: Vintage, 1979. — 333 p.

3. Громов В. Г. Российская криминальная субкультура: философский аспект // Теология. Философия. Право. — 2017. — № 2 (2). — С. 45.

4. Юсупов Р. А., Громов В. Г. Сущность и детерминанты АУЕ // Право и правоохранительная деятельность : материалы IV Международной научно-практической конференции (СГУ им. Н. Г. Чернышевского, Саратов, 28 апреля 2017 г.). — Саратов : «Саратовский источник», 2017. — С. 234-236.

5. АУЕ – недетские игры сибирских детей. — URL: <http://www.4vsar.ru/articles/kolokol-rossii/90400.html> (дата обращения: 18.01.2018).

6. Опасные молодёжные движения. Или что такое АУЕ. — URL: <http://mykor.ru/blogs/blog-trang-a/opasnye-molodyozhnye-dvizheniya-ili-cto.html> (дата обращения: 18.01.2018).

7. АУЕ или новая опасная молодёжная субкультура в России. — URL: <https://sergs-inf.livejournal.com/2263473.html> (дата обращения: 16.01.2018).

8. URL: <https://ribalych.ru/2018/01/29/pavel-majkov-serial-brigada> (дата обращения: 25.01.2018).

9. Нужна ли современной молодежи идеология. — URL: <http://mirznanii.com/a/215300-1/nuzhna-li-sovremennoy-molodezhi-ideologiya> (дата обращения: 25.01.2018).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

Иванченко Роман Борисович. Начальник кафедры уголовного права и криминологии. Кандидат юридических наук, доцент.

Воронежский институт МВД России.

E-mail: rivanchenko@yandex.ru

Россия, 394065, Воронеж, проспект Патриотов, 53. Тел. (473) 200-53-30.

Буслов Максим Михайлович. Начальник отделения НЦБ Интерпола. Кандидат юридических наук.

ГУ МВД России по Воронежской области.

E-mail: mbuslov@mvd.ru

Россия, 394000, Воронеж, ул. Володарского, 39. Тел. (473) 2511-265.

Roman Borisovich Ivanchenko. PhD (Law), associate professor, head of the Department of criminal law and Criminology.

Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53.

Tel. (473) 200-53-30.

Buslov Maxim Mikhailovich. Head of Branch of NCB of Interpol. PhD (Law)/
Main department of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Voronezh region.

E-mail: mbuslov@mvd.ru

Work address: Russia, 394000, Voronezh, ul. Volodarsky, 39.

Tel. (473) 2511-265.

Ключевые слова: криминальная субкультура; АУЕ; идеологические меры профилактики.

Key words: criminal subculture; AUE; ideological prevention.

УДК 343.974.

Е.В. Ищенко

ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ЕЙ МЕР В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

FEATURES OF CRIMINAL LIABILITY AND ALTERNATIVE ITS MEASURES WITH RESPECT TO MINORS

В статье рассматриваются вопросы уголовной ответственности несовершеннолетних, порядок и условия применения статьи 92 Уголовного кодекса Российской Федерации к несовершеннолетним, совершившим преступления средней тяжести и тяжкие.

The article deals with the criminal responsibility of minors, the procedure and conditions for the application of Article 92 of the Criminal Code of the Russian Federation to minors who have committed crimes of medium gravity and serious.

В условиях возникновения новых криминальных вызовов и угроз, осложнения оперативной обстановки в различных регионах страны, повышения общественной опасности отдельных видов преступлений и тенденций глобализации преступности, пристальное внимание со стороны МВД России к профилактике правонарушений и преступлений соответствует объективным требованиям построения социально-ориентированного государства, обеспечивающего безопасность своих граждан.

При этом проблема преступности несовершеннолетних всегда была и остается одной из самых серьезных и актуальных для государства, поскольку напрямую связана с дальнейшим развитием общества. В подростковом возрасте в процессе формирования личности происходит особо интенсивное накопление опыта, в том числе отрицательного (криминально-

го), который в начале может внешне не обнаруживаться и проявиться со значительным запозданием, оказав огромное влияние на судьбу подростка. В настоящее время, несмотря на определенные позитивные тенденции в изменении структуры подростковой и молодежной преступности, проблема повышения эффективности профилактики повторных преступлений несовершеннолетних остается ключевой как для научного сообщества, так и для практических работников.

Согласно данным ГИАЦ МВД России, в 1 полугодии 2016 года каждое второе (56,3%) расследованное преступление совершено лицами, ранее совершавшими преступления, каждое третье (35,1%) – в состоянии алкогольного опьянения, каждое двадцать четвертое (4,1%) – несовершеннолетними или при их соучастии.

Наблюдаемое общее снижение количества преступлений несовершеннолетних небольшой, средней тяжести и тяжких необходимо сопоставить с существенным ростом этих показателей в отдельных регионах Российской Федерации, в том числе общего количества особо тяжких преступлений (по итогам 2015 г. наибольшее количество предварительно расследованных преступлений, совершенными несовершеннолетними или при их соучастии, наблюдается в Кемеровской, Свердловской и Новосибирской областях, Забайкальском и Пермский краях; для сравнения, – г. Москва занимает в данном «антирейтинге» 9 место, Воронежская область – 43 место [1], что может свидетельствовать на фоне иных негативных факторов о наличии системных проблем профилактики подростковой преступности и, как следствие, необходимости поиска теоретико-практического решения этой проблемы, в том числе путем оптимизации практики применения норм уголовного закона.

Приведенные данные указывают на актуальность применения при рассмотрении уголовных дел в отношении несовершеннолетних альтернативных классическому наказанию принудительных мер воспитательного воздействия, среди которых наиболее сложной с позиции ее реализации и эффективной с точки зрения осуществления корректирующего воздействия на ребенка является помещение несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа (далее – СУВУЗТ). В действующем уголовном законодательстве закреплена самостоятельная глава об особенностях уголовной ответственности несовершеннолетних, в которой получил официальное закрепление институт освобождения подростков от уголовной ответственности и наказания (глава 14 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) «Особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних») [2]. Следует признать, что решение отечественного законодателя о включении данного института в текст УК РФ является не только проявлением принципа гуманизма, но и представляет собой правовой механизм профилактики повторных преступлений несовершеннолетних.

Сущность и содержание такой меры как освобождение несовершеннолетнего от наказания нормативно закреплено в ст. 92 УК РФ, которая определяет условия, сроки и исключения при применении к несовершен-

нолетнему делинквенту принудительных мер воспитательного воздействия, в том числе – помещению его в СУВУЗТ.

В соответствии с ч. 1 ст. 92 УК РФ несовершеннолетний, осужденный за совершение преступления небольшой или средней тяжести, может быть освобожден судом от наказания с применением принудительных мер воспитательного воздействия, указанных в ч. 2 ст. 90 УК РФ «Применение принудительных мер воспитательного воздействия», среди которых:

- 1) предупреждение;
- 2) передача под надзор родителей или лиц, их заменяющих, либо специализированного государственного органа;
- 3) возложение обязанности загладить причиненный вред;
- 4) ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего.

Указанная правовая норма также определяет порядок назначения и сроки рассматриваемых мер, а также условия их фактической замены на уголовное наказание.

В ч. 2 ст. 92 УК РФ говорится о возможности освобождения от наказания несовершеннолетнего, осужденного к лишению свободы за преступления средней тяжести, а также тяжкого преступления с его помещением в СУВУЗТ. Получается, что принципиальное различие оснований применения ст. 90 и ст. 92 УК РФ состоит в том, что помещение несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа, будучи самостоятельной мерой уголовно-правового характера, применяемой в рамках уголовной ответственности только к лицам, совершившим предусмотренные УК РФ общественно опасные деяния и которые осуждены судом к наказанию в виде лишения свободы.

Основанием помещения несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа выступает подтвержденный обвинительным приговором суда факт совершения подростком средней тяжести или тяжкого преступления. В данном случае, необходимо подчеркнуть, что речь идет не только о юридическом факте совершения преступления, но и о виновности несовершеннолетнего, о том, что он в силу совершенного преступления и проявленной при этом совокупности сознательно-волевых усилий настолько противопоставил себя нормам общественного поведения, настолько пренебрег системой охраняемых законом ценностей, что справедливо заслуживает государственного порицания и применения адекватных правоограничительных мер.

Вывод о виновности несовершеннолетнего в совершении преступления предreshает возложение на него бремени уголовной ответственности. Выбор же формы реализации ответственности, в частности, помещение его в специальное воспитательное учреждение закрытого типа должен основываться на совокупности ряда условий, характеризующих как само совершенное преступление, так и личность несовершеннолетнего правонарушителя.

Пленум Верховного Суда РФ в постановлении № 1 от 1 февраля 2011 года «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолет-

них» [3] высказался вполне однозначно, характеризуя всех подростков в ч. 2 ст. 92 УК РФ как осужденных к лишению свободы: «Если несовершеннолетний за совершение преступления средней тяжести, а также тяжкого преступления осужден к лишению свободы, суд вправе на основании ч. 2 ст. 92 УК РФ, за исключением лиц, перечисленных в ч. 5 ст. 92 УК РФ, освободить его от наказания с помещением в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа органа управления образованием».

Существенным условием применением положений ст. 92 УК РФ в отношении несовершеннолетних совершивших преступлений средней тяжести и тяжкие преступления является специальная цель – исправление несовершеннолетнего, нуждающегося в особых условиях воспитания, обучения и требующего специального педагогического подхода (несовершеннолетний может быть помещен в указанное учреждение до достижения им возраста восемнадцати лет, но не более чем на три года).

Действующее законодательство предусматривает два относительно самостоятельных механизма направления несовершеннолетнего в СУВУЗТ.

Во-первых, согласно п. 1 ст. 26 ФЗ № 120 материалы прекращенного уголовного дела или материалы об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении несовершеннолетних, либо заверенные в установленном порядке копии таких материалов незамедлительно передаются принявшим соответствующее процессуальное решение органом или прокурором в КДН и ЗП [4].

Основаниями подготовки и сбора документов являются:

- а) прекращение уголовного дела;
- б) отказ в возбуждении уголовного дела.

Во-вторых, помещение несовершеннолетнего в СУВУЗТ возможно в порядке, предусмотренном статьей 92 УК РФ.

Направление несовершеннолетнего в СУВУЗТ на этапе расследования уголовного дела характеризуется следующими проблемами правового и организационного характера:

- неопределенность субъекта (должностного лица), в чью компетенцию должно входить инициирование начала сбора документов;
- недостаточная полнота правового регулирования взаимодействия уполномоченных субъектов по рассматриваемому вопросу на этапе расследования уголовного дела.

Общими условиями для обеих процедур выступают:

- 1) принятие решения о помещении в судебном порядке;
- 2) необходимость проведения специального исследования, по результатам которого делается вывод о возможности помещения несовершеннолетнего в СУВУЗТ.

Итак, ключевое условие направления несовершеннолетнего в специальное воспитательное учреждение закрытого типа органа управления образованием – это установленный судом на основании комплекса объективных данных факт того, что:

– преступление подростка детерминационно связано с недостатками навыков социально одобряемого поведения, вызванными неблагоприятными условиями жизни и воспитания;

– скорректировать эти условия либо уже невозможно, либо крайне затруднительно в виду масштабности проблемы, не поддающейся судебному урегулированию;

– существующие воспитательные структуры и структуры профилактики правонарушений не способны обеспечить позитивной динамики в социализации личности подростка;

– поведение несовершеннолетнего может быть скорректировано путем интенсивных воспитательных, образовательных и реабилитационных мероприятий в условиях, исключающих негативное влияние микросоциальной среды;

– применение к несовершеннолетнему реального лишения свободы является очевидно несправедливым с учетом данных о его личности, причинах и условиях совершенного преступления, прогностических оценок исправления и предупреждения последующих преступлений.

Подводя итог, сформулируем ряд выводов и рекомендаций, ориентированных на совершенствование правовой регламентации и практике применения рассматриваемой меры:

– основанием направления несовершеннолетнего в специальное учреждение целесообразно признать факт совершения им любого преступления средней тяжести или тяжкого (ввести в ст. 92 УК РФ соответствующее положение);

– обязательным условием применения данной меры должна являться совокупная оценка данных о личности подростка и причинах совершенных им преступлений, позволяющая прогнозировать результативность достижения целей уголовно-правового воздействия на несовершеннолетнего без применения реального наказания в виде лишения свободы;

– вопросы исполнения меры уголовно-правового характера в виде помещения несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа требуют самостоятельной регламентации в федеральном законе № 120-1999 г.

Ежегодно на основании ч. 2 ст. 92 УК РФ в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа помещается не более 1,0 % осужденных подростков. С учетом существенного превентивного потенциала данного правового института, подобная ситуация не может оцениваться положительно. Она свидетельствует о наличии проблем правового и организационного характера, негативно влияющих либо ограничивающих применение данной профилактической меры на практике.

Представляется целесообразным определить и нормативно закрепить обстоятельства, при совокупности которых инспектор подразделения по делам несовершеннолетних органов внутренних дел в обязательном порядке должен вынести мотивированное ходатайство об инициации процедуры освобождения несовершеннолетнего от уголовной ответственности с применением принуди-

тельных мер воспитательного воздействия в виде направления в СУВУЗТ. К таким обстоятельствам считаем необходимым относить:

- 1) совершение преступления несовершеннолетним впервые;
- 2) семья, в которой воспитывается несовершеннолетний, требует повышенного внимания и находится в социально опасном положении;
- 3) несовершеннолетний систематически пропускает учебные занятия в образовательной организации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Правовой портал Генеральной Прокуратуры Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL.: <http://genproc.gov.ru> (дата обращения: 10.12.2017).

2. Уголовный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ // [Электронный ресурс]. – URL : <http://www.consultant.ru/>

3. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 01.02.2011 г. № 1 (ред. от 02.04.2013) // [Электронный ресурс]. – URL : <http://www.consultant.ru/>

4. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних : федеральный закон от 24.06.1999 г. № 120-ФЗ // [Электронный ресурс]. – URL : <http://www.consultant.ru/>

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Ищенко Елена Валерьевна. Старший преподаватель кафедры административной деятельности ОВД.

Воронежский институт МВД России.

E-mail: 79102443547@yandex.ru

Россия, 394065, Воронеж, проспект Патриотов, 53. Тел. (473) 200-52-95

Ishchenko Elena Valerievna. Senior Lecturer of the chair of Administrative Activities of Interior organs.

Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53.

Tel. (473) 200-52-95.

Ключевые слова: несовершеннолетний; преступление, профилактика, ответственность, наказание.

Keywords: minor; crime, prevention, responsibility, punishment.

УДК 342.9

**О ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННОГО
ДОКУМЕНТА В ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ
В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ**

**ON THE POSSIBILITY OF USING AN ELECTRONIC DOCUMENT IN
THE CRIMINAL PROCEEDURE CONCERNING MINORS**

Статья посвящена рассмотрению различных подходов к определению категории «электронные документы», с целью надлежащей регламентации участия несовершеннолетних в уголовном процессе. По результатам систематизации и анализа различных формулировок определения «электронный документ» предложена новая авторская дефиниция.

The article is devoted to the consideration of various approaches to the definition of the category «electronic documents», in order to properly regulate the minors involved in the criminal process. The author propos a new definition «electronic document» result of the systematization and analysis of the various formulations of this category.

Вопросы обеспечения и защиты прав, законных интересов несовершеннолетних лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве России, являются весьма значимыми, данные субъекты как никто другой нуждаются в защите, особенно когда происходят какие-либо глобальные изменения в национальном законодательстве. Надо сказать, что проблемам защиты прав и свобод человека и гражданина, а также расширению спектра процессуальных возможностей личности в уголовном судопроизводстве, позволяющих сделать защиту более результативной, посвящено немало работ, в которых учтены законодательные новеллы [11].

Речь пойдет об одном из таких новшеств. Так, в XXI веке произошел большой шаг в развитии и уже невозможно представить их без использования в своей жизни и профессиональной без использования в деятельности средств высоких технологий. Развитие таких средств не стоит на месте. Их огромное множество, и этот вид продукции постоянно обновляется. Одновременно с вышеуказанным процессом относительно недавно на законодательном уровне России нашел свое отражение и имеет свойство постоянно совершенствоваться электронный документооборот в сфере уголовного судопроизводства.

С появлением электронного документооборота в уголовном судопроизводстве России, по нашему мнению, не исключается возможность возникновения дискуссий по поводу положительных и отрицательных характеристик данной новеллы. В целом, электронный документооборот можно охарактеризовать с положительной стороны. Данное новшество

позволяет в кратчайшие сроки отправить информацию правоприменителю, что существенно влияет на оперативность принятия процессуальных решений. Сравнив уголовное судопроизводство без участия и с участием несовершеннолетних лиц, можно заметить, что в последнем случае количество материалов уголовного дела будет существенно больше. Следовательно, все это в совокупности с дифференцированными формами уголовного судопроизводства и заменой бумажных документов электронными, будет способствовать ускорению движения уголовного дела и даст положительный результат.

Существует большое количество нормативно-правовых актов, регламентирующих участие несовершеннолетних лиц в уголовном судопроизводстве, но базовым является Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) [1].

В данной статье мы предлагаем рассмотреть одну из проблем уголовно-процессуального законодательства: необходимость нормативного закрепления в УПК РФ понятия «электронный документ» в целях оптимизации участия несовершеннолетних лиц в уголовном судопроизводстве с использованием электронного документооборота и устранения противоречий, возникающих в уголовном судопроизводстве относительно его формулировок.

Уголовно-процессуальное законодательство, в том числе касающееся несовершеннолетних лиц, развивается одновременно с протеканием научно-технического прогресса, процессами информатизации общества и внедрения технологий, позволяющими ускорить документооборот в рамках уголовно-процессуальных отношений между участниками уголовного судопроизводства, обладающими и не обладающими властными полномочиями, на стадиях возбуждения уголовного дела, предварительного расследования и в суде. Данное утверждение можно подкрепить тем, что Федеральным законом от 23 июня 2016 года № 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти» в УПК РФ была введена новая норма 474.1, регламентирующая процессуальный порядок использования электронных документов в уголовном судопроизводстве [2].

Процессу внедрения электронного документооборота на судебной стадии уголовного судопроизводства посвящен целый ряд мероприятий Федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы», утвержденной Постановлением Правительства Российской Федерации от 27.12.2012 № 1406 [3]. Заметим, что данная новелла не исключает процессуального применения электронных документов при производстве по уголовному делу с участием несовершеннолетних, и они также могут беспрепятственно являться полноценными участниками электронного документооборота.

Активный процесс внедрения электронного документооборота в уголовный процесс России проходит успешно и имеет весомое значение. Однако получение наиболее полного результата возможно лишь в случае надлежащей регламентации использования электронного документа в уголовном судопроизводстве в целях оптимизации участия при расследовании уголовного дела несовершеннолетних лиц. Относительно действующего уголовно-процессуального законодательства нельзя сказать, что такая регламентация является завершенной, так как в УПК РФ законодатель не раскрыл само определение термина «электронный документ».

В Федеральном законе от 27.06.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях, защите информации» имеется нормативное закрепление понятия этого термина. [4].

Так, в статье 2 указанного закона определено: «электронный документ – документированная информация, представленная в электронной форме, то есть в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах».

На наш взгляд, формулировка данного определения обладает рядом положительных характеристик. Во-первых, законодатель разъяснил, что это обязательно документированная информация, это означает, что информация обладает набором реквизитов в электронной форме, позволяющих защитить ее от неправомерного доступа и идентифицировать, от кого исходит, а также кому адресуется документ. Во-вторых, сделано важное уточнение о том, что информация должна беспрепятственно восприниматься человеком. И, наконец, в-третьих, отмечено, что документ должен обладать свойством коммуникации, то есть возможностью обмена информацией по информационно-телекоммуникационным сетям, в том числе по сети Интернет.

Если обратиться к толковым словарям, то ни в одном из них мы не сможем найти понятия «электронный документ». Они содержат в себе лишь понятие «документ», которые отражают в разных вариантах.

Ученые, изучающие сферу электронного документооборота, имеют разные точки зрения на этот счет и в своих научных разработках предлагают определения данного термина. К. А. Сергеева в своей научной статье провела тщательный анализ норм материального права по данной теме, а также формулировки, содержащие в себе понятие «электронный документ», предложенные другими авторами [8].

И. Ю. Востриков считает, что: «электронный документ – это созданный при помощи электронных аппаратно-технических и программных средств, фиксируемых в цифровом коде в форме идентифицируемого именованного файла (файлов) или записи в файле (файлах) базы данных, доступный для последующей обработки в электронных системах, использо-

вания, воспроизведения, отображения и виртуального восприятия, а также для передачи и получения по телекоммуникационным линиям связи» [5].

А. В. Рыбин полагает, что определение понятия «электронный документ» должно выглядеть следующим образом: «электронный документ – это сведения об обстоятельствах, подлежащих установлению по делу, записанные на перфокарту, магнитный, оптический, магнитооптический накопитель, карту флэшпамяти или иной подобный носитель, полученный с соблюдением процессуального порядка его собирания» [7]. По нашему мнению, данное определение является наиболее приближенным вариантом для рассмотрения в качестве законодательно закреплённого в УПК РФ, но существует необходимость в некоторых уточнениях. Во-первых, автор не уточнил, в каком виде сведения должны содержаться на электронных носителях информации. Во-вторых, не осуществил конкретизацию, по какому делу должны содержаться сведения, подлежащие установлению (по уголовному, гражданскому или по делу об административном правонарушении).

И. Н. Подволоцкий также дал авторское определение понятия «электронный документ», конкретизируя правовую регламентацию сферы уголовного судопроизводства. В указанном определении прослеживается нюанс, просим заметить, что раскрыт он с позиции одного из видов доказательств по уголовному делу. Авторская дефиниция указанного автора предложена в следующем виде: «Электронный документ – любые сведения, хранимые, обрабатываемые и передаваемые с помощью информационных и телекоммуникационных систем, полученные или представленные с соблюдением процессуального порядка их собирания, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель устанавливают наличие или отсутствие обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела» [6].

С точки зрения Т. Э. Кукарниковой, электронным документом является «объект, несущий информацию, имеющую смысловое значение и существующий только в электронной среде, где под электронной средой понимается система объектов (компьютерных средств и систем), взаимодействующих на основе формальных правил обработки, хранения и передачи информации, представленной в цифровой форме» [9].

К. А. Сергеева сделала вклад в данную тему и предложила свое определение понятия «электронный документ». По нашему мнению, оно очень схоже с определениями И. Ю. Вострикова, Т. Э. Кукарниковой и представлено в следующем виде: «электронный документ – это материальный носитель, на котором при помощи электронных аппаратно-технических и программных средств, зафиксирована информация, имеющая смысловое значение, удостоверяющая какой-либо факт или событие, подтверждающая право на что-либо, которая может быть преобразована в форму, пригодную для однозначного восприятия человеком, и имеющая атрибуты для идентификации». Данный автор наиболее правильно, по нашему мнению, раскрыл данное понятие. Но в нем, как и во всех остальных

ных предложенных вариантах, не прослеживается конкретной сферы правовой регламентации. Говоря же о контексте формулировки «имеющее смысловое значение...», содержащейся в определениях Т. Э. Кукарниковой и К. А. Сергеевой недостаточно ясно, что они предлагают под этим понимать.

Анализ законодательства и доступной литературы, посвященной данной проблеме, показал, что аргументом в пользу необходимости нормативного закрепления понятия «электронный документ» в УПК РФ является то, что существующие в правовой среде термины охватывают в основном лишь общеправовую сторону регламентации и не в полной мере соответствуют предмету правового регулирования в сфере уголовного судопроизводства.

При этом И. А. Насонова, по нашему мнению, в своей научной статье справедливо отдала приоритет правам, свободам и законным интересам несовершеннолетних лиц, которые затрагиваются, внесенной в уголовно-процессуальный кодекс новеллой [10].

Исходя из контекста указанной проблемы, возникла необходимость во внесении в УПК РФ специализированного определения термина «электронный документ», закрепив его в пункте 63 статьи 5 УПК РФ. Предлагаемая дефиниция будет выглядеть следующим образом: «Электронный документ – это уголовно-процессуальный акт, исходящий от участников уголовного судопроизводства и представляющий собой документированную информацию представленной в электронной форме, то есть в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям, в том числе по сети Интернет.

Дальнейшее развитие применения электронных документов в уголовном судопроизводстве России, безусловно, невозможно без устранения разногласий и совершенствования регулирования действующим уголовно-процессуальным законодательством этого важнейшего аспекта, по нашему мнению, не будет отвечать требованиям соблюдения в полной мере прав и законных интересов несовершеннолетних. Законодательство нуждается во внесении вышеуказанного изменения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.07.2017, с изм. от 14.11.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2017) // СЗ РФ. — 2001. — № 52. — Ч. I. — Ст. 4921.

2. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти : федеральный закон от 23.06.2016 № 220-ФЗ // Российская газета. — 2016. — 29 июля.

3. О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013—2020 годы» : постановление Правительства РФ от 27.12.2012 г. № 1406 (ред. от 14.12.2017) // СЗ РФ. — 2013. — № 1. — Ст. 13.

4. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 25.11.2017) // Российская газета. — 2006. — 29 июля.

5. Востриков И. Ю. Электронный документ как доказательство в гражданском процессе // Гражданское судопроизводство в изменяющейся России : сб. мат. междунар науч.-практ. конф. — Саратов, 2007. — С. 379—381.

6. Подволоцкий И. Н. Осмотр и предварительное исследование документов. — М., 2004. — С. 16.

7. Рыбин А. В. Электронный документ как вещественное доказательство по делам о преступлениях в сфере компьютерной информации: процессуальные и криминалистические аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. — С. 9.

8. Сергеева К. А. О современных подходах к понятию электронного документа // Актуальные проблемы криминалистики и судебной экспертизы. — 2014. — № 7. — С. 1484.

9. Кукарникова Т. Э. Электронный документ в уголовном процессе и криминалистике : дис. ... канд. юрид. наук. — 204 с. // URL : <https://www.twirpx.com/file/1527940/>

10. Насонова И. А. Ювенальные аспекты обеспечения подозреваемому, обвиняемому права на защиту // Вестник ВИ МВД России. — 2011. — № 4. — С. 111—115.

11. Насонова И. А. Теоретическая модель уголовно-процессуальной защиты : дис. ... д-ра юрид. наук. — 501 с. // URL : <https://dlib.rsl.ru/01005086737>

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Киян Владислав Николаевич. Адъюнкт кафедры уголовного процесса. Воронежский институт МВД России.
E-mail: kiyan.slawa@yandex.ru
Россия, 394065, г. Воронеж, пр-т Патриотов, 53. Тел. (473) 200-53-44.

Kiyan Vladislav Nikolaevich. Post-graduate cadet.
Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
E-mail: kiyan.slawa@yandex.ru
Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53.
Tel. (473) 200-53-44

Ключевые слова: несовершеннолетние; электронные документы.
Key words: minor; electronic documents.

УДК 343

И. А. Кравцов;
А. А. Меренкова

**МЕРЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ
С НАРУШЕНИЕМ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ
И ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ,
СОВЕРШАЕМЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ**

**MEASURES OF PREVENTION OF CRIMES RELATED TO
VIOLATION OF TRAFFIC RULES AND OPERATION OF VEHICLES
BY MINORS**

В статье рассматриваются различные точки зрения относительно понятий «предупреждение преступности», «профилактика преступности», «предотвращение преступлений», «пресечение преступлений». Предлагаются мероприятия, направленные на предупреждение преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, совершаемых несовершеннолетними.

The article considers different points of view regarding the concepts of «crime prevention», «crime prevention», «crime prevention», «crime suppression». Measures aimed at the prevention of crimes connected with violation of traffic rules and exploitation of vehicles committed by minors are proposed.

Еще в IV в. до н.э. Платон впервые высказал, идею о том, что предупреждение преступности должно иметь приоритет перед карательной политикой государства. Данная идея начала распространяться в работах юристов XVIII в., когда и была заложена новая политика борьбы с преступностью. Ее суть заключалась в следующем: «Мудрый законодатель предупредит преступление, чтобы не быть вынужденным наказывать за него» [1].

Предупреждение преступности в криминологии рассматривается как многоуровневая система общественных и государственных мер, которые направлены на выявление, устранение, ослабление и ликвидацию детерминантов преступности, отдельных видов или конкретных преступлений, а также на удержание людей от становления на преступный путь, чьи условия жизни и поведения указывают на это.

В криминологической литературе имеются сходные термины с понятием «предупреждение преступности»: «профилактика преступности», «предотвращение преступлений», «пресечение преступлений». Несмотря на то, что данные термины являются синонимами, все же они имеют смысловые разлития [2].

Профилактика преступности представляет собой деятельность, по осуществлению общественными организациями, представителями власти, государственными органами мер социального, правового, организационного и иного характера, направленные на выявление и устранение процессов

детерминации преступности, а также установление социально нестабильных лиц, способных совершить общественно опасные деяния и оказания на них воспитательного воздействия в целях недопущения преступления [3].

Предотвращение преступлений – это деятельность, также осуществляемая общественными организациями, представителями власти, государственными органами, направленная на пресечение преступной деятельности на первоначальном этапе, а именно когда лицо только замышляет и планирует совершение определенного преступления, на данной стадии, деятельность преступника еще не является уголовно наказуемой [4].

Пресечением преступлений является процесс недопущения дальнейшего преступного поведения лица, т.е. когда преступление уже находится на стадии приготовления или покушения, а преступник ищет соучастников или подготавливает орудия и средства совершения преступления [5].

Предупреждение же преступности предполагает взаимодействие государственных и общественных мер воспитательного, психологического и экономического характера в сочетании с мерами принуждения, которые будут играть вспомогательную роль при ликвидации причин и условий, способствующих совершению преступных действий.

С. Н. Михайлова говорит о том, что «предупреждение преступности несовершеннолетних – представляет собой совокупность мер социального, психологического, политического, экономического, культурно-воспитательного, организационного, педагогического характера, которые воздействуют на личность несовершеннолетнего, его окружение и жизненную ситуацию, в которой он находится, применяемых в период, когда поведение несовершеннолетнего становится асоциальным, и есть реальная опасность совершения им преступления, и имеющих целью устранить антиобщественные установки личности несовершеннолетнего, предупредить совершение следующего преступления» [6].

По мнению Н. Ф. Кузнецовой, предупреждение преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, по линии общей профилактики, состоит в разработке и реализации планов развития дорожной безопасности и конструкции транспортных средств, с точки зрения, так называемой, пассивной безопасности. Далее автор указывает, что особенности профилактики автотранспортных преступлений связаны с необходимостью воздействия:

- а) на все элементы системы «человек-автомобиль-дорога»;
- б) на всех участников дорожного движения.

Поэтому, наряду и во взаимосвязи с мерами, обеспечивающими соблюдение водителями норм безопасности (подбор, учеба, воспитание, контроль), необходимы меры, обеспечивающие безопасное поведение других участников движения [7].

Так как, предупреждение преступности является систематизированной деятельностью, то в нее входят такие элементы, как объекты и субъек-

ты предупреждения, уровни и формы данного вида деятельности, меры предупредительного воздействия.

Объект предупреждения преступлений – это система общественных отношений и связей, на которые с профилактической целью оказывает влияние и воздействие субъект предупреждения.

Субъект предупреждения преступлений – это носитель функциональных прав и обязанностей, обладающий определенной компетенцией по участию в предупредительной деятельности.

Меры предупреждения преступлений – это совокупность мероприятий, применяемых с целью осуществления предупреждения возможных преступлений, а также предотвращения иных обстоятельств, антисоциального поведения, путем выявления причин и условий, способствующих совершению преступных действий.

В зависимости от направлений и целей, меры предупреждения имеют следующую классификацию (не исчерпывающий перечень):

- по уровню предупреждения: общие, специальные;
- по объекту предупреждения: общее, индивидуальное;
- по масштабу предупреждения: общегосударственные, региональные, субъектные;
- по содержанию предупреждения: социальные, организационно-управленческие, технические, экономические, правовые, культурные и т.д.;
- по групповой принадлежности предупреждения: предупреждение насильственной, организованной, корыстной преступности, преступности женщин, несовершеннолетних и т.д. [8].

Для предупреждения преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, совершаемых несовершеннолетними, необходимо провести комплекс мероприятий, направленных на формирование у несовершеннолетнего знаний правил дорожного движения и на ликвидацию у несовершеннолетнего лица эгоизма, безответственности, социальной расхлябанности и инфантильности.

К такого рода мероприятиям предлагаем относить:

- осуществление родителями (опекунами, попечителями) бесед с несовершеннолетними о соблюдении правил дорожного движения;
- проведение в младших классах средних школ викторин и конкурсов, направленных на пропаганду соблюдения правил дорожного движения;
- составление и распространение социальными педагогами среди несовершеннолетних памяток с информацией по безопасности дорожного движения, напоминая о важности строгого соблюдения правил дорожного движения;
- информирование педагогическим составом родителей (опекунов, попечителей), а также несовершеннолетних на тему «Безопасное дорожное движение»;

– привитие несовершеннолетнему проявления заботы и внимания к окружающим, а также соблюдения правовых норм на дороге, посредством правильного примера поведения родителей (опекунов, попечителей);

– воспитание у учащихся, через проведение различных дополнительных занятий, нравственно-правовой убежденности законопослушного поведения и толерантности, в том числе и по средствам проведения тематических встреч на тему: «Уголовная и административная ответственность несовершеннолетних за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств»;

– выявление несовершеннолетних лиц, которые не имеют права на управление транспортным средством, но склоны к управлению таковым, при помощи проведения психолого-педагогической диагностики, с целью определения их в «группу риска»;

– организация в обязательном порядке трудоустройства на время каникул несовершеннолетних, входящих в «группу риска»;

– вовлечение учащихся в кружки, спортивные секции, работу «Совета старшеклассников», детских организаций, школьного музея;

– проведение педагогами бесед с родителями (опекунами, попечителями) на тему возникновения причин и условий, совершения правонарушений и преступлений несовершеннолетними, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также о роли члена семьи в их ликвидации;

– использование в средствах массовой информации и в общественных местах социальной рекламы, а так же кратких документальных фильмов, объясняющих причины, последствия и меры ответственности за неправомерное управление транспортными средствами несовершеннолетними.

Осуществление хотя бы части из предложенных мероприятий должно способствовать достижению успешных результатов в предупреждении преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, совершаемых несовершеннолетними.

ЛИТЕРАТУРА

1. Криминология / под ред. В. Н. Бурлакова. — СПб., 2002. — 304 с.
2. Криминология : учебник для вузов / под общ.ред. А. И. Долговой. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва : Норма, 2005. — 912 с.
3. Профилактика преступлений. От теории к практике. Научно-практическое пособие / Т. С. Гавриш, А. Н. Литвинов. — Москва : ИКФ ЭКМОС, 2003. — 160 с.
4. Лекарь А. Г. Профилактика преступлений / А. Г. Лекарь. — Москва : Юрид. лит., 1972. — 104 с.
5. Голина В. В. Криминологическая профилактика, предотвращение и пресечение преступлений. — Москва, 2005. — 147 с.

6. Коновалова И. А. Организационно-правовые основы предупреждения преступности несовершеннолетних: монография. — Москва : Изд-во МГОУ, 2009. — 176 с.

7. Криминология : учебник / под ред. Г. А. Аванесова. — 7-е изд., перераб. и доп. — Москва, 2016. — 578 с.

8. Криминология и предупреждение преступлений : учебно-методическое пособие / Л. А. Дегтярева. — Оренбург : ОГУ, 2014. — 107 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

Кравцов Иван Александрович. Заместитель начальника кафедры уголовного права и криминологии. Кандидат юридических наук.

Воронежский институт МВД России.

E-mail: kia52@yandex.ru

Рабочий адрес: Россия, 394065, Воронеж, просп. Патриотов, 53.

Тел. (4732) 200-53-31.

Меренкова Анастасия Андреевна. Слушатель 5 курса юридического факультета.

Воронежский институт МВД России.

E-mail: nastena.merenkova@mail.ru

Россия, 394065, г. Воронеж, проспект Патриотов, 53.

Тел. 8-992-401-44-10.

Kravtsov Ivan Alexandrovitch. Deputy head of the chair of Criminal Law and Criminology. Candidate of Law.

Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

E-mail: kia52@yandex.ru

Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53.

Tel. (4732) 200-53-31.

Merenkova Anastasiya Andreevna. Student of the 5th course of this faculty.

Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

E-mail: nastena.merenkova@mail.ru

Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53.

Tel: 8-992-401-44-10.

Ключевые слова: преступление; правила дорожного движения; эксплуатация транспортных средств; несовершеннолетний; предупреждение преступлений.

Key words: a crime; traffic laws; operation of vehicles; minor; crime prevention.

УДК 343.97

ФАКТОРЫ, ДЕТЕРМИНИРУЮЩИЕ ПРОЯВЛЕНИЕ ФИЗИЧЕСКОГО НАСИЛИЯ СРЕДИ ОБУЧАЮЩИХСЯ В ШКОЛЕ

FACTORS DETERMINING THE MANIFESTATION OF PHYSICAL VIOLENCE AMONG SCHOOLCHILDREN

В статье анализируются факторы, детерминирующие проявление физического насилия среди обучающихся. В комплексе данных факторов рассматриваются биологические, межличностные, социально-экономические, социально-политические, культурные и педагогические факторы. Выявление комплекса данных факторов выступает основой предупреждения проявлений физического насилия среди обучающихся.

The article analyzes the factors that determine the manifestation of physical violence among students. In the complex of these factors, biological, interpersonal, socio-economic, socio-political, cultural and pedagogical factors are considered. The identification of these factors serves as a basis for preventing manifestations of physical violence among students.

В современном мире, со свойственной ему технологизацией экономической, социальной, культурной и образовательной сфер, проблема насилия, а также поиска эффективных механизмов борьбы с ним остается актуальной.

Данная проблема особенно остро артикулируется тогда, когда насилие происходит среди детей и подростков. При этом, одной из наиболее значимых проблем российского общества является высокий уровень правонарушений и преступлений, совершаемых несовершеннолетними в возрасте 14-16 лет, а также тенденция к увеличению количества лиц, совершающих правонарушения все в более раннем возрасте, в том числе в составе подростковых групп антиобщественной направленности.

По данным ФКУ «Главный информационно-аналитический центр МВД России», доля зарегистрированных преступлений от общего числа, совершенных несовершеннолетними, в период с 2010 по 2017 год, колеблется от 5,95% до 6,89%. Однако, фактов незарегистрированного физического насилия в школе, насилия, носящего латентный, имплицитный характер, значительно больше официальных статистических показателей преступности (Ю.М. Антонян, Э.Ф. Побегайло, А.А. Реан, Л.М. Семенюк, О.В. Старков, В.В. Устинова и др.).

Поскольку дети и подростки обучаются в школе, предотвращение проявлений физического насилия среди них является одной из значимых задач современного российского образования. Неслучайно в последние годы в педагогическом сообществе активно обсуждается идея создания школьных служб медиации. Однако, как показывает практика, эффектив-

ность данных служб в предотвращении проявлений физического насилия среди обучающихся на данный момент не высока. Очевидно, что проблема физического насилия среди обучающихся носит комплексный характер, однако для ее эффективного решения необходимо определить систему факторов, детерминирующих проявление физического насилия.

Очевидно, что при анализе данной проблемы не стоит исключать биологические факторы, которые вызывают патологии психики и поведения индивида: травмы и осложнения при беременности и родах, которые могли привести к осложнениям в развитии центральной нервной системы ребенка, что в свою очередь обуславливает агрессивное поведение. Однако, как показывают исследования А. Райне [18], Дж. Каган [13], Б. Хенри [12], Б.А. Клинтеберг [14], значимость биологического фактора в комплексе всех факторов, детерминирующих проявление физического насилия среди обучающихся, далеко не высок – менее 1%.

Более весомое значение имеют факторы отношений – комплекс межличностных отношений, складывающихся в семье, а также между сверстниками.

В частности, одним из значимых факторов является поведение родителей и обстановка в семье (Л. Берковиц [1], В.В. Бочарова [2], Л. Дальберг [10], Т.Н. Кропалева [4]). Д.П. Фаррингтон [11] и Дж. МакКлауд [15] связывают агрессивное поведение детей и подростков, выступающее основой проявлений физического насилия, с конфликтным поведением родителей, в том числе с агрессивной средой семьи, в которой имеют место случаи физического насилия. Дж. МакКлауд [16], Т.П. Торнберри [19] отмечают, что дефицит общения в семье также является фактором агрессивного поведения ребенка в будущем. Фактически, в зоне риска оказываются не только дети, находящиеся в социально опасном положении и оказавшиеся в трудной жизненной ситуации, но и дети из внешне благополучных семей, в которых, однако, присутствуют жестокость, агрессия и насилие или, напротив, отсутствует эмоциональная близость, общение с родителями сведено к минимуму. Следовательно, на агрессивное поведение детей и подростков, сопровождаемое проявлениями насилия, влияет социально-экономический статус семьи, ее полнота, присутствие агрессии и насилия в поведении родителей, а также ограничение общения и эмоциональная холодность.

Если роль семьи превалирующее значение имеет в детстве, то в подростковый период развития на формирование индивида в большей степени оказывает влияние взаимоотношение со сверстниками. Данное влияние может приносить как положительные, так и отрицательные эффекты.

Большое влияние на проявление физического насилия среди детей и подростков оказывает социально-политическая и социально-экономическая обстановка. Отечественные исследователи (М.С. Голубь [3], Т.Н. Кропалева [4], Н.И. Макарова [5], М.М. Миненок [6], Р.М. Шахова [7], Н.Ю. Шульга [8] и др.) связывают рост фактов проявления физического насилия среди детей и подростков с распадом СССР и вызванных этим социальными, политическими и культурными деформациями. Л. Берковиц

считает, что рост физического насилия среди обучающихся обусловлена глобальными причинами: если в 20 столетии проявление физического насилия являлось ответной реакцией на покушение на свободу или способом определения места индивида в социальной иерархии, то в 21 веке мотивом насилия становится отсутствие идентичности, нивелирование статусов жертвы и агрессора [1].

В комплексе факторов, определяющих интенсивность проявления физического насилия среди обучающихся, значимую роль играют культурные особенности того или иного сообщества. Прежде всего, среди культурных факторов следует выделить влияние субкультур на мировоззрение и поведение подростков (например, в последнее время в молодежной среде популярна субкультура АУЕ, романтизирующая криминальную субкультуру). Также значимыми инструментами пропаганды и распространения насильственных образов, норм и ценностей являются средства массовой информации, видеоигры, Интернет (Б.С. Кентервалл [9], И. Вуд, Ф.Ю. Вонг, Г. Чачере [20], Х. Пайк, Г. Комсток [17] и др.).

Вместе с тем, вызывают тревогу педагогические факторы – замалчивание фактов физического насилия среди детей и подростков участниками образовательных отношений – руководящими и педагогическими работниками, обучающимися, родителями (законными представителями). Причины замалчивания – страх, социальная приемлемость насилия, отсутствие или несовершенство безопасных надежных путей информирования о случаях насилия.

Очевидно, что детерминанты физического насилия в подростковой среде различны, поэтому педагогическое предотвращение проявлений физического насилия среди обучающихся должно быть комплексным. В плане институализированных форм эффективность данной деятельности определяется комплексностью межведомственного взаимодействия образовательных организаций, органов внутренних дел МВД РФ, департаментов (управлений) образования, науки и молодежной политики, родительской общественности и пр., а также комплексностью вовлечения в решение данной проблемы всех участников образовательных отношений, но в первую очередь, самих обучающихся и учителей. Своевременное вмешательство учителя в процесс разрешения конфликтной ситуации, владение программами примирения как элементом управления конфликтами, приводит к предупреждению физического насилия. Соответственно снижается удельный вес репрессивных санкций государственного реагирования на конфликты, предусмотренных уголовным и административным законодательством; дети становятся более ответственными, снижаются враждебность, напряженность; у детей, ставших «жертвами» восстанавливается чувство справедливости и защищенности; растет авторитет учителя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Берковиц Л. Агрессия: причины, последствия и контроль. – СПб.: Прайм-еврознак, 2002. – 354 с.
2. Бочарова В.В. Агрессия и насилие как социокультурные феномены: автореферат дис. ... кандидата философских наук. – Воронеж, 2012. – 26 с.
3. Голубь М.С. Педагогическая профилактика насилия над виктимным подростком в условиях средней общеобразовательной школы: автореферат дис. ... кандидата педагогических наук. – Майкоп, 2011. – 24 с.
4. Кропалева Т.Н. Роль насилия в генезисе противоправного поведения подростков: автореферат дис. ... кандидата психологических наук. – Москва, 2004. – 32 с.
5. Макарова Н.И. Проблемы насилия-ненасилия в отечественном образовании: Социально-философский анализ: автореферат дис. ... кандидата философских наук. – Новосибирск, 2003. – 25 с.
6. Миненок М.М. Криминальное насилие несовершеннолетних: автореферат дис. ... кандидата юридических наук. – Санкт-Петербург, 2005. – 23 с.
7. Шахова Р.М. Воспитание правовой культуры учащихся как фактор профилактики школьного насилия: автореферат дис. ... кандидата педагогических наук. – Махачкала, 2016. – 23 с.
8. Шульга Н.Ю. Подготовка будущего социального педагога к профилактике насилия в школьной среде: автореферат дис. ... кандидата педагогических наук. – Волгоград, 2011. – 29 с.
9. Centerwall B.S. Television and violence: the scale of the problem and where to go from here // Journal of the American Medical Association. – 1992. – № 267. – p. 3059-3063.
10. Dahlberg L. Youth violence in the United States: major trends, risk factors, and prevention approaches. // American Journal of Preventive Medicine. – 1998. – №14. – p. 259–272.
11. Farrington D.P. Predictors, causes, and correlates of male youth violence. / Youth violence. Eds Tonry M., Moore M.H. – Chicago, IL, University of Chicago Press, 1998. – p. 421-475.
12. Henry B. Temperamental and familial predictors of violent and nonviolent criminal convictions: age 3 to age 18. // Developmental Psychology. – 1996. – №32. – p. 614-623.
13. Kagan J. Temperamental contributions to social behavior. // American Psychologist. – 1989. – №44. – p. 668–674.
14. Klinteberg B.A. Hyperactive behavior in childhood as related to subsequent alcohol problems and violent offending: a longitudinal study of male subjects. // Personality and Individual Differences. – 1993. – №15. – p. 381-388.
15. McCord J. Family as crucible for violence: comment on Gorman-Smith et al. // Journal of Family Psychology. – 1996. – №10. – p. 147-152.

16. McCord J. Some child-rearing antecedents of criminal behavior in adult men // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1979. – №37. – p.1477-1486.

17. Paik H., Comstock G. The effects of television violence on antisocial behavior: a meta-analysis. // *Communication Research*. – 1994. – № 21. – p. 516–546.

18. Raine A. The psychopathology of crime: criminal behavior as a clinical disorder. - San Diego, CA, Academic Press, 1993.

19. Thornberry T.P, Huizinga D., Loeber R. The prevention of serious delinquency and violence: implications from the program of research on the causes and correlates of delinquency. / *Sourcebook on serious, violent, and chronic juvenile offenders*. Eds. Howell J.C. et al. – Thousand Oaks, CA, Sage, 1995. – p. 213-237

20. Wood W., Wong F.Y., Chachere G. Effects of media violence on viewers' aggression in unconstrained social interaction. // *Psychological Bulletin*. – 1991. – № 109. – p. 307–326.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Кушнарев Михаил Александрович. Начальник отдела организации деятельности участковых уполномоченных полиции и подразделений по делам несовершеннолетних.

ГУ МВД России по Воронежской области.

E-mail: kushnarevnuur@mail.ru

Россия, 394006, г. Воронеж, ул. Володарского, 64. Тел. (473) 251-12-91.

Kushnarev Mikhail Alexandrovich. Head of the department of organization of activities of district police commissioners and units for juvenile affairs.

MD of the MIA of Russia of the Voronezh Region.

Work address: Russia, 394006, Voronezh, ul. Volodarsky, 64. Tel. (473) 251-12-91.

Ключевые слова: физическое насилие, обучающиеся, школа, факторы.

Key words: physical violence, schoolchildren, school, factors.

УДК 371

СОСТОЯНИЕ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ НАРКОТИЗМА СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В РОССИИ

CONDITION AND PREVENTION OF DRUG ADDICTION AMONG MINORS IN RUSSIA

В статье рассматривается история наркотизма в мире, состояние, особенности и причины наркопреступности среди несовершеннолетних в России и меры по ее предупреждению.

The article discusses the history of drug addiction in the world, the condition, the causes and characteristics of drug-related crime among minors in Russia and measures for its prevention.

В последние годы проблема наркомании становится все более актуальной. Рост числа преступлений, связанных с употреблением, хранением, продажей психотропных веществ, характерен для многих стран. Наркомания стала не просто пороком общества, но и способом получения больших доходов при торговле наркотиками. Тревожит тот факт, что в данной ситуации растет число участников, не достигших 18 лет. Дети, ввиду неустойчивой психики, легко поддаются влиянию взрослых преступников, которые, в свою очередь, вовлекают их в преступный бизнес.

«Трудно представить себе то благотворное изменение, которое произошло бы в обществе, если бы люди перестали одурманивать себя водкой, табаком, вином и опиумом». — Лев Толстой.

Рассмотрим термины, употребляемые в криминологической литературе относительно наркопреступности.

Наркомания (от греч. *narkē* — оцепенение) — болезнь, характеризующаяся непреодолимым влечением к наркотикам (например, морфину), вызывающим в малых дозах эйфорию, в больших — оглушение, наркотический сон. Систематическое употребление наркотика вызывает потребность в увеличении доз. Воздержание сопровождается абстинентным синдромом. При наркомании поражаются внутренние органы, возникают неврологические и психические расстройства, развивается социальная деградация [1].

Наркотики (от греч. *Narkōtikos* — приводящий в оцепенение) — природные и синтетические вещества, вызывающие наркоманию. Российское законодательство устанавливает административную или уголовную ответственность за незаконные действия с наркотиками (например, за немедицинское потребление, незаконное изготовление, приобретение, хранение, перевозку или сбыт наркотиков, за их хищение, склонение к потреблению, их посев или выращивание и др.).

Под наркотизмом понимается негативное социальное явление, выражающееся в приобщении граждан к немедицинскому потреблению наркотических средств и психотропных веществ [2].

Незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов — это совокупность преступлений, посягающих на установленный порядок их оборота [3].

В практическом обороте употребляется термин «наркобизнес» — разновидность систематического занятия преступным промыслом в целях получения дохода на основе производства, транспортировки и сбыта наркотиков [4]. Как правило, наркобизнес осуществляется организованными преступными группами, сообществами. По масштабам незаконного дохода наркобизнес лидирует наряду с незаконным оборотом оружия в организованной преступности [5].

Природа употребления наркотиков корнями уходит в глубокую древность. Наркотики с древних времен использовались в увеселительных, медицинских и религиозных целях. Так, в V веке до нашей эры древнегреческий историк Геродот в описании нравов и быта скифов рассказывает об использовании семян конопли для получения наркотического пара в скифских банях. Во II веке римский врач Клавдий Гален писал о том, что опиум помогает при укусах змей, головной боли, меланхолии, депрессии и других болезнях как болеутоляющее средство. За 1600 лет до Рождества Христова некий врач, имя которого осталось неизвестным, рекомендует в своем папирусе мак как «лечебное средство для прекращения чрезмерного детского крика». Наиболее убедительным подтверждением того, что во времена египетских фараонов уже торговали наркотиками, являются результаты специальных токсикологических исследований. Исследуя волосы и ткани мумии правительницы двух царств Хенет Тауи, жившей 3 тыс. лет назад, ученые получили положительный результат на никотин и кокаин [6].

Наркотизация населения России берет начало в конце XIX века, когда около 250 тыс. китайцев поселились в район Иссык-Куля (по разрешению российского императора). Арендуя землю у местного населения (на выгодных для обеих сторон условиях), китайцы организовали выращивание опийного мака. Одновременно резко возрос транзит наркотиков из Китая.

В современных условиях наркотрафик из Афганистана через среднеазиатские государства обеспечивает сбыт наркотиков не только в России, но и в других странах Европы (через территорию России). Тревожная ситуация с распространением наркомании побудила многие страны принять дополнительные уголовно-правовые, воспитательно-профилактические, медицинские и другие меры. Особой строгостью отличается уголовная политика Китая, Пакистана, Египта, Ирака и других стран, где за многие наркопреступления предусмотрена смертная казнь, за потребление наркотических средств назначаются каторжные работы. Достаточной суровости отличается законодательство Японии и США, не исключающее применение смертной казни за наркопреступления.

Ежегодно в России от употребления наркотических веществ погибает около 70 тыс. человек. Если в 1992 г. в стране в наркологических диспансерах состояло 88 тысяч человек, то уже в 2013 г. эта цифра возросла до 630 тыс. Фактическая численность зависимых в нашей стране намного больше. В 2012 г. в России 18 млн человек (13% населения страны) имели опыт употребления каких-либо наркотиков, до трёх миллионов делали это регулярно. Россия потребляет более 20% героина, производимого в мире [7].

В настоящее время наркобизнес достиг своего апогея по всему миру. За распространение, хранение и изготовление наркотиков во многих странах предусмотрена смертная казнь. В России максимальное наказание за сбыт и хищение наркотических средств — 20 лет лишения свободы. Обратимся к таблице 1.

Таблица 1

Динамика выявленных участников наркопреступлений и их удельного веса по России за 1996—2016 гг., в том числе несовершеннолетних

Годы	Всего участников наркопреступлений	Удельный вес среди участников всех преступлений	Среди несовершеннолетних	
			Выявлено участников наркопреступлений	Удельный вес среди несовершеннолетних участников всех преступлений
1996	62162	3,8	4735	2,5
1997	102172	7,4	8811	5,4
1998	116471	7,9	8374	5,1
1999	129440	7,5	7420	4,0
2000	134816	7,7	6746	3,8
2003	89494	7,2	4148	2,8
2004	68852	5,6	2997	2,0
2005	70373	5,4	2701	1,8
2006	87224	6,4	3061	2,1
2007	96738	7,3	3143	2,4
2008	103882	8,3	2823	2,6
2009	109915	9,0	2486	2,9
2010	118800	10,7	2303	3,2
2011	109144	10,5	2088	3,2
2012	115191	11,4	2143	3,6
2013	117912	11,6	2527	4,2
2015	120546	11,2	3254	5,8
2016	129330	12,7	3255	6,7

За рассматриваемый период количество выявленных участников наркопреступлений удвоилось, а их удельный вес среди всех выявленных преступников утроился (с 3,8% в 1996 г. до 12,7% — в 2016 г.) Следует учитывать также чрезвычайно высокую латентность наркопреступлений.

По оценке экспертов, она составляет 90%. Данные, приведенные в таблице, также свидетельствуют о росте наркопреступности среди несовершеннолетних. Снижение выявленных несовершеннолетних, совершивших наркопреступления с 1997 по 2011 г., объясняется «демографической ямой». Если в 2002 г. в России имелось 10 млн. несовершеннолетних в возрасте 14–17 лет, то в результате падения рождаемости в 90-е годы прошлого столетия, в 2012 г. эта возрастная группа сократилась до 5 млн. человек. Вместе с тем удельный вес наркопреступников среди всех несовершеннолетних участников преступлений вырос с 1,8 в 2005 г. до 6,7 – в 2016 г. [8–9].

Считаем ошибкой не учитывать особенности российского уголовного законодательства, по которому уголовная ответственность за наркопреступления наступает практически с 16 лет (с 14 лет ответственность предусмотрена только по ст. 229 УК РФ: хищение либо вымогательство наркотических средств или психотропных веществ; это преступление имеет не распространенный, единичный характер и на статистику не влияет).

Ювенальная наркопреступность — представляет собой совокупность преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, и лиц в возрасте моложе 18 лет, их совершивших, достигших возраста уголовной ответственности, с качественно-количественными характеристиками, на определенной территории и за конкретный период. По некоторым оценкам, в России число потребителей наркотиков колеблется от 4 до 8 млн. человек. Среди зависимых наркоманов 1 млн. — дети и подростки. Проведенный опрос среди учащихся старших классов показал, что 43,3 от всего числа опрошенных знают школьников, которые употребляют наркотические вещества. Возраст начинающего наркомана снизился до 11 лет. Среди них 60% курит «травку», 15% — опий, остальные колют, нюхают, глотают «колеса». В 2014 г. в России погибло свыше 40 несовершеннолетних после употребления «спайса», — наркопрепарата.

Так что же заставляет школьников, употреблять психотропные вещества? Быть участниками наркотических преступлений?

Анкетный опрос, проведенный авторами статьи среди школьников, позволяет сделать некоторые выводы о факторах наркотизации в молодежной сфере [10–13]. Зачастую, важную роль в употреблении наркотиков среди детей играет банальное любопытство. Ребенку, школьнику, хочется узнать что-то новое, открыть для себя неизведанное. (Так ответили 90% опрошенных). Отсутствие объективной информации (латентность — 90%) о наркопреступлениях, о масштабах употребления, об употребляющих. Также значимым фактором в причинах распространения наркотиков является влияние улицы и взрослых наркоманов. За этот вариант в опросе отметили около 93% из всего числа. Часто, дети попадают под дурное влияние компаний, в которых наркотики являются одним из главных способов развлечения.

Следует отметить, что в настоящее время институт семьи переживает кризис. Занятость родителей на работе, недостаточное внимание к детям, приводит к тому, что дети испытывают дискомфорт в семье, чувствуют се-

бя лишними. И поэтому уходят на улицу искать своих кумиров, которыми чаще становятся люди с криминальным опытом. Это могут быть алкоголики, взрослые наркоманы, преступники.

Школа в последнее время по разным причинам не способна организовать досуг для ученика с пользой. Платность кружков, спортивных секций не позволяет многим родителям устраивать туда детей. И поэтому ребенок находит себе занятие на улице, попадая под пагубное влияние старших сверстников, взрослых преступников.

Общеизвестно, что в современном мире, наркотики являются высокодоходным делом. Наркодельцы активно вовлекают молодежь в распространение, употребление психотропных средств. Свою популярность они получили в барах, на дискотеках, клубах.

Молодые люди пытаются доказать, что они самостоятельны и независимы. Ложный девиз и самообман: «Доказать, во что бы то ни стало!». Они стремятся завоевать авторитет среди сверстников. И тогда малейшее замечание со стороны взрослых воспринимается ими как вызов с моментальной обратной реакцией.

В современном мире, негативное влияние на несформировавшуюся психику подростков играют социальные сети, в которых дети впервые узнают о наркотиках, других веществах схожего назначения.

Наркопреступность среди несовершеннолетних отличается высокой степенью латентности. Специальные методы исследований, проводимые учеными, показывают, что ее уровень крайне высок. И сама преступность и употребление между собой тесно связаны. К примеру, в 2014 г. выявлены 3180 подростков, совершивших наркопреступление, а за употребление наркотических средств в органы внутренних дел доставлено в два раза больше — 6189 подростков. В последние годы эта тенденция сохранилась. Следовательно, меры должны быть направлены на предупреждение употребления наркотических веществ.

Особый интерес представляет мнение самих школьников о профилактике наркотизма.

1. Большая часть (60%) опрошенных склоняется к усилению административной и уголовной ответственности за употребление и сбыт наркотиков (не с 16, а с 14 лет).

2. Среди опрошенных 56,7% отметили необходимость в ежегодном медицинском обследовании школьников на предмет выявления у них в крови психотропных средств. Учитывая, что, зачастую, дети оказываются вовлеченными в преступные действия взрослыми преступниками, следовало бы повысить ответственность за вовлечение несовершеннолетних в наркопреступления [14]. Актуальным является выступление в школах медиков-наркологов с показом специальных фильмов, программ по пропаганде вреда от употребления наркотиков. Также важным является грамотный подход к организации свободного времени учащегося. Школа должна учитывать их интересы и способности. Целесообразным было бы сокра-

щение платных секций, кружков, которые не дают шансов в достижении высоких результатов детям из малообеспеченных семей.

Эффективным способом борьбы с наркоманией была бы более тщательная проверка различных информационных ресурсов в сети интернета, привлечение к ответственности людей, занимающихся пропагандой наркотических веществ.

Наркомания стала проблемой не отдельных личностей, а бедствие всего человечества. Борьба с наркопреступностью несовершеннолетних требует комплексного подхода и все методы должны работать в едином механизме. Надеемся, что рассмотренные меры положительно повлияют на снижение крайне высокого уровня вовлеченности детей в наркопреступный бизнес. Радует тот факт, что государству небезразлична данная критическая ситуация и оно активно ведет борьбу с этим негативным явлением.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой энциклопедический словарь. — 2-е изд., перераб. — М.: Большая Российская энциклопедия. — СПб. : Норинт, 2001. — 1456 с.
2. Прохорова М. Л. Наркотизм: уголовно-правовое и криминологическое исследование. — СПб., 2002. — С. 13
3. Криминология : учебник для вузов / под общ. ред. А. И. Долговой. — 2-е изд. — М., 2002. — С. 659.
4. Криминология : курс лекций / А. А. Анисимов, С. Т. Гаврилов, О. В. Демидова : курс лекций. — Воронеж : Воронежский институт МВД России, 2004. — С. 67.
5. Криминология : учеб. пособие. — Воронеж : Воронежский институт МВД России, 2005. — С. 112.
6. Верещагин В. А. Наркотизация населения на территории Российской Федерации : монография. — М.: ВНИИ МВД России, 2005. — С. 7—8.
7. Дмитрий Горностаев 22 октября 2009 г. РИА «Новости».
8. Рогова Е. В. Меры уголовно-правового характера, применяемые к несовершеннолетним : учеб. пособие. — Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России, 2017. — 104 с.
9. Помогалова Ю. В., Демидова О. В. Профилактика правонарушений несовершеннолетних (административно-правовой, уголовно-правовой, уголовно-исполнительный аспекты) : учеб. пособие. — Воронеж : Воронежский институт ФСИН России, 2015. — 56 с.
10. Основы ювенального права : учеб. пособие в 3-х т. Т. 1 — Воронеж : Воронежский институт МВД России, 2003. — 183 с.
11. Основы ювенального права : учеб. пособие в 3-х т. Т. 2. — Воронеж : Воронежский институт МВД России, 2003. — 196 с.
12. Ювенальное право : курс лекций / С. Т. Гаврилов, А.В. Заряев, О. В. Демидова. — Воронеж : Воронежский институт МВД России, 2003. — 197 с.

13. Правовая и социальная защита семьи и несовершеннолетних : учеб. пособие в 3-х т. Т.1. / С. Т. Гаврилов, А.В. Заряев, О. В. Демидова. — Воронеж : Воронежский институт МВД России, 2003. — 204 с.

14. Уголовное право : учебник в 4-х т. Т. 1. / С. Т. Гаврилов, А. В. Заряев, О. В. Демидова. — Воронеж : Воронежский институт МВД России, 2005. — 204 с.

15. Наркотизация несовершеннолетних: современное состояние и тенденции / Р. Б. Иванченко, А. В. Польшиков // Вестник Воронежского института МВД России. — 2016. — № 4. — С. 68—76.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

Лелеков Виктор Андреевич. Доктор юридических наук, профессор. Воронежский институт МВД России.

E-mail: Victor.lelecov@yandex.ru

Россия, 394065, Воронеж, проспект Патриотов, 53.

8-910-344-77-37.

Бородин Андрей Дмитриевич. Студент юридического факультета Воронежского государственного университета.

E-mail: Andrew.borodin98@yandex.ru

Россия, 394006, Воронеж, пл. Ленина, 10А.

8-919-230-09-98.

Lelekov Viktor Yushchenko. Doctor of legal Sciences, Professor. Voronezh Institute of the Russian interior Ministry.

E-mail: Victor.lelecov@yandex.ru

Russia, 394065, Voronezh, prospect Patriotov, 53.

8-910-344-77-37.

Andrey Borodin Dmitrievich. A student of the law faculty of Voronezh state University.

E-mail: Andrew.borodin98@yandex.ru

Russia, 394006, Voronezh, Lenin square, 10A.

8-919-230-09-98.

Ключевые слова: наркомания, наркотизм, наркопреступность, незаконный оборот наркотических средств, наркобизнес, латентность, наркопреступность среди несовершеннолетних.

Key words: addiction, drug addiction, drug trafficking, illicit trafficking in narcotic drugs, drug trafficking, latency, drug-related crime among minors.

УДК 343.946

ПРОБЛЕМЫ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, НЕ ПОДЛЕЖАЩИХ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

PROBLEMS OF PROOF FOR CRIMINAL CASES IN RESPECT OF MINORS WITHOUT CRIMINAL RESPONSIBILITY

В статье проанализированы проблемы доказывания по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, не подлежащих уголовной ответственности. Рассмотрены особенности участия экспертов и специалистов, назначения и производства комплексной психолого-психиатрической экспертизы по уголовным делам в отношении указанной категории лиц.

The article analyzes the problems of proving in criminal cases in relation to minors who are not subject to criminal liability. Features of participation of experts and specialists, appointment and production of complex psycho-psychiatric expertise in criminal cases in relation to this category of persons are considered.

В практической деятельности следователи и дознаватели нередко встречаются с несовершеннолетними подозреваемыми, обвиняемыми, которые не подлежат уголовной ответственности, и в данном случае доказывание обстоятельств, предусмотренных ст. 421 УПК РФ [1], является наиболее важным. Прежде всего, установление рассматриваемых обстоятельств позволяет решить вопрос о законности и допустимости привлечения к уголовной ответственности несовершеннолетнего лица [2]. Должностное лицо, осуществляющее предварительное расследование, на практике должно доказать:

а) достижение или не достижение несовершеннолетним возраста уголовной ответственности;

б) зависимость (ее отсутствие) между совершенным несовершеннолетним преступлением и неблагополучием той социальной среды, где несовершеннолетний жил, учился либо работал;

в) соответствие или несоответствие уровня психического развития несовершеннолетнего возрасту привлечения к уголовной ответственности за конкретное преступление;

г) наличие или отсутствие влияния старших по возрасту лиц на несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого [3].

В российском уголовном процессе выделяют три группы несовершеннолетних, которые не могут быть привлечены к уголовной ответственности:

1) не достигшие возраста, с которого наступает уголовная ответственность;

2) достигшие возраста уголовной ответственности, однако имеющие отставание в психическом развитии, которое не позволяет им осознавать в полной мере фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими;

3) достигшие возраста уголовной ответственности, но признанные невменяемыми.

Доказывание в уголовном судопроизводстве в отношении несовершеннолетнего любой из указанных групп имеет свою специфику.

Попадание в орбиту уголовного процесса несовершеннолетних, не подлежащих уголовной ответственности, обуславливает необходимость привлечения к участию в производстве экспертов и специалистов. Так, если по документам точный возраст несовершеннолетнего не может быть достоверно установлен, то должна назначаться судебно-медицинская экспертиза. Однако, как отмечает Е. В. Марковичева, такие случаи в практике встречаются редко [4].

Наиболее важным представляется то, что доказывание по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, не подлежащих уголовной ответственности, вызывает необходимость назначения и производства комплексной психолого-психиатрической экспертизы, результаты которой предоставят следователю (дознавателю) сведения о том, имеется или отсутствует у несовершеннолетнего отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством. Кроме того, устанавливается влияние этого отставания на осознание им фактического характера своих противоправных действий (бездействия), способность руководить ими.

Следователь, проведя анализ экспертного заключения, может сделать вывод о том, способен ли несовершеннолетний адекватно воспринимать обстоятельства, связанные с порядком судопроизводства, а также о его возможности давать показания по существу уголовного дела.

Важным представляется также получение информации, характеризующей личность несовершеннолетнего. Выявление причин и условий, способствовавших совершению преступления, имеет значение при выборе мер воспитательного воздействия после передачи материалов в подразделение по делам несовершеннолетних органов внутренних дел (ПДН ОВД), в процессе реализации комплекса профилактических мер, для установления других лиц, принимавших участие в совершении преступления.

Доказывание по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, не подлежащих уголовной ответственности, предъявляет повышенные требования к уровню профессионализма лица, участвующего в уголовном судопроизводстве. С точки зрения Е. В. Марковичевой, необходимыми

предпосылками эффективного расследования является обладание субъектом доказывания профессиональными знаниями, способность налаживания психологического контакта с несовершеннолетним [5].

Некоторые трудности появляются при привлечении педагога или психолога к допросу таких несовершеннолетних. Полагаем, к допросу таких лиц наиболее целесообразно и эффективно привлекать психологов. Однако на практике это не всегда является реальным, особенно при производстве допроса до назначения комплексной психолого-психиатрической экспертизы в отношении несовершеннолетнего. Во всяком случае, при допросе несовершеннолетнего, который не подлежит уголовной ответственности, необходимо учитывать некоторые его психологические особенности, в частности: повышенную демонстративность поведения, внушаемость, склонность к фантазированию.

Результат процесса доказывания в рассматриваемой ситуации – прекращение уголовного преследования в отношении несовершеннолетнего, не подлежащего уголовной ответственности, за отсутствием в совершенном деянии состава преступления.

Уголовное преследование прекращается и в отношении несовершеннолетнего, признанного судом невменяемым. В таком случае ему суд может назначить принудительные меры медицинского характера.

Таким образом, лишь установление всех обстоятельств, образующих предмет доказывания по рассматриваемой категории уголовных дел, позволяет сделать вывод о возможности прекращения уголовного преследования в отношении несовершеннолетнего и, соответственно, вынести законное обоснованное и мотивированное решение о прекращении уголовного преследования в отношении несовершеннолетнего.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 06.07.2016) // СЗ РФ. – 2001. – № 52. – Ст. 4921.

2. Голубев Н. А. Некоторые особенности расследования преступлений несовершеннолетних / Н.А. Голубев // Вопросы ювенальной юстиции. – 2016. – № 1. – С. 5–9.

3. Марковичева Е. В. Некоторые проблемы доказывания по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, не подлежащих уголовной ответственности / Е. В. Марковичева // Российский следователь. – 2008. – № 11. – С. 15–16.

4. Подшибякина О. С. Особенности рассмотрения уголовных дел в отношении несовершеннолетних / О. С. Подшибякина // Судья. – 2017. – № 7. – С. 15–19.

5. Марковичева Е. В. Концептуальные основы ювенального уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Е. В. Марковичева. – Оренбург, 2015. – 58 с.

6. Дутов Н. Процессуальная функция следователя и её реализация в состязательном уголовном процессе / Н. Дутов // Закон и право. – 2010. – № 1. – С. 103–105.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

Леонов Александр Иванович. Преподаватель кафедры уголовного процесса.

Воронежский институт МВД России.

E-mail: Leon48usm@mail.ru

Россия, 394065. г. Воронеж, проспект Патриотов, 53.

Тел. 8-952-550-11-71.

Тамбовцева Диана Юрьевна. Курсант Ю14С2 взвода 4 курса юридического факультета.

Воронежский институт МВД России.

E-mail: Diana041996@yandex.ru

Россия, 394065. г. Воронеж, проспект Патриотов, 53.

Тел. 8-980-247-20-89.

Leonov Alexander Ivanovich. Lecturer of the chair of Criminal Trial.

Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53.

Tel. 8-952-550-11-71.

Tambovtseva Diana Ur'evna. Cadet Ю14С2 platoon 4 courses of the Faculty of Law.

Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

E-mail: Diana041996@yandex.ru

Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53.

Tel. 8-980-247-20-89.

Ключевые слова: несовершеннолетние, не подлежащие уголовной ответственности, особенности доказывания, комплексная психолого-психиатрическая экспертиза.

Key words: minors not subject to criminal liability, features of proving, complex psycho-psychiatric examination.

УДК 343.1

**ПРЕКРАЩЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ИЛИ УГОЛОВНОГО
ПРЕСЛЕДОВАНИЯ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО
В СВЯЗИ С НАЗНАЧЕНИЕМ ЕМУ СУДЕБНОГО ШТРАФА**

**THE TERMINATION OF CRIMINAL CASE OR CRIMINAL
PROSECUTION IN JUVENILE IN CONNECTION WITH THE
APPOINTMENT A JUDICIAL FINE**

В статье рассматривается новый уголовно-процессуальный институт прекращения уголовного дела или уголовного преследования с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, введенный в уголовно-процессуальное законодательство Федеральным законом от 03.07.2016 г. № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности», а также анализируются условия его применения в отношении несовершеннолетнего.

The article discusses the new criminal procedure Institute the termination of criminal case or criminal prosecution with the purpose of measures of criminal-legal character in the form of court fines imposed in the criminal procedure legislation the Federal law of 03.07.2016, No. 323-FZ "On amendments to the criminal code of the Russian Federation and the Criminal procedural code of the Russian Federation on improving of the grounds and order of exemption from criminal responsibility," as well as the conditions of its application in the minors.

Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ Уголовно-процессуальное законодательство подверглось значительным изменениям касаясь освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа [1]. Суть данного нововведения заключается, в том, что уголовное дело или уголовное преследование может быть прекращено судом в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести, которое возместило ущерб потерпевшему или иным образом загладило причиненный вред, и назначить этому лицу меру уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. Правовые нормы института прекращения уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа отражены в ст.25.1 УПК РФ «Прекращение уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа» и в главе 51.1 УПК РФ «Производство о назначении меры уголовно-правового характера при освобождении от уго-

ловной ответственности» [2]. Указанные нормы регламентируют основания и процессуальный порядок прекращения уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа.

Одним из основных критериев принятия нового института прекращения уголовного дела или уголовного преследования послужило, то что, значительное количество рассматриваемых в суде уголовных дел относятся к категории преступлений небольшой или средней тяжести, которые в большинстве случаев совершены лицами впервые, в том числе и несовершеннолетними лицами. Привлекаемые к уголовной ответственности лица, по категориям данных дел, несут уголовное наказание в виде исправительных работ, а также отбывают наказание в местах лишения свободы. К несовершеннолетним лицам, совершившим преступление впервые небольшой или средней тяжести также применяются наказания в виде обязательных или исправительных работ. Наличие судимости у лица, совершившего впервые преступлений, не зависимо от его возраста и социального положения, не всегда исправляет гражданина и ставит его на путь исправления, а зачастую может негативно сказаться на этом гражданине, и на обществе в целом, так как может привести к совершению новых преступлений этим же лицом. В связи с этим во избежание роста осужденных и судимых лиц, законодательством был введен новый институт прекращения уголовного дела или уголовного преследования. Следует отметить, что речь идет о прекращении дела в отношении тех лиц, которые впервые совершили преступление, возместили потерпевшему материальный ущерб или иным образом загладили причиненный вред.

Важной отличительной особенностью применения нового института прекращения является то, что это решение о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа принимается только судом на всех стадиях уголовного процесса. При наличии установления оснований необходимых для прекращения уголовного дела или уголовного преследования, предусмотренные ст. 25.1 УПК РФ органы, осуществляющие предварительное расследование, направляют соответствующее ходатайство о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в суд, порядок которого регламентирован главой 51.1 УПК РФ. Таким образом, законодательством были созданы предпосылки широкого применения новой нормы института прекращения уголовного дела или уголовного преследования не только в судебной стадии, но и в досудебном производстве. Согласно ч. 2 ст. 446.2 УПК РФ следователь с согласия руководителя следственного органа или дознаватель с согласия прокурора выносит постановление о возбуждении перед судом ходатайства о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести и назначения этому лицу меры уголовного-

правового характера в виде судебного штрафа, которое вместе с материалами уголовного дела направляется в суд.

Судебным органам при рассмотрении уголовного дела с ходатайством о его прекращении необходимо быть удостоверенным в причастности подозреваемого, обвиняемого в совершении инкриминируемого ему деяния путем установления всех фактических обстоятельств дела собранных на стадии предварительного расследования. В связи с этим, следует отметить, что направление уголовного дела с подобным ходатайством о его прекращении не целесообразно без полного и объективного расследования. Во-первых, необходимо установить виновность подозреваемого, обвиняемого путем установления обстоятельств и их доказывание. Во-вторых, необходимо установить основания, создающие предпосылки к прекращению уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением судебного штрафа. В- третьих, в полном объеме собрать характеризующий материал на подозреваемого, обвиняемого, в том, числе сведения о его материальном положении, так как это один из основных элементов при назначении судом штрафа в ходе прекращения уголовного дела или уголовного преследования. По уголовным делам, субъектом преступления по которым выступает несовершеннолетнее лицо, необходимо устанавливать общее материальное положение членов его семьи. Данные сведения помогут объективно определить возможность уплаты судебного штрафа при прекращении уголовного дела в отношении несовершеннолетнего. Таким образом, следует, что органам предварительного расследования по преступлениям, подпадающим под категорию прекращения дела с назначением судебного штрафа, необходимо осуществлять полноту работы по установлению и доказыванию обстоятельств материалов уголовного дела.

Кроме этого, следует обратить внимание, на основания, которые отражены нормами регламентирующие прекращение уголовного дела или уголовного преследования с назначением судебного штрафа. Так, согласно ст. 25.1 УПК РФ и ст. 76.2 УК РФ выделяют ряд условий, при которых уголовное дело или уголовное преследование может быть прекращено с назначением меры правового характера в виде судебного штрафа [3]. Первым условием, является, то что, лицо, привлекаемое к уголовной ответственности, совершило преступление впервые. Вторым условием является, то, что, совершенное деяние должно относиться к категории преступлений небольшой или средней тяжести. Третьим условием является, то, что подозреваемый или обвиняемый полностью возместил ущерб или иным образом загладил вред, причиненный в ходе совершенного преступного деяния.

Что касается лица, совершившего впервые преступление, то следует отметить, что согласно п. 2 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 27.06.2013 г. №19 «О применении судами законодательства, регламентирующие основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» лицом, совершившем впервые одно или несколько преступлений, признается, то лицо, которое ни за одно из преступлений ранее не было осуждено, когда

приговор в отношении этого же лица не вступил в законную силу, а также когда это лицо уже освобождалось от уголовной ответственности [4]. К данной категории вышеуказанных лиц, также следует отнести, тех, в отношении которых была снята или погашена судимость. Одним из проблемных вопросов при применении нового института прекращения можно выделить следующий момент, если привлекаемое лицо совершило несколько преступлений небольшой или средней тяжести, и как повлияют эти преступления на возможность прекращения уголовного дела с назначением судебного штрафа. В данной ситуации следует прекратить и одно и последующее дело, если присутствуют все основания для прекращения, а также в том случае, если приговор по первому уголовному делу не вступил в законную силу, следовательно, данное лицо, не признано виновным и его вина была не доказана.

Второй основной проблемой применения судебного штрафа можно считать возмещение ущерба причиненного в ходе преступления. В идеальном соотношении можно утверждать, что если подозреваемый или обвиняемый полностью возместил потерпевшему причиненный материальный ущерб или иным образом загладило имущественный вред, то уголовное дело может быть прекращено с назначением судебного штрафа. Под ущербом понимается имущественный вред, который может быть возмещен в денежной форме, ремонта поврежденного имущества, предоставления другого имущества взамен утраченного или поврежденного. В законодательстве под заглаживанием вреда понимается денежная компенсация, имущественная компенсация, компенсация морального вреда, принесение извинений, оказание какой-то помощи потерпевшему и иные действия направленные на заглаживание нарушенных прав потерпевшего. Но следует отметить, что зачастую потерпевший по уголовному делу не только требует возмещение материального ущерба причиненного преступлением, но и возмещение морального вреда в денежной форме. В данном случае не всегда подозреваемый или обвиняемый имеет возможность возместить и материальный и моральный ущерб, а потерпевший настаивает на возмещении и того и другого, при этом возражает против прекращения уголовного дела с назначением судебного штрафа, так как претендует на денежную ему выплату при возмещении морального вреда. Как поступить, если потерпевшему был возмещен материальный ущерб, а моральный нет, так как объективно он был не установлен. В данном случае следователю или дознавателю при наличии подпадающих остальных всех оснований при прекращении уголовного дела с назначением судебного штрафа, необходимо направлять подобные дела в суд с ходатайством о прекращении с назначением судебного штрафа. Только суд сможет объективно установить был ли полностью заглажен причиненный вред преступлением или нет. Следует учитывать тот факт, что законодатель при назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа не выделяет и не учитывает особенности личности подозреваемого, обвиняемого при прекращении уголовного дела или уголовного преследования. Целями применения меры правового характе-

ра в первую очередь является возмещение причиненного материального ущерба преступными действиями и предотвращение повторных преступлений. Однако, следует придерживаться той предпосылки появления нового института прекращения, то есть предоставлять шанс оступившимся впервые, не становиться уголовным элементом и давать возможность заглаживать свою вину.

Кроме этого следует отметить, что существует ряд преступлений, где отсутствует потерпевшая сторона, например ст. 306 УК РФ «Заведомо ложный донос». По категориям данных уголовных дел, при соблюдении остальных оснований освобождения от ответственности с назначением судебного штрафа, необходимо направлять такие дела в суд с ходатайством о прекращении уголовного дела с назначением судебного штрафа. В данном случае следует мотивировать данное решение тем, что лицо впервые совершило преступление, относящееся к категории небольшой или средней тяжести, признало полностью вину и материальное положение данного подозреваемого, обвиняемого позволяет оплатить назначенный судом штраф. В данном случае прекращение уголовного дела и назначение судебного штрафа по категориям указанных преступлений будет являться целесообразным в своем применении.

Зачастую подобные преступления совершаются по глупости молодыми, несовершеннолетними лицами, ранее не судимыми, положительно характеризующими, и чтобы не ставить клеймо судимости на данном гражданине, ему стоит помочь встать на путь исправления. Одним из таких примеров, является постановление Россошанского районного суда Воронежской области о прекращении уголовного преследования с назначением судебного штрафа в отношении несовершеннолетнего П-ва А. С., подозреваемого в совершении преступления, предусмотренного п.п. «а», «б», «в» ч.2 ст. 158 УК РФ. В своем постановлении суд указал, что подозреваемый свою вину в совершении указанного преступления признал полностью, в содеянном раскаялся, возместил причиненный ущерб, впервые совершил преступление, относящегося к категории средней тяжести, по месту жительства и учебы характеризуется положительно, на заседании комиссии по делам несовершеннолетних не рассматривался. На предварительном следствии несовершеннолетним, после консультации с защитником, было заявлено ходатайство о прекращении уголовного дела в соответствии со ст. 25.1 УПК РФ и назначение ему меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. Суд учел все вышеуказанные доводы и освободил П-ва А. С. от уголовной ответственности, назначив ему меру уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в размере 5000 рублей в доход государства [5].

Институт прекращения уголовного дела или уголовного преследования с применением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа по своей сути представляет уголовно-правовые отношения между лицом совершившим преступление и государством, где последнее также имеет право на наказание преступника. Государство имеет право наделить свой орган полномочиями и этот данный орган будет осуществлять права от имени государ-

ства. При назначении лицу совершившим преступление и соблюдении всех оснований предусмотренных данным институтом, в том числе и возмещение материального ущерба, назначается мера уголовного правового характера в виде судебного штрафа, который поступает не потерпевшему, а в доход государства. Таким образом, законодатель впервые при освобождении лица от преступления устанавливает более жесткие требования при прекращении и назначении штрафа при осуждении за преступление, относительно с другими институтами прекращения.

По мнению А. Г. Маркелова, в УПК РФ отсутствует прямая регламентация вопроса о прекращении ответственности с назначением судебного штрафа в отношении несовершеннолетнего. Данное проблемное решение, по мнению ученого, возможно с введением в действующее законодательство новой меры воспитательного характера – наложение судебного штрафа на законных представителей несовершеннолетнего, как одним из вида принудительных мер воспитательного воздействия [6].

Указанная позиция вполне логична, так, и по мнению И. А. Насоновой процессуальные возможности участия несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве усиливаются с участием законного представителя в соответствии с п.12 ст. 5 УПК РФ [7, 8].

Следует отметить, что прекращение уголовного дела или уголовного преследования без применения подобной меры наказания в отношении лица, совершившего впервые преступление, может не оказать существенного влияния на данное лицо, чтобы в дальнейшем не совершать преступления. А если к этому же лицу, совершившему впервые преступление небольшой или средней тяжести, который еще полностью загладил причиненный вред потерпевшему, будет применена мера правового характера в виде судебного штрафа поступившего в доход государства, то вероятнее всего это лицо не захочет и не станет совершать новых преступлений. Поэтому институт прекращения уголовного дела или уголовного преследования с применением меры уголовного – правового характера в виде судебного штрафа наиболее эффективен как инструмент стимулирования лиц, совершивших впервые преступления небольшой или средней тяжести, к позитивному поведению, чем институт прекращения уголовного дела или уголовного преследования без назначения наказания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 3 июля 2016 г. №323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» // Российская газета – Федеральный выпуск №7017 (149) от 8 июля 2016 г.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. №174-ФЗ (ред. от 22.11.2016 г.) // Российская газета от 22 декабря 2001 г. №249.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. №63-ФЗ (ред. от 06.07.2016 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 г. №25 ст. 2954.

4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. №19 «О применении судами законодательства, регламентирующие основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» // Российская газета – Федеральный выпуск №6121 (145) от 05.07.2013 г.

5. Дело № 1-291/16: Архив Россошанского районного суда Воронежской области.

6. Маркелов А. Г. О компромиссе при прекращении уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа // Вестник ВИ МВД России. — 2017. — № 2. — С. 83—88.

7. Насонова И. А. Процессуальные возможности несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства // Вестник ВИ МВД России. — 2012. — № 4. — С. 21—25.

8. Насонова И. А. Теоретическая модель уголовно-процессуальной защиты : диссертация доктора юридических наук. —М., 2011. — С. 31—31.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Ливенцева Анна Владимировна. Адъюнкт кафедры уголовного процесса. Воронежский институт МВД России.

E-mail: Livencevaa5183@mail.ru

Россия, 394065, Воронеж, проспект Патриотов, 53. Тел. (473)200-53-44.

Liventseva Anna Vladimirovna. Adjunct of the Department of criminal procedure. Voronezh Institute of the Russian interior Ministry.

Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53.

Tel. (473) 2312-651.

Ключевые слова: освобождение от уголовной ответственности, прекращение уголовного дела, судебный штраф, назначение судебного штрафа.

Key words: exemption from criminal liability, termination of criminal proceedings, judicial fine, appointment of a judicial fine.

УДК 343.1

А. Н. Малышев;
Е. Ю. Князева

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

THE SOCIO-ECONOMIC DETERMINANTS OF THE JUVENILE DELINQUENCY

В статье анализируются социально-экономические причины, обуславливающие рост преступности несовершеннолетних. Отмечается ведущая роль родительской семьи в развитии личностных качеств подростков и ее влияние на правосознание несовершеннолетних.

The article examines the socio-economic causes, contributing to the increase of the juvenile delinquency. The authors mark the fundamental role of the parent family in the formation of personal qualities of minors and its impact on their legal consciousness.

Уровень и структура преступности зависят от социально-экономических, политических и культурных условий, складывающихся в государстве на определенном этапе его развития. Негативные изменения в основных сферах жизнедеятельности общества обуславливают увеличение количества преступлений, в том числе совершаемых несовершеннолетними лицами. Снижение уровня жизни населения не может не отражаться на функционировании семьи как основного общественного института, ответственного за воспитание и социализацию, поскольку социально-экономические проблемы затрагивают интересы всех ее членов, и в первую очередь, не достигших совершеннолетия. В то же время от того, в каких условиях проживают дети, происходит их развитие и обучение, в конечном итоге зависит будущее всего государства. К сожалению, в современных условиях спада экономики отмечается увеличение нуждающейся части населения. Так, в 2013 году численность населения РФ с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума составляла 15,5 млн человек; в 2014 году – 16,1 млн человек; в 2015 их количество увеличилось уже до 19,5 млн, а в 2016 году составило 19,6 млн человек [1].

Ограниченная или полностью отсутствующая возможность удовлетворения основных потребностей, связанная с нехваткой материальных средств, негативно отражается на внутреннем состоянии взрослых и несовершеннолетних членов семьи. Бедственное положение, неспособность родителей обеспечить детей полноценным питанием, не говоря уже о мод-

ной одежде и современных гаджетах, приводит к обострению внутрисемейных отношений. Трудности материального характера неизбежно возрастают в случае увеличения в семье числа детей, поскольку расходы на содержание даже одного ребенка по объективным причинам превышают расходы на взрослого члена семьи. В определенной степени это обуславливает то обстоятельство, что большинство российских семей являются однопольными. По официальным данным, в Российской Федерации из 17555160 семейных ячеек, имеющих несовершеннолетних детей, абсолютное большинство составляют семьи с одним ребенком – 67,4%; с двумя детьми – 26,8%; с тремя и более – лишь 5,8% [1]. Вместе с тем, криминологическими исследованиями давно доказано, что процесс снижения количества детей в семье способствует росту числа трудных подростков и несовершеннолетних правонарушителей. Положение единственного ребенка таит потенциальную возможность для развития у него эгоизма, собственных устремлений, корыстных мотивов поведения [2].

Непростая ситуация сегодня складывается в жилищной сфере, когда для большинства получение или приобретение недвижимости невозможно, а улучшение условий проживания является трудной, а нередко неразрешимой задачей. Кредитование жилья, распространившееся в РФ в последние годы, становится для семьи тяжким бременем. Ситуация особенно усложняется в случае необходимости ухода в отпуск по уходу за ребенком одного из супругов, когда обеспечение своевременных взносов по ипотеке ложится на плечи единственного работающего члена семьи. Следствием указанных обстоятельств становятся ухудшение материального положения, обострение семейных отношений и отказ супружеских пар от рождения даже единственного ребенка.

Социально-экономические процессы, происходящие в государстве напрямую влияют на состояние семейной атмосферы. Так, К. Д. Зарубиной совершенно справедливо отмечено, что незрелость и беспомощность государственных институтов социальной поддержки населения заметно сказываются на экономическом положении российских семей, в особенности имеющих в своем составе социально уязвимых членов, порождают чувство неуверенности и тревожности, напряженности в межличностном общении, являются основной детерминантой внутрисемейных конфликтов [3]. В конфликтной ситуации в семье самыми психологически уязвимыми становятся дети, нередко являющиеся объектом эмоциональной разрядки супругов, на который они переносят свое раздражение. Систематическое возникающие противоречия между родителями порождают у ребенка враждебное чувство к отцу или матери, которое впоследствии может проявиться в виде агрессии, направленной не только на члена семьи, ставшего, по его мнению, виновником конфликта, но и на иных окружающих лиц. Кроме того, нарушение морально-психологического климата в семье влечет за

собой нежелание подростка пребывать в обстановке повышенной напряженности и вызывает у него стремление к поиску иных вариантов проведения досуга. В связи с этим, полагаем, необходимо обратить внимание на проблемы, существующие в сфере организации свободного времени несовершеннолетних. К сожалению, сегодня на фоне обострения проблем социально-экономической сферы, в первую очередь, связанных с ростом инфляции и падением уровня жизни населения страны, разработка и реализация мер улучшения ситуации, сложившейся в данной области, уходит на второй план. Государство не имеет возможности выделения достаточного количества средств на создание необходимых условий организации досуга, обеспечивающего развитие и воспитание подрастающего поколения. Большинство детско-юношеских центров и секций функционирует на платной основе, а минимальное их количество, позиционируемое как бесплатное и доступное, на практике также осуществляет сбор с родителей обязательных денежных взносов. Данное обстоятельство негативно отражается на содержательной стороне свободного времени, которым по сравнению с взрослыми несовершеннолетние располагают в значительно большем объеме. Праздное времяпрепровождение, отсутствие общественно полезной деятельности, желания и возможности получения новых знаний и навыков может детерминировать антиобщественную направленность поведения подростков, следовательно, неправильное использование свободного времени становится одной из причин совершения правонарушений несовершеннолетними лицами.

Еще одной проблемой, сопутствующей экономическому кризису, является рост безработицы, представляющей собой мощный криминогенный фактор. Так, согласно статистики органов внутренних дел РФ, лица без постоянного источника дохода и безработные стабильно составляют более половины от общего количества лиц, совершивших преступления в РФ: в 2015 году – 68,6%; в 2016 – 66,0%; в 2017 году – 66,2% [4]. Последствием сокращения рабочих мест становится ухудшение благосостояния семьи, вызывающее помимо трудностей материального характера моральную неудовлетворенность, раздражительность и депрессию ее членов, что приводит к возникновению внутрисемейных конфликтов, в результате которых нарушается детско-родительская связь.

Кризис системы образования – еще одна существенная причина подростковой преступности. Экономические трудности государства не могут не отражаться на состоянии его образовательной сферы. Недостаточное или полностью отсутствующее финансирование общеобразовательных школ приводит к нехватке материально-ресурсного и методического обеспечения учебного процесса. Обостряется кадровый вопрос. Педагогический коллектив составляют в основном учителя пожилого возраста, в большинстве своем уставшие от многолетнего труда, не стремящиеся к

освоению новых технологий обучения и продолжающие работу по причине мизерного размера пенсии, а многие активные молодые специалисты покидают школы, что влечет за собой существенное снижение качества получаемых знаний. Крайне негативным последствием экономического кризиса становится фактическое установление платности образования, выражающейся в систематическом сборе денежных средств на общешкольные нужды. Кроме того, следует отметить, что образовательная организация является важнейшим институтом, который участвует в формировании личности несовершеннолетнего. Правильно организованное взаимодействие семьи и школы обеспечивает гармоничное развитие и правильную социальную ориентацию ребенка. Однако низкая заработная плата не стимулирует педагогический состав к добросовестному выполнению своих обязанностей и повышению профессиональной квалификации и воспитательная работа в школе практически сводится к нулю, что приводит к падению нравственности, росту алкоголизма и наркомании среди школьников и, как следствие, их противоправному поведению.

Таким образом, на основании изложенного можно сделать вывод, что влияние внешних условий и макросоциальных процессов на уровень преступности несовершеннолетних многообразно. Негативное воздействие на внутреннее состояние семьи как микросреды, в которой осуществляется становление и развитие личности, оказывают преобразования и изменения, происходящие в социальной и экономической сферах в кризисные периоды их развития. Тем самым создаются условия для роста криминогенности семьи, поскольку в конечном итоге ответственность за формирование правосознания и правильную оценку несовершеннолетними возникающих в государстве и обществе проблем, впоследствии определяющую выбор ими варианта поведения, ложится на их родителей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Официальная статистика [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – URL : http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/motherhood/# (дата обращения: 30.01.2018).
2. Борбат А. В. Образ жизни семьи и преступность несовершеннолетних / А. В. Борбат, А. Н. Ильяшенко // Справочная правовая система КонсультантПлюс [Электронный ресурс] // URL : <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 29.01.2018).
3. Зарубина К. Д. Социальное неблагополучие и насилие в семье : криминологическое исследование : дис. ... канд. юрид. наук / К. Д. Зарубина. – Москва, 2013. – С. 3-4.

4. Состояние преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2017 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. – URL : <https://мвд.рф/reports/item/12167987/> (дата обращения: 30.01.2018).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

Малышев Александр Николаевич. Заместитель начальника кафедры уголовного процесса. Кандидат юридических наук, доцент.

Воронежский институт МВД России.

E-mail: Malishevsasha@yandex.ru

Россия, 394065, Воронеж, проспект Патриотов, 53.

Тел. (4732) 200-53-46.

Князева Екатерина Юрьевна. Адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии.

Воронежский институт МВД России.

E-mail: cliff0005@yandex.ru

Россия, 394065, Воронеж, проспект Патриотов, 53.

Тел. (4732) 200-53-32.

Malyshev Aleksandr Nikolaevich. Deputy head of the chair of Criminal Proceeding. Candidate of Law, Assistant Professor.

Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

E-mail: Malishevsasha@yandex.ru

Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53.

Tel. (4732) 200-53-46.

Knyazeva Ekaterina Yurievna. Post-graduate cadet of the chair of Criminal law and Criminology.

Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

E-mail: cliff0005@yandex.ru

Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53.

Tel. (4732) 200-53-32.

Ключевые слова: преступность несовершеннолетних; детерминанты преступности; кризис института семьи; формирование личности.

Key words: juvenile delinquency; determinants of the crime; crisis of a family institution; formation of a personality.

УДК 343.97

СПОСОБЫ СОВЕРШЕНИЯ ВОВЛЕЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО В СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

METHODS OF PERFORMING INVOLVEMENT OF MINOR-YEAR IN CRIME PREVENTION

В статье рассмотрены способы вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений как неотъемлемый элемент криминалистической характеристики данного вида преступления.

The article considers ways of involving minors in committing crimes as an integral element of the criminalistic characteristics of this type of crime

Криминалистическая характеристика преступления представляет собой научную абстракцию, результат обобщения и типизации данных о преступлениях определенного рода (вида), используемую следователем в качестве некоторого ориентира при расследовании конкретного преступления. Она выступает базовым элементом общей методики расследования преступлений.

Содержание криминалистической характеристики преступления образуется совокупностью ряда элементов: способ совершения преступления, предмет преступления, обстановка совершения преступления (время, место и т.д.), механизм слеодообразования, личность преступника, и др.

Криминалистическая характеристика вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления есть обобщенное отображение совокупности криминалистически значимых признаков и свойств преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ.

Базовой составляющей криминалистической характеристики вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления является способ его совершения. Способ совершения конкретного преступления обуславливает ход и результаты расследования, уровень организации взаимодействия на предварительном этапе расследования, алгоритм следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий.

В диспозиции ст. 150 УК РФ в п.1 указаны следующие способы с помощью которых лицо может вовлечь несовершеннолетнего в совершение преступления. К ним относят: обещания, обман, угрозы, иной способ. Рассмотрим подробнее указанные способы.

1. Одним из способов является вовлечение несовершеннолетнего в преступную деятельность путем обещания: вовлекаемому лицу предлагается совершить преступление, под предлогом «обещанной» помощи. Для успешного совершения такого преступления, лицу предлагается, что имущество которое полученное в результате преступной деятельности, будет в впоследствии находиться в совместном пользовании; обещание так же мо-

жет заключаться в предоставлении вовлекаемому лицу высокого места в преступной группе и другое.

Приведем пример из судебной практики: в июле 2015 г., в ночное время Б. Н. О., являясь лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, достоверно зная, что его знакомый М. Д. М. является несовершеннолетним, неоднократно предложил ему совершить совместно с ним тайное хищение чужого имущества из дома, принадлежащего Г., обещая при этом, что в результате совершения преступления он может оставить себе любое похищенное имущество, тем самым, путем обещаний, совершил действия непосредственно направленные на возникновение у М. Д. М. желания совершить тяжкое преступление и вовлечь в его совершение. Осуществляя свой преступный умысел, Б. Н. О., умышленно, путем обещаний уговорил М. Д. М. совершить преступление, тем самым своими действиями вовлек несовершеннолетнего М. Д. М. в совершение преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ. После достигнутой договоренности, в один из дней около 02 ч. Б. Н. О. и М. Д. М. в целях реализации ранее возникшего преступного умысла, направленного на тайное хищение имущества Г. по предварительному сговору между собой, с корыстной целью пришли к дому, где при помощи заранее приготовленных Б. Н. О. пассатижей, М. Д. М. навесной замок на входной двери, после чего незаконно проникли в указанный дом, откуда, были похищены вещи принадлежащие Г., причинив материальный ущерб на общую сумму 3 900 рублей. С похищенным имуществом Б. Н. О. и М. Д. М. с места совершения преступления скрылись, распорядившись им по своему усмотрению [1].

2. Вовлечение также может осуществляться путем обмана вовлекаемого: данный способ заключается в предоставлении ложной информации, а так же создании латентных представлений о ненаказуемости за совершенное преступление. Суть способа сводится к тому, чтобы ввести в заблуждение вовлеченного лица о том, что он непосредственно сам совершает преступление. Под вовлечением путем обмана необходимо понимать, что несовершеннолетнему при этом сообщаются заведомо ложные сведения о тех обстоятельствах, которые способны вызвать у него желание совершить то или иное преступление. Например это могут быть сведения о нанесенной обиде, которые вызовут у несовершеннолетнего чувство мести к обидчику, в следствии можно склонить к убийству последнего. Таким образом, данный способ является одним из негативных по отношению к несовершеннолетнему лицу, так как оказывает антисоциальное воздействие на психику подростка, а именно приводит к прививанию чувства безнаказанности и игнорированию требований закона и общественной морали.

Так, например, Павинским районным судом Костромской области вынесено решение по следующим обстоятельствам уголовного дела. Так, Л. находясь в своей квартире заведомо зная о несовершеннолетии своего внука П. И. И., из корыстных побуждений с целью хищения чужого имущества, путем обмана и введения в заблуждение относительно законности действий несовершеннолетнего П. И. И., которому было неизвестно о пре-

ступном умысле и намерениях Л., попросила своего внука П. И. И. проникнуть в домовладение, где проживала С. и передать ей банку краски и обои в рулонах, принадлежащие С., введя в заблуждение несовершеннолетнего П. И. И. о покупке данных предметов у Р., фактически обманув и введя в заблуждение относительно законности своих действий П. И. И. [6].

3. Проявление угрозы в отношении вовлекаемого лица, как один из способов вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления: при таком способе вовлекатель предъявляет резкое требование или запугивание несовершеннолетнего лица. Данный способ выступает, как вид психического насилия или физического насилия. Психическое воздействие со стороны взрослого вовлекателя заключается в угрозе. Угрозы преследуют цель – заставить несовершеннолетнего совершить преступление. Угроза может быть выражена как в словесной форме, так и жестами. Как правило, вовлекатели в основном угрожают применением огнестрельного, холодного оружия, или каких-либо предметов, которые могут быть использованы в качестве оружия. Второй разновидностью проявления угрозы является физическое насилие, но здесь стоит отметить, что при рассмотрении такого вида преступления как вовлечение несовершеннолетнего, не стоит понимать в прямом смысле слово насилие, так как причинение тяжкого или менее тяжкого вреда здоровью не является целью вовлечения. В данном случае к такому способу, связанному с применением физического насилия можно отнести побои, нанесение легкого вреда здоровью, истязания. Более тяжкое насилие, как правило, не характерно для вовлечения. Физическое насилие любого вида, заключается в основном, как угроза исключить возможность общения с людьми старшими по возрасту, а также изолировать его от общения со сверстниками. Угроза может выражаться и иными способами. На практике не редки случаи, когда вовлекатель, для достижения своего преступного умысла, может применять эти способы в совокупности. Считается, что именно такое вовлечение для несовершеннолетнего предполагает наибольшую опасность, так как оно увеличивает степень отрицательного воздействия на личность подростка [2].

4. К иным способам вовлечения относится, не только предложение несовершеннолетнему совершить преступление, но и все остальные способы, помимо тех, которые указаны в ч.1 ст.150 УК РФ. Это может быть выражено в разжигании у подростка различных низменных побуждений, таких как зависть, корысть, личная инициатива несовершеннолетнего совершить преступление в виде предложения совершеннолетнему лицу и т.п.

Примером вовлечения иным способом может служить следующий случай: Е., заведомо зная о том, что его знакомый П., не достиг восемнадцатилетнего возраста, имея умысел на вовлечение его в совершение тяжкого преступления, примерно в 12 час.00 мин. 21.11.2014 года, вовлек несовершеннолетнего П. в совершение тяжкого преступления - кражу с незаконным проникновением в жилище, путем личного высказывания П. предложения совершить данное преступление. Согласившись на указанное предложение, несовершеннолетний П. в составе группы лиц с Е. и лицом,

не достигшим возраста наступления уголовной ответственности, примерно в 12 час. 30 мин. 21.11.2014 года незаконно проникли в жилище, расположенное по указанному выше адресу, откуда тайно похитили, принадлежащее Васильевой И.Н. имущество, причинив ей материальный вред на общую сумму 5345 рублей 71 копейка [7].

5. На наш взгляд, помимо способов указанных в диспозиции ст. 150 УК РФ можно отнести так же способ, который заключается в том, что через информационное управление в сетях интернет, можно возбудить у подростка чувство злобы или мести. Такое информационное управление способно привести к изменению не только индивидуального и группового сознания, но и оказать влияние на массы. В данном случае происходит навязывание человеку своей воли, тем самым строится концептуальная необходимая модель поведения. При этом вовлекатель для достижения своей поставленной цели подбирает для совершения преступления именно таких несовершеннолетних, которые отличаются особенностями характера от других подростков. К таким особенностям можно отнести: повышенная внушаемость, агрессивность, неуравновешенность и избыточная возбудимость. Такая категория людей, как показывает социальная практика, действует под воздействием эмоционального состояния. Данный способ на наш взгляд в настоящее время актуален, так как научно-технический прогресс не стоит на месте и практически все имеют мобильные устройства или персональные компьютеры с доступом в глобальную всемирную сеть Интернет, и для людей, особенно для молодежи, сетевая среда иногда кажется даже более адекватной, чем реальный мир, поэтому для несовершеннолетнего это еще один повод оказаться вовлеченным со стороны взрослого подстрекателя в совершение преступления.

Информационное управление – это тип управления вовлекателем, который связан со стремлением сформировать сообщение о реальной ситуации, чтобы, не смотря на его неадекватность, несовершеннолетний вовлекаемый принимал его как само собой разумеющееся и поступал соответствующим образом. На наш взгляд, происходит «перепрограммирование» несовершеннолетнего, для последующего управления им.

Примером данного способа, который в свое время получил широкий общественный резонанс, является история несовершеннолетней студентки МГУ Карауловой Варвары. По словам Варвары, ещё в 2012 году в социальной сети «ВКонтакте» в группе болельщиков ЦСКА она познакомилась с «Владом» (Айратом Саматовым из Казани, уже в процессе переписки с Варварой ставшим членом ИГ), после продолжительной переписки с которым захотела жить по законам ислама и обратилась в эту религию. А уже в июне 2015 года она была задержана в Турции при попытке незаконно перейти границу с Сирией с целью вступления в ряды запрещенной в России террористической организации ИГИЛ. До неё была 17-летняя Мария Погорелова из Петербурга, ставшая Марьян Марьяновой. Приняв ислам и уехав в Сирию, чтобы сражаться в рядах ИГИЛ, и это далеко не последние слу-

чай, такого вовлечения в преступную деятельность посредством социальных сетей Интернет [3].

Перечисленные выше способы составляют основу криминалистической характеристики вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления. При расследовании важно различать вышеуказанные способы, средства и условия вовлечения. Способ вовлечения представляет собой особую технологию причинно-следственных изменений в психике несовершеннолетнего, в результате чего у него возникает непреодолимое желание совершить преступление, или же несовершеннолетний приобретает необходимую решимость для его совершения. Средство вовлечения представляет собой, при помощи чего (или посредством чего) вышеуказанная технология (действие или система действий) порождает изменения в психике несовершеннолетнего. Иными словами, средство вовлечения – это инструмент предназначенный для реализации определенного способа, а так же оказания целенаправленного влияния на несовершеннолетнего. Говоря об условиях вовлечения можно сказать, что это совокупность факторов, оказывающих влияние на эффективность применения того или иного способа вовлечения. Сами условия могут, как увеличивать, так и уменьшать эффективность воздействия на несовершеннолетнего в процессе его вовлечения в совершение преступления. К их числу можно отнести авторитет взрослого, степень внушаемости несовершеннолетнего, недостаток жизненного опыта, ложно понимаемое чувство товарищества, употребление спиртных напитков и наркотиков, конкретные неблагоприятные жизненные ситуации несовершеннолетних и т.д. [4].

В способ совершения рассматриваемого нами вида преступления, включается так же и способ его сокрытия, так как все действия, связанные с вовлечением несовершеннолетнего в совершение преступных действий, охвачены единым умыслом преступника. Мы согласны с классификацией заслуженного ученого Белкина Р.С., в которой он приводит основные способы сокрытия вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления:

Не предоставление информации, и ее носителей, выражаемое в: – сокрытии виновным сведений о себе (11,3% случаев) либо утаивание обо всех эпизодах преступной деятельности (47,8%) и об имеющихся вещественных доказательствах (6,4%), а так же об известных следователю местах совершения преступления (9,2%); не сообщение лицам информации, участвующих в совершении преступления вместе с несовершеннолетним, относительно противоправности действий (10,7%); в уклонении от явки по вызову либо от уголовной ответственности (14,6%).

2 . Уничтожение информации и ее носителей: данных о личности вовлекаемого несовершеннолетнего, хранящихся в записных книжках, письмах, документах, удостоверяющих личность и т.п. (51,3% случаев); вещественных доказательств подготовки и совершения преступления (7,1%); следов преступления (32,4%); средств психического и физического воздействия на несовершеннолетнего (9,2% случаев).

3. Маскировка информации и ее носителей: приспособление места совершения преступления под досуговые или развлекательные клубы и фирмы (6,4% случаев); изменение внешнего вида преступников и несовершеннолетних (76,3%); маскировка самой деятельности преступника (17,3% случаев).

4. Фальсификация информации и ее носителей: приобретение либо изготовление подложных паспортов, удостоверений личности (6,1% случаев); подготовка ложного алиби (52,6%); дача заведомо ложных показаний (41,3% случаев) [1].

Анализируя вышесказанное о способах вовлечения и сокрытия данного вида преступления, мы согласны с мнениями российских криминалистов о том, что одним из самых важных элементов криминалистической характеристики преступлений, и нередко – ее центральным элементом является способ совершения преступления. В способе содержится наибольший объем криминалистически значимой информации, позволяющей быстрее и правильнее сориентироваться в сути произошедшего в целом и его отдельных обстоятельствах, круге лиц, среди которых следует искать преступника, и т.д., а также наметить оптимальные пути и методы раскрытия преступления. Зная способ совершения преступления, можно создавать теоретические модели поведения людей в различных ситуациях подготовки, совершения и сокрытия преступлений, ориентируясь на которые в практической деятельности, можно целенаправленно, с наименьшими затратами сил, средств, времени выдвигать версии о лицах, совершивших преступление, применяемых способах и путях решения многих криминалистических задач по расследованию преступлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверьянова Т. В. Российская криминалистика. Учебник для вузов. Под ред. заслуженного деятеля науки Российской Федерации, профессора Р. С. Белкина / Т. В. Аверьянова, Р. С. Белкин, Ю. Г. Корухов – М. : , 2000. – С.990.

2. Васильев А. Н. Предмет, система и теоретические основы криминалистики / А. Н. Васильев, Н. П. Яблоков – М. : , 1984. – С. 143.

3. Сашенков С. А. Криминогенное влияние социальных сетей на несовершеннолетних / С. А. Сашенков / Вестник Воронежского института МВД России. – 2015 – №3 – С. 215 – 219.

4. Сокол В. Ю. Расследование вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений\ В. Ю. Сокол, Е.В. Сокол. – К. : КрУ МВД России, 2009. – С.38.

5. Решение приговора Рыбинского районного суда Красноярского края по уголовному делу 1-249/2015 // – URL : <http://rospravosudie.com> (дата обращения: 01.02.2018).

6. Решение приговора Павинского районного суда Костромской области по уголовному делу 1-22/2013 // – URL : <http://rospravosudie.com> (дата обращения: 01.02.2018).

7. Решение приговора Матвеево – Курганского районного суда Ростовской области по уголовному делу 1-71/2015 // – URL : <http://rospravosudie.com> (дата обращения: 01.02.2018)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Набатова Екатерина Андреевна. Слушатель Ю13С3 взвода юридического факультета, младший лейтенант полиции.

Воронежский институт МВД России.

E-mail: Nabatovae95@mail.ru

Россия, 394006, г. Воронеж, проспект Патриотов, 53.

Тел. (473) 200-53-12.

Пырьева Елена Ивановна. Доцент кафедры криминалистики. Кандидат юридических наук, доцент.

Воронежский институт МВД России.

E-mail: elena.pyreva@yandex.ru

Россия, 394065, Воронеж, проспект Патриотов, 53.

Тел. (473) 200-53-12.

Nabatova Ekaterina Andreevna. YU13S3 listener training platoon, junior lieutenant.

Voronezh Institute the Ministry of the Interior of Russian.

Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriots, 53.

Tel. (473) 200-53-12.

Pyreva Helena Ivanovna. Associate Professor, of the chair of Crimin. Candidate of Law Sciences, Associate Professor.

Voronezh Institute the Ministry of the Interior of Russian.

Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriots, 53.

Tel. (473) 200-53-12.

Ключевые слова: следователь, сокрытие вовлечения несовершеннолетних в совершение преступления, способы вовлечения несовершеннолетних в совершение преступления.

Keywords: investigator, concealment of the involvement of minors in the commission of a crime, ways of involving minors in the commission of a crime.

УДК 343.9

**РЕСОЦИАЛИЗАЦИЯ ПОДРОСТКОВ, ПОДВЕРГШИХСЯ
ДЕСТРУКТИВНОМУ ПСИХОЛОГИЧЕСКОМУ ВОЗДЕЙСТВИЮ
СТОРОННИКОВ РЕЛИГИОЗНО-ЭКСТРЕМИСТСКОЙ,
ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ И АНТИСОЦИАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ**

**RE-SOCIALIZATION OF ADOLESCENTS EXPOSED TO THE
DESTRUCTIVE PSYCHOLOGICAL EFFECTS OF THE SUPPORTERS
OF RELIGIOUS EXTREMIST, TERRORIST AND ANTISOCIAL
IDEOLOGY**

Статья посвящена проблемам деструктивного психологического воздействия сторонников религиозно-экстремистской, террористической и антисоциальной идеологии, оказываемого на несовершеннолетних и мерам по ресоциализации лиц, попавших под такое воздействие

The article is devoted to the destructive psychological impact of the supporters of religious extremist, terrorist and anti-social ideologies exerted on minors and the measures for reintegration of persons affected by such impacts

При современном темпе жизни, экономическом кризисе и росте социальной напряженности в обществе многие люди могут ощущать потерю своих нравственных ценностей и своего места в жизни. В поисках своего предназначения они попадают в руки вербовщиков, вовлекающих в совершение антиобщественных действий. В настоящее время наиболее распространенным является вовлечение в различные псевдорелигиозные организации с навязыванием агрессивной идеологии. В последствие, данные лица могут принимать участие в совершении террористических актов, заниматься экстремистской деятельностью. По данным социологических и криминологических исследований около 2,5 млн. российских граждан состоят в 5000 различных организаций культовой направленности. Известно, что только экстремистская организация Свидетели Иеговы, в 2017 году запрещенная в России, насчитывает около 170 тыс. взрослых членов и, соответственно, десятки тысяч детей и подростков. А к экстремистской организации ИГИЛ присоединилось приблизительно 3,5 тыс. россиян [1].

К сожалению, не меньшую опасность представляют и нерелигиозные идеологии, самыми опасными представителями которых на сегодняшний день являются профашистские (Партия Свободы), суицидальные («Синий кит») и «воровские» (субкультура АУЕ) организации. Функционируют также организации, участие в которых способно причинить значительный ущерб здоровью, практикующие, например, употребление наркопрепара-

тов, либо отрицание смертельно опасных болезней (СПИДа), отказ от нормального питания (радикальные веганы).

Одной из основных установок религиозно-экстремистской идеологии является идея превосходства одной социальной группы над другими, что все остальные группы враждебны. Одновременно формируется убеждение, что только насилие поможет решить конфликты и восстановить справедливость.

Наиболее опасным, с точки зрения вовлечения в деструктивные идеологии, является несовершеннолетний возраст. В этот период молодой человек сталкивается с проблемой наложения психологических и социальных факторов. С точки зрения психологии подростковый возраст характеризуется осознанием собственного «Я», обострением чувства справедливости, поиском смысла жизни. Именно в этот момент подросток стремится найти социальную группу, подходящую ему по мироощущению. В это время психика его неустойчива, легко подвержена внушению, манипулированию. При этом в социальном плане роль молодого человека тоже не определена и будущее сложно предвидеть.

При вовлечении несовершеннолетних в любую из этих организаций используют достаточно схожие методы деструктивного воздействия, а способы вовлечения в значительной мере одинаковы.

Деструктивное психологическое воздействие – это манипулирование сознанием личности, использование различных техник манипуляции для удержания и осуществления тотального контроля над мыслями, чувствами и поведением приверженцев с целью удовлетворения интересов группы [2]. Такое воздействие приводит к внутреннему разладу личностной целостности, изменению мировоззрения и негативному восприятию окружающей среды.

В своей миссионерской работе участники многих антисоциальных, экстремистских и террористических организаций делают ставки на подрастающее поколение.

«Легкой добычей» для вербовщика становятся подростки, которые наиболее подвержены деструктивному психологическому воздействию, т.е. те, у которых нарушен процесс социализации. У этой категории лиц существенно ограничен кругозор, нарушены процессы установления межличностных контактов и разрешения конфликтов. Развитию негативного отношения к людям другой культуры или другой социальной группы способствует отсутствие жизненного опыта и неумение вести себя в сложных ситуациях.

В целях профилактики вовлечения несовершеннолетних в антисоциальные организации необходимо создание в образовательных организациях системы комплексного психологического воздействия на подростков, направленной на формирование адекватного восприятия себя и мира, гиб-

кой самооценки, уверенности в своем будущем и умении социализироваться в новых группах.

В случае выявления подростков, подвергшихся деструктивному психологическому воздействию, с ними необходимо осуществлять работу по ресоциализации для их восстановления в социуме. Цель ресоциализации – создание новой системы ценностных ориентаций, новой мотивационной основы, развитие желания общаться с новой социальной группой.

Система ресоциализации должна включать в себя:

1. Выявление подростков, подвергшихся деструктивному воздействию.

Выявить такого подростка можно только наблюдая за его поведением, за его контактами. В группу риска могут входить несовершеннолетние, члены семей которых либо были либо являются членами антисоциальных групп. При выработке механизма выявления проблемных подростков необходимо учитывать региональную специфику и разработать такую нормативно-правовую базу, которая учитывала специфику регионов России.

2. Создание центров по ресоциализации подростков, подвергшихся деструктивному воздействию и проведению с ними реабилитационных мероприятий.

Действенным механизмом профилактической работы может быть создание «телефонов доверия» на базе этих центров для подростков и их родителей, по которым они могут сообщить о случаях проявления экстремизма, иных антиобщественных действий, вербовочной деятельности, попыток вовлечения в деятельность религиозных организаций.

3. Выделение совокупности мер по исправлению личностных деформаций вследствие деструктивного воздействия на психику подростка.

Данные меры должны быть направлены на социальное, психоневрологическое, педагогическое и физическое оздоровление ребенка и его адаптацию в микросреде.

Все мероприятия, направленные на исправление деформации личности несовершеннолетнего в следствие деструктивного психологического воздействия должны осуществляться в комплексе. Для реализации этой задачи возникает необходимость выработки программы ресоциализации несовершеннолетних.

Такая программа должна включать в себя три составных элемента: знания, ценностные ориентации и коррекция поведения.

Первый элемент позволит несовершеннолетним расширить свой кругозор, получить информацию о различных сферах жизнедеятельности человека и функционирования общества.

Второй элемент расскажет о системе общечеловеческих ценностей, что позволит несовершеннолетнему сформировать навыки межкультурной коммуникации. Одновременно с этим ресоциализируемый должен проана-

лизировать свою собственную нравственно-нормативную сферу, жизненную мотивацию, что позволит развить у него навыки самоанализа и самоконтроля.

Третий элемент будет заключаться в моделировании жизненных ситуаций, что позволит подростку получить навыки общения с другими людьми и социальными группами, а также научит способам разрешения конфликтов, поможет включиться в процесс жизнедеятельности и сгладить негативные последствия от общения с антисоциальными, экстремистскими или террористическими группами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пронин И. П. Психологические аспекты влияния деструктивных культов на личность / И. П. Пронин // [http : // www.vash-psiholog.info / voprospsih/ 218/18167](http://www.vash-psiholog.info/voprospsih/218/18167) (дата обращения 29 января 2018 г.).

2. Волков Е. Н. Преступный вызов практической психологии : феномен деструктивных культов и контроля сознания / Е. Н. Волков // Журнал практического психолога. – 1996. – №2. – С. 88.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Новикова Елена Павловна. Доцент кафедры уголовного права и криминологии.

Воронежский институт МВД России.

E-mail: epasyaeva@mail.ru

Россия, 394065, Воронеж, проспект Патриотов, 53.

Тел. (4732) 200-53-32.

Novikova Elena Pavlovna. Associate Professor of the chair of Criminal Law and Criminology. Candidate of Law, Associate Professor.

Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

E-mail: epasyaeva@mail.ru

Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53. Tel. (473) 200-53-32.

Ключевые слова: несовершеннолетний, деструктивное воздействие, профилактика, ресоциализация

Key words: juvenile, destructive impact, prevention, resocialization

УДК 343.97

**А. В. Польшиков;
Ю. В. Серов**

**О НЕОБХОДИМОСТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СИСТЕМЫ
ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ КОРЫСТНЫХ И КОРЫСТНО-
НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
СОВЕРШАЕМЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ**

**ABOUT THE NEED TO IMPROVE WARNING
SYSTEM SELFISH AND MERCENARILY-VIOLENT
CRIMES, JUVENILE**

Статья посвящена анализу основных направлений совершенствования системы предупреждения корыстной и корыстно-насильственной преступности среди несовершеннолетних на современном этапе. В работе представлено авторское видение решения проблемных вопросов повышения роли организационно-управленческих и технических мер предупреждения рассматриваемой преступности, обосновывается необходимость создания действенной модели нравственно-правового, духовного и патристического воспитания молодежи.

The article analyzes the basic directions of perfection of system of the prevention of selfish and selfish and violent juvenile crime at the present stage. The article presents the author's vision of problems and solutions enhance the role of organizational and technical measures to prevent the reporting of crime, the necessity of creation of effective model of moral, legal, spiritual and Patriotic education of youth.

В целях совершенствования государственной политики в сфере охраны и защиты института семьи и детства, учитывая результаты, достигнутые в ходе реализации Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы, 2018–2027 годы объявлены в России Десятилетием детства (29 мая 2017 года подписан Указ Президента Российской Федерации № 240). В данной документе подчеркивается, что преступность среди несовершеннолетних рассматривается как реальная угроза безопасности нашей страны и ее позитивному развитию [1].

К сожалению, в современной России до сих пор не решены ключевые источники детерминации преступного поведения – недоступность для многих подростков различных форм досуга и активных форм познавательной деятельности граничит с нежеланием последний при наличии реальной возможности занимается чем-то позитивным (спортом, музыкой, образованием туризмом, творчеством, изучением культуры и истории), продолжается перевознесение культа насилия и денег на СМИ (главным образом, телевидении и в

сети «Интернет»), по-прежнему наблюдаем межнациональные конфликты среди подростков, безнаказанность среди несовершеннолетних, совершающих систематически совместно со взрослыми аморальные и общественно опасные деяния. Перечисленные факторы влияют, прежде всего, на совершение лицами в возрасте до 18 лет корыстных и корыстно-насильственных преступлений [2].

В настоящее время рассматриваемая разновидность преступности несовершеннолетних становится все более опасной с позиции возможных негативных социальных последствий для общества и государства, ей свойственна неоправданная жестокость и самовоспроизводство [3]. У подростков, совершающих такие преступления, намного скорее, чем у законопослушных сверстников формируются устойчивые девиантные установки и взгляды, нигилизм в широком смысле слова. Следует признать, что в большей степени это проявляется при совершении краж, грабежей, разбоев и вымогательств (в период с 2000 до 2017 г. это 80–90% случаев среди всех зарегистрированных преступлений ГИАЦ МВД России) [4].

В Российской Федерации с 2006 г. отмечается снижение преступности несовершеннолетних, что объясняется демографической причиной (снижением удельного веса молодежи в общей структуре населения страны) и улучшением показателей качества (эффективности) работы субъектов системы профилактики преступности среди несовершеннолетних. Однако, насилие, как способ совершения преступлений корыстной направленности, наоборот, все чаще используется несовершеннолетними преступниками. При этом в отечественной криминологической науке преступное насилие всегда расценивалось как одно из самых опасных антиобщественных явлений. «Насилие разлагает нравственные устои общества, разрушает личность и повседневное общение людей ...достаточно часто преступное насилие и корыстная преступность оказываются неразрывно связаны между собой», – неоднократно подчеркивали специалисты Главного управления организации охраны общественного порядка МВД России, занимающихся решением проблем организации профилактики преступности среди несовершеннолетних территориальными подразделениями ОВД (участковых уполномоченных полиции и сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних) [5].

Учитывая высокую общественную опасность и распространенность указанных противоправных деяний, а также наличие негативных тенденций распространения и влияния идеологии криминальной субкультуры среди несовершеннолетних, посткризисных негативных последствий в социально-экономической сфере, наличие масштабного внешнеполитического противодействия нравственно-духовному и культурному возрождению российской молодежи, перед российской криминологической наукой ставится задача по повышению эффективности мер борьбы с корыстной и корыстно-насильственной преступностью несовершеннолетних.

Проведенное исследование позволило сформулировать ряд основных выводов и предложений по совершенствованию системы предупреждения корыстной и корыстно-насильственной преступности несовершеннолетних:

1. Несовершеннолетние, которые совершают корыстные и корыстно-насильственные преступления обладают общими и одновременно характерными только им особенностями, отличающими их от подростков, совершающих иные виды преступлений (как правило, такой подросток самоутверждается, завоевывает и повышает авторитет у сверстников посредством применения жестокости, насилия, публично демонстрирует присвоенное в результате совершенного преступления чужое имущество). *В ходе проведенного нами изучения материалов 367 уголовных дел (по преступлениям, предусмотренным ст. 158 «Кража», ст. 161 «Грабеж», ст. 162 «Разбой», ст. 163 «Вымогательство» УК РФ) было установлено, что более 50% подростков в качестве мотива совершения преступления назвали «повышение своего авторитета среди сверстников и у взрослых».*

2. В механизме совершения преступления несовершеннолетним преобладают потребности и эмоции, влияние которых на сознание зависит от их интенсивности, содержания и длительности. Состояние гнева, ярости или возмущения, недовольства социальным статусом и уровнем жизни при совершении корыстных и корыстно-насильственных преступлений свидетельствует о «слабой социализации» подростка к окружающей среде и проблемах семейного, нравственно-правового и духовного воспитания [6].

3. Рассматриваемые преступления обусловлены комплексом причин:

а) социально-экономические: расслоение общества и неравенство (по некоторым оценкам, соотношение доходов богатых и бедных в России составляет 10:1), материальная нужда (по опросам сотрудников ПДН ОВД, в более 50% случаев подростки совершили кражи, грабежи, разбои и вымогательства по этой причине), состояние мирового экономического кризиса и санкционная политика, приводящие в комплексе к безработице среди молодежи (за последние шесть лет уровень безработицы существенно снизился с 16,0% в 2002 г. до 5,1% в 2017 г., но продолжает оставаться «опасным» с экономической точки зрения), социальный паразитизм, распространенность в обществе негативных маргинальных явлений (более 50% корыстных и корыстно-насильственных преступлений подростками совершают под воздействием наркотиков, алкогольных напитков, токсических и одурманивающих веществ, сильнодействующих препаратов), кризисное состояние института семьи, низкий уровень организации досуга молодежи (в том числе нежелание самих детей и их родителей заниматься позитивным видом досуговой деятельности – спортом, творчеством, туризмом, посещать культурные и массовые мероприятия *(на этот факт указало 74,2% опрошенных социальных педагогов и психологов школ Воронежской области; всего – 46 человек)*);

б) нравственно-психологические: низкий уровень нравственно-

правового и этического воспитания молодого поколения, правовой нигилизм, изменение ценностно-ориентационных установок молодежи, «овеществление» общественных отношений и семейных ценностей, преобладание материальных ценностей над духовными, отсутствие единой целенаправленной пропаганды правопослушного поведения и важности правомерного приобретения имущества. В этой связи одним из ключевых направлений реализации Указ Президента РФ № 240 (2018–2027 годы объявлены в России Десятилетием детства) необходимо обозначить разработку и внедрение на практике современной организационно-правовой модели духовного, правового, культурного и нравственного воспитания детей-граждан России, традиционного семейного воспитания с учетом региональных особенностей различных субъектов Российской Федерации.

4. Качество предупреждения корыстных и корыстно-насильственных преступлений, совершаемых подростками, может быть эффективным только при осуществлении комплекса мер социально-экономического, нравственно-правового и иного характера. Важное значение имеет социальная защита, которая представляет собой деятельность по адресной социальной и экономической поддержке, оказанию материальной, медицинской и психологической помощи, созданию наиболее благоприятных условий развития для каждого растущего человека, способствованию социальному становлению его личности. Положительных результатов в предупреждении краж, грабежей, разбоев и вымогательств среди несовершеннолетних можно достичь созданием Ювенальных центров на базе Юридических клиник при образовательных организациях высшего образования юридического или педагогического профиля по опыту работы Воронежского института МВД России (в период с 2000 по 2017 г.), деятельность которых направлена на: повышение качества подготовки специалистов по работе с семьей и несовершеннолетними с учетом специфики конкретного региона; организацию и проведение на регулярной основе нравственно-правовых лекториев, деловых игр и тренингов с детьми, оставшимися без попечения родителей, и несовершеннолетними, имеющими отклонения в поведении («трудными подростками»), а также учащимися различных образовательных организаций с целью ранней профилактики совершения аморальных и противоправных деяний; создание на региональном уровне специализированных правозащитных спортивно-оздоровительных детских лагерей (по примеру деятельности детского лагеря «Ювеналист» Воронежского института МВД России в период с 2000 по 2014 г.), выступающих в качестве действенной модели современной практико-ориентированной образовательной площадки для подготовки специалистов системы профилактики по работе с несовершеннолетними – сотрудников ПДН ОВД, социальных психологов и педагогов [7, 8].

5. Общесоциальными мерами предупреждения корыстных и корыстно-насильственных преступлений, совершаемых подростками, являются

профилактические мероприятия социально-экономического, политического, воспитательного, правового и организационного характера. В первую очередь необходимо разработать комплекс мероприятий, направленных на преодоление правового нигилизма, которые бы включали в себя: воспитание уважительного отношения к административному и уголовному законодательству Российской Федерации, регламентирующему различные сферы государственной и общественной жизни; формирование доверия у населения к проводимым государством реформам (в том числе молодежи); информирование граждан о состоянии законодательства об ответственности и последствий за совершение несовершеннолетними разных возрастных групп преступлений, предусмотренных Особенной частью УК РФ; широкое освещение материалов о привлеченных к ответственности за совершение корыстных и корыстно-насильственных преступлений несовершеннолетних и мерах ответственности, которые были к ним применены; освещение мер, разрабатываемых государством, направленных на предупреждение рассматриваемых преступлений; предоставление информации о способах легальной защиты своих прав, в том числе имущественных; демонстрация МВД России и другими субъектами профилактики положительных результатов предупреждения преступлений, широкое освещение в средствах массовой информации и сети «Интернет» данных о количестве раскрытых преступлений [9].

6. Наряду с этим необходима системная государственная пропаганда среди молодежи идеологии приоритета духовных ценностей над материальными. Большое предупредительное значение имеет формирование адекватной, соответствующей коренным и долгосрочным интересам общества, оценки в массовом сознании корысти, корыстной мотивации действий людей [11]. Для этих целей необходимо уходить от повсеместной коммерциализации телевидения, а именно внести изменения в Законе от 27 декабря 1991 года № 2124-1 (ред. от 03.07.2016 г.) «О средствах массовой информации» в части обязанности телеканалов (всех без исключения) по требованию государственных и муниципальных органов предоставлять определенное и достаточное время для социальной рекламы и тематических телепередач, проведения «правового ликбеза» для подростков и их родителей, учителей и остальных лиц в доступное и популярное время.

7. В сфере специального криминологического предупреждения ведущая роль отводится территориальным подразделениям полиции [11]. Для повышения эффективности данного направления:

а) ОВД совместно с органами государственной власти и местного самоуправления необходимо разрешить проблемные вопросы установки в наиболее криминогенных местах городов и населенных пунктов (улицах, площадях, парках, скверах) скрытых и открытых систем видеонаблюдения. С этим согласилось большинство опрошенных сотрудников ОВД – 78,6% (112 сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних и 156

участковых уполномоченных полиции из 37 субъектов Российской Федерации, проходивших переподготовку и повышение квалификации в Воронежском институте МВД России в период с 2014 по 2017 гг.). Так, в частности, для реализации пилотного проекта «Система безопасный город» в г. Воронеже с начала 2012 г. было установлено более 450 стационарных камер видеонаблюдения; стоимость одной видеокамеры – более 1 млн рублей). Игнорирование данной меры, в том числе по причине отсутствия необходимо финансирования, может негативным образом отразиться на криминогенной обстановке. Ярким примером возможных негативных последствий может служить убийство студентки 2 курса Воронежской института экономики и права 19-летней Екатерины Череповецкой в парке «Динамо», где был похищен ее мобильный телефон и золотые украшения; только после резонансного убийства девушки было принято принципиальное решение на финансирование установки видеокамер наблюдения в парке и запрете его посещения ночью на автомобилях, а также организации дополнительной охраны лесопарковой зоны отдыха мобильными патрулями частных структур (хотя изначально планировалось профинансировать только оборудование детских игровых площадок, различных строений для спорта и семейного отдыха; вопросам обеспечения безопасности в проекте парка не было уделено должного внимания).

б) ОВД совместно с общеобразовательными школами (дети в возрасте от 7 до 16 лет) и образовательными организациями высшего образования (студентами 1 курсов являются несовершеннолетние 16-17 лет) следует активизировать работу по «переключению» внимания подростка с целью формирования у него социально-позитивной ценностно-ориентационной сферы: *во-первых*, это включение ребенка с раннего возраста по месту учета в работу спортивных секций, военно-патриотических клубов и кружков (они наиболее интересны и результативны с точки зрения целей и задач ранней профилактики преступности); *во-вторых*, активное привлечение несовершеннолетних для охраны правопорядка в различных общественных местах с включением их в работу официальных молодежных объединений правоохранительной направленности (по примеру многолетней успешной деятельности спортивно-патриотического клуба «О.С.А.» (Опережая-Стремительную-Атаку) школы № 83 г. Воронежа и студенческого отряда «Фемида» Воронежского государственного университета)) [12].

ЛИТЕРАТУРА

1. Российская газета. — 2017. — 30 мая.
2. Антонян Ю. М. Личность несовершеннолетнего преступника // Вестник ВИПК МВД России. — 2015. — № 2 (26). — С. 8.

3. Кравцов И. А., Колесников Р. В. Криминологическая характеристика несовершеннолетних, совершающих хищения // Вестник Воронежского института МВД России. — 2016. — № 3. — С. 111 — 115.
4. Состояние преступности за январь-декабрь 2017 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства внутренних дел России. — URL: <https://мвд.рф/folder/101762> (дата обращения: 22.01.2018).
5. Рогова Е. В. Меры уголовно-правового характера, применяемые к несовершеннолетним : учеб. пособие. — Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России, 2017. — 104 с.
6. Насилие в школе: состояние, причины, предупреждение (по материалам Воронежской области): учеб. пособие / Е. В. Грибанов, Р. Б. Иванченко, Ю. А. Кравцова, А. В. Польшиков, В. С. Соловьев. — Воронеж : Воронежский институт МВД России, 2014. — 88 с.
7. Спичкин М. Ю., Лелеков В. А. Особенности общесоциальных мер предупреждения разбойных нападений и грабежей, совершаемых несовершеннолетними // Вестник Воронежского института МВД России. — 2012. — № 3. — С. 25 — 28.
8. Буслов М. М. Предупреждение краж и грабежей, совершаемых молодежью : метод. рекомендации. — Воронеж : Воронежский институт МВД России, 2013. — 122 с.
9. Помогалова Ю. В., Демидова О. В. Профилактика правонарушений несовершеннолетних (административно-правовой, уголовно-правовой, уголовно-исполнительный аспекты) : учеб. пособие. — Воронеж : Воронежский институт ФСИН России, 2015. — 56 с.
10. Демидова О. В. Проблемы предупреждения преступности условно осужденных несовершеннолетних (по материалам Центрально-Черноземного региона России): научно-практ. пособие. — Воронеж : Воронежский институт МВД России, 2014. — 121 с.
11. Ювенальное право : учеб. пособие — Воронеж : Воронежский институт МВД России, 2003. — 214 с.
12. Соловьев В. С., Тюрина И. Н. О проблемах эффективности принудительных мер воспитательного воздействия, связанных с особенностями личности несовершеннолетнего преступника // Законодательство. — 2015. — № 10. — С. 69 — 75.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

Польшиков Александр Васильевич. Доцент кафедры уголовного права и криминологии. Кандидат юридических наук, доцент. Воронежский институт МВД России.

E-mail: polschikow@mail.ru

Россия, 394065, Воронеж, проспект Патриотов, 53.

Тел. (473) 200-53-30.

Серов Юрий Васильевич. Доцент кафедры уголовного права и криминологии. Кандидат педагогических наук, доцент. Воронежский институт МВД России.

E-mail: polschikow@mail.ru

Россия, 394065, Воронеж, проспект Патриотов, 53.

Тел. (473) 200-53-30.

Polshikov Alexander Vasilievich. Associate Professor of the chair of criminal Law and Criminology.

Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

E-mail: polschikow@mail.ru

Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53.

Tel. (473) 200-53-30.

Serov Yriy Vasilievich. Associate Professor of the chair of criminal Law and Criminology. Candidate of pedagogical Sciences, associate Professor.

Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

E-mail: polschikow@mail.ru

Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53.

Tel. (473) 200-53-30.

Ключевые слова: несовершеннолетние, подростки, корыстная преступность, насилие, профилактика, предупреждение, полиция.

Keywords: minors, Teens, acquisitive crime, violence, prevention, warning, police said.

УДК 343.946

**ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ
МЕР ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ОТНОШЕНИИ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ**

**PROBLEMS OF EFFICIENCY OF COMPULSORY
EDUCATIONAL MEASURES AGAINST JUVENILE**

Статья посвящена анализу основных проблем эффективности применения принудительных мер воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних на современном этапе. В работе представлено авторское видение решения проблемных вопросов с учетом полученных исследовательских данных изучения мнения ученых-правоведов и респондентов из числа практических сотрудников, материалов судебно-следственной практики и официальной уголовной статистики.

The article analyzes the main problems of the effectiveness of compulsory measures of educational influence against minors at the present stage. The paper presents the author's vision of solving problematic issues, taking into account the obtained research data on the views of legal scholars and respondents from among practitioners, materials of judicial practice and official criminal statistics.

Российскими учеными-правоведами не прекращаются комплексные исследования положений уголовного законодательства, направленные на оптимизацию практики его применения. Это происходит на фоне изменения отдельных качественных и количественных показателей преступности несовершеннолетних, что несомненно влияет на общую криминогенную обстановку в стране. В связи с этим перед научным сообществом ставится задача разработки основных направлений уголовной политики, которая будет эффективной в условиях осложнившейся криминогенной обстановки. К сожалению, несмотря на все предпринимаемые усилия, значительных успехов в этом направлении добиться так и не удалось [1].

Проведенный анализ материалов судебно-следственной практики, уголовно-правовой статистики по преступлениям несовершеннолетних за период с 1997 по 2017 гг. показывает наличие определенного противоречия — на фоне снижения общего числа зарегистрированных преступлений, начиная с 2006 г., наблюдается тенденция возрастания общественной опасности отдельных преступлений среди несовершеннолетних, возрастает степень организованности деятельности преступных групп с участием подростков, наблюдается рост количества зарегистрированных тяжких и особо тяжких преступлений против жизни и здоровья, общественного порядка и безопасности, количества совершаемых повторных преступлений в

некоторых регионах Российской Федерации, в том числе рост числа проявлений ксенофобии и других экстремистских мотивов. В этой связи, предотвращение повторного совершения подростками преступлений – ключевого направления профилактики, – невозможно представить без гармоничного сочетания на практике системы уголовных наказаний и, в большей степени, принудительного мер воспитательного характера.

По нашему мнению, на современном этапе задача оптимизации уголовно-правового регулирования и повышения общей эффективности применения принудительных мер воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних является первостепенной для государства.

Следует отметить, что на сегодняшний день уголовная политика Российской Федерации строится на смягчении наказаний за совершенные подростками преступления. Это выразилась во включении в действующий УК РФ 1996 г. специализированного Раздела V «Уголовная ответственность несовершеннолетних» и включением в него норм Главы 14 «Особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних».

Детально изучая положения данной главы, можно обнаружить в ней определенные противоречия, которые до сих пор, с момента вступления в законную силу УК РФ 1 января 1997 г., не разрешены. В частности, ст. 88 «Виды наказаний, назначаемых несовершеннолетним» устанавливает исчерпывающий перечень уголовных наказаний, применяемых к несовершеннолетним (всего шесть из тринадцати). Если сравнить ее с аналогичной ст. 44 «Виды наказаний», то становится очевидным, что законодатель исключил некоторые наказания, которые могут быть применены к несовершеннолетним. Однако исключив такой вид наказаний, как лишение прав занимать определенные должности, законодатель оставил часть этого наказания — лишение заниматься определенной деятельностью.

Пожизненное лишение свободы и смертная казнь исключены по соображениям гуманности, что не вызывает вопросов. И наоборот, невключение принудительных работ в перечень ст. 88 не является таким же очевидным и логичным шагом отечественного законодателя (напомним, что такое наказание применяется как альтернатива к лишению свободы, если суд придет к выводу о возможности исправления осужденного без реального лишения свободы с соблюдением трудового законодательства).

Подтверждается тезис многих ученых-правоведов и криминологов о том, что «...законодательная база в Российской Федерации находится в стадии становления и интенсивного отраслевого развития, а механизм исполнения отдельных норм и положений, указанных в Уголовном законе страны, не до конца сформирован или вовсе отсутствует» [2]. Не исключением стал механизм исполнения принудительных мер воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних, который регулируется ст.ст. 90–93 УК РФ [3].

С появлением в УК РФ реальной альтернативы уголовному наказанию в виде применения принудительных мер воспитательного воздействия для

несовершеннолетних, суды стали активно использовать эту возможность. По сравнению с 2000 г., в 2017 г. по количеству назначенных мер на 74,6%.

К сожалению, как показал опрос респондентов из числа сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел (далее – ПДН ОВД), проходивших обучение и повышение квалификации в Воронежском институте МВД России с 2015 по 2017 гг. (всего 127 человек), должный контроль исполнения этих мер «фактически не существует». На этот факт указало 84,7% респондентов.

Проведенное нами исследование показало, такая негативная ситуация вызвана рядом причин, среди которых главными являются:

а) до сих пор нет четкой правовой регламентации вопроса о том, какой именно государственный орган системы профилактики преступности несовершеннолетних должны выполнять функции контроля и принуждения в случае нарушения порядка применения таких мер (сотрудники ПДН ОВД наделены правом сбора материала о нарушениях и направления их в суд с мотивированным ходатайством о замене этой меры, однако широких полномочий контроля за подростком не имеют, прежде всего, в случае противодействия со стороны родителей несовершеннолетнего);

б) нет единства среди органов и учреждения системы профилактики и судебной системы в вопросах целесообразности назначения и замены принудительных мер воспитательного воздействия на уголовное наказание. По факту, такие меры могут быть назначены неограниченное количество раз несовершеннолетнему преступнику, что вызывает у определенной части подростков «чувство безнаказанности» (на это указало 77,4% опрошенных сотрудников ПДН ОВД). При этом эффективность применения такой меры в отношении «несовершеннолетних-рецидивистов» равна нулю!

Что можно предложить для исправления такой ситуации?

Напомним, в УК РСФСР 1960 г. в ст. 63 была предусмотрена в качестве мер воспитательного воздействия - передача несовершеннолетних правонарушителей под контроль трудовому коллективу, общественной организации, отдельным гражданам. Кроме того, огромную роль в предупреждении повторных преступлений несовершеннолетних, которым назначали принудительные меры воспитательного воздействия, играли территориальные комиссии по делам несовершеннолетних [4]. Многие эксперты указывают, что в решении этих задач современные комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав пока не вышли на уровень, который существовал в СССР [5–8]. Это обусловлено тем, что на них не были возложены четкие обязанности по выполнению функций контроля.

По нашему мнению, в настоящее время необходимо решить вопрос о перераспределении полномочий по общему контролю за соблюдением несовершеннолетними предписанных судом мер принудительного воспитательного воздействия, которые в настоящее время осуществляют исключительно сотрудники ПДН ОВД (последние, в силу перегруженности и не-

достаточной штатной численности, не могут эффективно справляться с этой задачей на фоне очевидных проблем правового регулирования).

Мы считаем, что в соответствии с положениями федерального закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» от 24 июня 1999 г. №120–ФЗ, логичным было бы на законодательном уровне закрепить весь спектр полномочий по ведению учета несовершеннолетних лиц, подвергнутых принудительным мерам воспитательного воздействия, между сотрудниками ПДН ОВД и уголовно-исполнительными инспекциями (по аналогии с учетом условно осужденных лиц), наделив функциями общего контроля порядка исполнения этой уголовно-правовой меры и возможности обращения в суд по вопросам ее замены на уголовное наказание территориальные комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав в субъектах Российской Федерации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Орлова Ю. Р. Повышение эффективности назначения и принудительных мер воспитательного воздействия как одна из приоритетных задач формирования уголовной политики российского государства в отношении несовершеннолетних // Ученые записки Орловского государственного университета. — 2013. — № 5. — С. 55—60.

2. Магомедова А. М. Проблемы эффективности принудительных мер воспитательного воздействия в России на современном этапе // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. — 2013. — № 6. — С. 155—157.

3. Помогалова Ю. В., Демидова О. В. Профилактика правонарушений несовершеннолетних (административно-правовой, уголовно-правовой, уголовно-исполнительный аспекты) : учеб. пособие. — Воронеж : Воронежский институт ФСИН России, 2015. — 56 с.

4. Демидова О. В. Проблемы предупреждения преступности условно осужденных несовершеннолетних (по материалам Центрально-Черноземного региона России): научно-практ. пособие. — Воронеж : Воронежский институт МВД России, 2014. — 121 с.

5. Ювенальное право : учеб. пособие. — Воронеж : Воронежский институт МВД России, 2003. — 214 с.

6. Соловьев В. С., Тюрина И. Н. О проблемах эффективности принудительных мер воспитательного воздействия, связанных с особенностями личности несовершеннолетнего преступника // Законодательство. — 2015. — № 10. — С. 69—75.

7. Рогова Е. В. Меры уголовно-правового характера, применяемые к несовершеннолетним : учеб. пособие. — Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России, 2017. — 104 с.

8. Польшиков А. В., Серов Ю. В., Голенко С. С., Бухтояров И. И. Предупреждение общественно опасного поведения лиц, не достигших возраста уголовной ответственности, в период летних каникул (на примере организации детских военно-патриотических и оборонно-спортивных лагерей) // Национальная Ассоциация Ученых. — 2016. — № 10—1 (26). С. 78—79.

9. Уголовное право : учебник в 4-х т. Т. 1. / С. Т. Гаврилов, А. В. Заряев, О. В. Демидова. — Воронеж : Воронежский институт МВД России, 2005. — 204 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

Прохонов Василий Степанович. Старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии.

Воронежский институт МВД России.

E-mail: proxonovvs@vimvd.ru

Россия, 394065, Воронеж, проспект Патриотов, 53. Тел. (473) 200-53-30.

Логачёв Роман Алексеевич. Курсант 3 курса юридического факультета. Воронежский институт МВД России.

E-mail: r_logochev@mail.ru

Россия, 394065, г. Воронеж, проспект Патриотов, 53.

Тел. 8-980-546-73-06.

Prohonov Vasily Stepanovich. Senior lecturer of the chair of Criminal Law and Criminology.

Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

E-mail: proxonovvs@vimvd.ru

Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53.

Tel. (473) 200-53-30.

Logachev Roman Alekseevich. Student of the 3rd course of law faculty.

Voronezh Institute of the Russian interior Ministry.

E-mail: r_logochev@mail.ru

Russia, 394065, Voronezh, prospect Patriots, 53.

Tel 8-980-546-73-06.

Ключевые слова: несовершеннолетние, подростки, принудительные меры воспитательного характера, предупреждение, полиция.

Key words: minors, Teens, coercive measures of educational nature, prevention, police.

УДК 343.946

**ПОНЯТИЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФОРМЫ
И ОСНОВАНИЯ ЕЕ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ПО ДЕЛАМ
В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ.**

**THE CONCEPT OF THE CRIMINAL-PROCESSUAL FORM AND
THE BASIS OF ITS DIFFERENTIATION ON AFFAIRS WITH MINOR.**

В данной статье рассмотрен вопрос понятия уголовно-процессуальной формы. Рассмотрены основания дифференциации уголовно-процессуальной формы по делам в отношении несовершеннолетних. Дано определение дифференциации уголовно-процессуальной формы.

In this article, the question of the concept of criminal procedural form is considered. The bases of differentiation of the criminal procedural form on cases concerning minors are considered. The definition of differentiation of the criminal procedural form is given.

Одной из основных категорий науки уголовного процесса является процессуальная форма. Уголовно-процессуальная форма – это последовательность стадий и условий перехода дела от одной стадии к другой, основания, условия и порядок производства следственных и судебных действий, содержание и форму решений, выносимых по уголовным делам [1]. Она обуславливается сущностью уголовного судопроизводства и его принципами. Правильное и своевременное использование уголовного закона к гражданам, которые совершили правонарушение, обеспечивается определенным порядком производства по делам в соответствии уголовно-процессуальным законодательством, и выражаются в процессуальных формах, которые призваны соблюдать прав и законные интересы участников процесса [2].

Ряд ученых, которые занимаются изучением данного вопроса, дают разные трактовки понятия уголовно-процессуальной формы.

Так, М. С. Строгович считает, что уголовно-процессуальная форма - совокупность условий, которые установлены уголовно-процессуальным законом для совершения органами предварительного следствия, прокуратуры, дознания, и суда действий, при помощи которых выполняются их функции в области расследования и разрешения уголовных дел и для совершения гражданами, участниками в производстве действий, которыми они осуществляют свои права и обязанности [3].

А вот В. Н. Шпилев пишет, что уголовно-процессуальная форма - это то, что охватывает совокупность условий, которые предусмотрены процессу-

альным законом для совершения процессуальных действий, их последовательность, порядок закрепления и оформление процессуальных действий [4].

Уголовно-процессуальная форма несет в себе гарантии, с помощью которых реализовываются права и свободы участников процесса, создает условия, которые способствуют всестороннему, объективному рассмотрению и разрешению уголовного дела, обеспечивает осуществление демократических принципов. Основанием для признания какого-либо уголовно-процессуального решения незаконным и впоследствии его отмены является несоблюдением порядка уголовно-процессуальной формы.

Чтобы добиться оптимального соотношения сложности уголовно-процессуальной формы и простоты, которая позволит провести по возможности быстрое и эффективное производство её надлежит совершенствовать и развивать.

Применительно к отдельным категориям дел, процессуальная форма имеет свои отличительные особенности, основывается на системе, состоящей из основных принципов процесса, размежевания процессуальных функций и осуществляет их реализацию в соответствующей правовой процедуре[5]. Несмотря на закрепление единого порядка уголовного судопроизводства во всех органах расследования и суда по всем делам, уголовно-процессуальное законодательство, которое действует в настоящее время, предусматривает дифференциацию его форм.

Что же такое дифференциация? Дифференциация уголовно-процессуальной формы - это устройство судопроизводства, при котором на одном ряду с установленным порядком имеют место процессуальные формы, которые предусматривают как упрощение процедуры по делам о преступлениях, которые несут небольшую степень общественной опасности, а также и усложнение ее по делам о более опасных преступлениях либо делам, которые требуют особого подхода процессуальной защищенности законных интересов участников судопроизводства [6].

Изучая данный вопрос, можно найти ряд определений дифференциации уголовно-процессуальной формы, которые дают ученые.

Так, по мнению М. С. Строговича дифференциация – это такая тенденция развития уголовного процесса, которая приводит к существованию внутри уголовного процесса разных производств: обычного производства, а также упрощенных производств и производств с наиболее сложными процессуальными формами. [7]

А вот Лупинская П. А. приравнивала дифференциацию уголовного судопроизводства к упрощению процесса, устранению части процессуальных гарантий [7].

Арсеньев В. Д., Метлин Н. Ф., Смирнов А. В., при обосновании в российском уголовном процессе наличия дифференциации, приводят следующие различия в производстве по делам доказательством её существования: возможность осуществления предварительного расследования в форме следствия или дознания, наличие предметной и родовой подсудно-

сти, подследственности, обязательное участие в процессе защитника, переводчика, законного представителя [8].

Все авторы по-своему правы. Единого мнения до сих пор не существует по затронутому нами вопросу. Поэтому данная проблема постоянно изучается, используется опыт европейских стран.

Для более полного понимания дифференциации уголовно-процессуальной формы, рассмотрим её основания. По данному вопросу в литературе высказывается также множество различных суждений. Так, Р. Д. Рахунов предложил отказаться от дознания или предварительного следствия по делам, которые несут в себе небольшую степень опасности для общества. К ним он отнёс все дела о преступлениях, за совершение которых не предусмотрено наказание в виде лишения свободы или же лишение свободы не превышает срока в один год.[9] Маршев С. А. выдвинул свои виды оснований для введения форм упрощенного производства: 1) уголовно-правовой характер преступления; 2) свойства тех или иных преступлений, объективно существующих, которые обуславливают сложность их расследования[10]. Эти основания применимы не только для отнесения дел определенных категорий к упрощенным производствам, но и для других категорий дел к производствам с наиболее сложными процессуальными формами, то есть в целом для процесса дифференциации.

Порядок производства по отдельным категориям уголовных дел в отношении несовершеннолетнего регламентирован разделом XVI УПК РФ.

Устанавливая особенности производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних (гл. 50 УПК РФ), законодатель исходит из необходимости компенсации, которая обуславливается эмоциональной, духовной и интеллектуальной незрелостью, неспособности самостоятельно осуществлять защиту своих прав и законных интересов в полной мере, а также стремление создать условия для последующей реинтеграции подростка, который совершил преступление в общество. Правовые нормы, которые регулируют данное производство, в первую очередь направлены на защиту несовершеннолетних от необоснованного подозрения или обвинения, на справедливое разрешение дела, на обеспечение того, чтобы любые меры воздействия на несовершеннолетнего правонарушителя были всегда соизмеримы с особенностями как его личности, так и совершённого им преступления.

В настоящее время законодатель заложил предпосылки к унификации по делам в отношении несовершеннолетних. Анализ норм соответствующего раздела УПК РФ показывает, что:

1. Производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних осуществляются в общем порядке с изъятиями, которые предусмотрены для данной категории дел (ст. 420 УПК РФ).

2. Обстоятельства, которые подлежат обязательному установлению (доказыванию), должны быть сформулированы не только к квалификации преступления, но и субъекту, который его совершил (ст. ст. 421, 434 УПК РФ).

3. Уголовное дело выделяется в отношении несовершеннолетнего при соучастии в совершении преступления с другими субъектами (ст. ст. 422, 436 УПК РФ).

4. Участие по данной категории уголовных дел законных представителей с предоставлением необходимых прав для соблюдения законных интересов представляемого ими субъекта (ст. 426 УПК РФ).

5. Обязательное участие защитника по данной категории дел (ст. ст. 51, 438 УПК РФ).

6. Обязательное производство судебных экспертиз, которые связаны с психофизическими данными субъекта преступления (ст. ст. 174, 421 УПК РФ).

7. Возможность прекращения уголовного дела в досудебном производстве по специальным основаниям, которые применяются только в отношении несовершеннолетнего (ст. ст. 427, 439 УПК РФ).

8. Возможность прекращения уголовного дела судом по специальным основаниям, применяемым только в отношении несовершеннолетнего (ст. 431, 432, 443 УПК РФ).

Рассмотрев основные положения всех авторов, которые касаются понятия процессуальной формы и оснований ее дифференциации по делам в отношении несовершеннолетних, следует отметить, что изучение данного вопроса сложный процесс, который нуждается в более глубоком исследовании и уточнении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лупинская П. А. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации. Учебник. – М. : Юрист, 2008. – 1008 с.

2. Иванов Ю. А. Уголовно-процессуальная форма – курс советского уголовного процесса. Общая часть. // Под ред. А. Д. Бойкова, И. И. Карпеца – М. : Юрид.Лит., 1989. – 420 с.

3. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса: основные положения науки советского уголовного процесса. Т. 1 / – М.: Наука, 1968. – 470 с.

4. Шпилев В. Н. Содержание и формы уголовного судопроизводства. – Минск : Издательство БГУ им. В. И. Ленина, 1974. – С. 139.

5. Орлов Ю. К. Основы теории доказательств в уголовном процессе – М. : Проспект, 2000. – 175 с.

6. Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс. Серия «Краткий курс» – СПб.: Питер, 2005. – 220 с.

7. См. Строгович М. С. О единой форме уголовного судопроизводства и пределах ее дифференциации. // Социалистическая законность. 1974. – № 9. – С.50–53.

8. Арсеньев В. Д., Метлин Н. Ф., Смирнов А. В. О дальнейшей дифференциации порядка производства по уголовным делам. // Правоведение, 1986. – № 1. – С.78–84.

9. Рахунов Р. Д. На ученом совете института. // Соц. законность. 1975. – № 1. – С. 67.

10. Маршев С. А. О дифференциации форм уголовного судопроизводства // Развитие и совершенствование уголовно-процессуальной формы. Воронеж, 1979. – С. 141–147.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

Ряднова Юлия Викторовна. Магистрант 1 курса. Российский государственный университет правосудия.

E-mail: yulechka.ryadnova@mail.ru

Россия, Воронеж, ул. 20-летия Октября, 95

Дутов Юрий Иванович. Доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса. Кандидат педагогических наук, доцент

Воронежский государственный аграрный университет имени императора Петра I.

E-mail: puschay@mail.ru

Россия, 394087, Воронеж, ул. Мичурина, 1.

Тел. (473) 253-59-43.

Ryadnova Yulia Viktorovna. Undergraduate 1 course. Russian state University of justice.

E-mail: yulechka.ryadnova@mail.ru

Russia, Voronezh, 20-letiya Oktyabrya str., 95

Dutov Yury Ivanovich. Associate Professor of the chair Criminal Law and Criminal Procedure. Candidate of Pedagogical Sciences, Assistant Professor.

Voronezh State Agrarian University named after Emperor Peter I.

E-mail: puschay@mail.ru

Work address: Russia, 394087, Voronezh, Michurina str., 1.

Tel. (473) 253-59-43.

Ключевые слова: процессуальная форма, дифференциация, упрощение процесса, несовершеннолетние.

Key words: procedural form, differentiation, simplification of the process, minors.

УДК 343.1

КРУГ УЧАСТНИКОВ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ, ПРОВОДИМЫХ С УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО

A CIRCLE OF PARTICIPANTS OF INVESTIGATORY ACTIVITIES CONDUCTED WITH THE PARTICIPATION OF MINOR-YEAR

Статья посвящена производству следственных действий с участием несовершеннолетних, особенностью которых является расширенный круг участников, принимающих участие в их производстве. В зависимости от процессуального статуса несовершеннолетнего лица, в следственных действиях участвуют защитник, законный представитель, представитель несовершеннолетнего лица, а также педагог и психолог, участие которых в ряде случаев является обязательным в силу положений уголовно-процессуального закона.

The article is devoted to the production of investigative actions involving minors, the feature of which is an expanded circle of participants participating in their production. Depending on the procedural status of the minor, the defense attorney, the legal representative, the representative of the minor person, as well as the teacher and the psychologist participate in the investigative actions, whose participation is in some cases mandatory due to the provisions of the criminal procedure law.

Уголовно-процессуальный закон требует дополнительной гарантии охраны прав и законных интересов несовершеннолетних при производстве любых процессуальных действий, к числу которых относятся и следственные действия. Производство следственных действий с участием несовершеннолетних осуществляется в общем порядке с учетом главы 50 УПК РФ. Особенностью производства следственных действий с участием несовершеннолетних является расширенный круг участников, принимающих участие в их производстве. Наряду с защитником подозреваемого, обвиняемого, представителем потерпевшего, в следственных действиях вправе принимать участие законный представитель несовершеннолетнего лица, а также педагог и психолог, участие которых в ряде случаев является обязательным.

Круг участников следственного действия зависит от процессуального статуса несовершеннолетнего лица. Так, порядок производства следственных действий с участием несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого регламентирован в главе 50 УПК РФ. Статья 425 УПК РФ указывает на обязательное участие защитника в допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого; обязательное участие педагога или психолога в допросе несовершеннолетнего подозреваемого обвиняемого не достигшего возраста шестнадцати лет, либо достигшего этого возраста, но

страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии. Пункт 3 части 2 статьи 426 УПК РФ дает право законному представителю принимать участие в допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, а также с разрешения следователя – в иных следственных действиях, производимых с его участием и участием защитника. В отношении иных следственных действий с участием несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого УПК РФ никаких особенностей не регламентирует, то есть их производство имеет единую процессуальную форму во всех случаях.

Что же касается круга участников при производстве следственных действий с участием несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля, то им посвящены статьи 45 и 191 УПК РФ. Указанными статьями предусматривается возможность участия в следственных действиях законных представителей и (или) представителей несовершеннолетнего потерпевшего, а статья часть 1 ст. 191 УПК РФ указывает на обязательное участие педагога или психолога при проведении допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний на месте с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля, не достигшего возраста шестнадцати лет, либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии.

Рассмотрим процессуальный статус каждого из участников следственных действий, проводимых с участием несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего и свидетеля.

Как известно, основными элементами процессуального статуса лица являются его субъективные права и обязанности.

В юридической литературе субъективные права отождествляются с «видом и мерой возможного поведения» [2, с. 11], «мерой дозволенного поведения, обеспечиваемой государством» [14, с. 297], «юридической возможностью действовать» [6, с. 145], «гарантированной законодательством возможностью действовать» [3, с. 3].

В уголовном судопроизводстве субъективные права принято определять, как «охраняемые государством вид и объем возможного поведения индивида» [1, с. 135].

Процессуальные гарантии несовершеннолетних обвиняемых, подозреваемых обеспечиваются обязательным участием в уголовном судопроизводстве защитника (п. 2. ч. 1 ст. 51 УПК РФ), а если несовершеннолетний является потерпевшим, его права и законные интересы защищает представитель (ч. 2 ст. 45 УПК РФ). Согласно нормам уголовно-процессуального закона функции защитника и представителя не совпадают, что является причиной неравных возможностей несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого и потерпевшего в защите своих прав.

Так, участие защитника в допросе с участием несовершеннолетнего подозреваемого обвиняемого, является обязательным, а в следственных действиях, где несовершеннолетний является потерпевший, необязательным.

На проблему несоответствия процессуальных возможностей для защиты несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого и потерпевшего не раз обращалось внимание в научной литературе. Многие авторы указывают на то, что права потерпевшего в этом вопросе должны быть уравнены с правами обвиняемого. Так, И. А. Насонова считает необходимым дополнить главу 6 УПК РФ «Участники уголовного судопроизводства со стороны обвинения» ст. 45.1 «Обязательное участие представителя потерпевшего, гражданского истца и частного обвинителя», объединив в ней все предусмотренные законом случаи такого участия» [9, с. 127].

В. Ю. Дорофеева предлагает предусмотреть обязательное участие адвоката-представителя несовершеннолетнего потерпевшего, а также возможность несовершеннолетнего потерпевшего пользоваться услугами адвоката бесплатно, по аналогии с правами несовершеннолетнего обвиняемого (п. 8 ч. 4. ст. 47 УПК РФ) [4, с. 39]. Исходя из того, что возможности несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого обеспечены участием и законного представителя, и защитника, будет справедливым, если у несовершеннолетнего потерпевшего будет право пользоваться одновременно помощью как законного представителя, так и представителя, не выбирая между ними.

Следует обратить внимание, что неравные возможности несовершеннолетнего обвиняемого, подозреваемого и несовершеннолетнего потерпевшего при реализации их права на защиту ставят под угрозу важнейший принцип уголовного процесса – состязательности и равноправия сторон (ст. 15 УПК РФ). В связи с этим, законодателю необходимо предпринять меры для устранения такого неравенства.

Процессуальные гарантии защиты прав и интересов несовершеннолетних, усиливаются не только обязательным участием защитника, представителя, но и участием законного представителя. Так, статья 48 УПК РФ указывает на обязательное участие законного представителя в уголовном деле по преступлениям, совершенным несовершеннолетними, а ч. 2 ст. 45 УПК РФ предусматривает обязательное участие законного представителя в уголовном деле с участием несовершеннолетнего потерпевшего. При этом, как отмечается в научной литературе, воли и желания представляемого на вступление в дело законного представителя не требуется [8, с. 54].

Пункт 12 ст. 5 УПК РФ определяет исчерпывающий перечень лиц, которые могут быть допущены к следственным действиям с участием несовершеннолетних в качестве законных представителей. К ним относятся родители, усыновители, опекуны или попечители, представители учреждений или организаций, на попечении которых находится несовершеннолетний, подозреваемый, обвиняемый либо потерпевший, а также органы опеки и попечительства, в тех случаях, когда родители несовершеннолетнего обвиняемого, подозреваемого официально лишены родительских прав и несовершеннолетний проживает один или у лица, который не назначен надлежащим образом его опекуном или попечителем» [11, с. 51]. Привлечение в качестве законных представителей иных родственников, например,

братьев, сестер, дедушек, бабушек, родственников второй очереди законом не допускается.

По мнению А. И. Леонова, представленный в УПК перечень лиц, допускаемых в качестве законных представителей несовершеннолетнего следует расширить, за счет включения в него бабушек и дедушек (если они не пенсионного возраста), старших братьев и сестер (в случае, если разница в возрасте значительна), с которыми несовершеннолетний мог совместно проживать в течение длительного периода времени» [5, с. 62]. Представляется, что указанные лица смогут достойно представить интересы несовершеннолетнего лица, обеспечив ему дополнительную защиту прав в уголовном судопроизводстве. Одним из главных условий не допуска законного представителя к участию в уголовном деле должно быть его явное негативное влияние на подростка и его интересы.

Лица, не достигшие возраста шестнадцати лет, вызываются на допрос через законных представителей (ч. 4 ст. 188 УПК РФ).

Следует отметить различный подход законодателя к регламентации допуска законного представителя к участию в следственных действиях с участием несовершеннолетнего в зависимости от его процессуального статуса.

Так, участие в законного представителя в допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого регламентировано п. 3 ч. 2. ст. 426 УПК РФ и не зависит от воли следователя, в тоже время участие в иных следственных действиях с участием несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого и его защитника допускается только с разрешения следователя. Исключения составляют случаи, когда действия законного представителя наносят ущерб интересам несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого (ч. 4. ст. 426 УПК РФ), тогда к участию в деле, в том числе и к следственным действиям, допускается другой законный представитель.

Часть 1 ст. 191 УПК РФ предусматривает право законного представителя несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля присутствовать при производстве следственных действий, указанных в данной статье. Следователь вправе не допустить к участию в допросе законного представителя несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля если это противоречит его интересам, при этом обеспечив участие другого законного представителя (ч. 3 ст. 191 УПК РФ). Законный представитель или несовершеннолетний потерпевший (свидетель) вправе возражать против применения в ходе следственных действий видеозаписи или киносъемки (ч. 5 ст. 191 УПК РФ).

В юридической литературе отмечается, что круг следственных действий, в которых должен принимать участие законный представитель, уголовно-процессуальным законом не установлен» [7, с. 59]. Представляется, что по аналогии с допросом, законный представитель должен иметь право принимать во всех без исключения следственных действиях, проводимых с участием несовершеннолетнего. При этом, как верно отмечается процессуалистами, при производстве таких следственных действий как осмотр, обыск или выемка в жилище несовершеннолетнего, проживающего совместно с за-

конным представителем, последний выступает также лицом, в жилище которого производится соответствующее следственное действие [11, с. 51].

Дополнительной гарантией защиты прав и законных интересов несовершеннолетних участников следственных действий, является участие в них педагога или психолога.

Согласно п. 62 статьи 5 УПК РФ, под педагогом в уголовном процессе понимается педагогический работник, выполняющий в образовательной организации или организации, осуществляющей обучение, обязанности по обучению и воспитанию обучающихся. Понятие «психолог» в уголовно-процессуальном законе не раскрывается, так же, как и не конкретизируются случаи, когда к следственным действиям с участием несовершеннолетнего привлекается педагог, а когда психолог. Случаи обязательного привлечения педагога или психолога в обязательном порядке следователем, дознавателем по ходатайству защитника либо по собственной инициативе к следственным действиям с участием несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего или свидетеля предусмотрены ч. 3 ст. 425 УПК РФ) и ч.1. ст. 191 УПК РФ.

Только часть 4 ст. 191 УПК, конкретно указывает что «при проведении допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля, не достигшего возраста шестнадцати лет либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии, по уголовным делам о преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетнего участие психолога обязательно». Указанное дополнение в УПК РФ было сформулировано Федеральным законом от 28 декабря 2013 № 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве» [12]. В данном случае уголовно-процессуальный закон пошел по пути уравнивания возможности участия педагога и психолога при проведении следственных действий для всех участников уголовного судопроизводства, как подозреваемых и обвиняемых, так и потерпевших, и свидетелей. Из этого можно сделать вывод, что УПК РФ предусматривает как возможность взаимозаменяемости педагога и психолога, так и участие именно психолога по определенной категории уголовных дел. В связи с этим возникает вопрос, почему наряду с появлением в ст. 5 УПК РФ понятия «педагог», понятие «психолог» не нашло своего закрепления. Между тем психологи весьма отличаются от педагогов как в плане образования, так и в плане специализации и места работы. Как следствие, крайне актуальным в научной литературе является вопрос закрепления в УПК РФ требований, предъявляемым к лицам, выступающим в качестве как педагога, так и психолога. К ним следует отнести наличие диплома, подтверждающего получение соответствующего уровня образования по специальности педагога или психолога, стаж работы в сфере образования, обстоятельства, исключаяющие возможность лица участвовать в

процессуальных действиях в качестве педагога или психолога (например, наличие судимости или привлечение к уголовной ответственности).

Представляется, что по уголовным делам о преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, именно участие психолога, а не педагога, может оказать существенную помощь в установлении психологического контакта с несовершеннолетним потерпевшим или свидетелем. Это особенно важно, если подросток замкнут, необщителен, недоверчив, с трудом налаживает отношения с окружающими, а также при расследовании преступлений, совершенных на сексуальной почве в отношении малолетних детей. Такая помощь психолога широко используется при допросе несовершеннолетних, в том числе малолетних потерпевших в зарубежной следственной практике [13, с. 20-21].

Перспективным на наш взгляд, является использование помощи психолога при производстве и других, указанных в статье 191 УПК РФ следственных действий с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля: допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний, поскольку эти следственные действия в процессуальном и тактическом смыслах являются более сложными, нежели допрос.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адаменко В. Д. Сущность и предмет защиты обвиняемого / В. Д. Адаменко – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1983. – 158 с.
2. Братусь С. Н. Субъекты гражданского права. – М., 1950. – 367 с.
3. Вихут М. А. Субъективные гражданские процессуальные права (понятие и виды) // Вопросы теории и практики гражданского процесса. Гражданское судопроизводство и арбитраж : межвуз. научный сборник. – Саратов, 1984. – С. 3–12.
4. Дорофеева В. Ю. О некоторых проблемах уголовно-процессуального представительства несовершеннолетнего потерпевшего // Уголовно-процессуальная охрана прав и законных интересов несовершеннолетних: сборник материалов межведомственного круглого стола. – Воронеж : Воронежский институт МВД России, 2013. – С. 38–41.
5. Леонов А. И. Защита прав несовершеннолетних потерпевших и свидетелей при производстве следственных действий // Уголовно-процессуальная охрана прав и законных интересов несовершеннолетних: сборник материалов межведомственного круглого стола. – Воронеж : Воронежский институт МВД России, 2014. – С. 60–63.
6. Матузов Н. И. Личность. Права. Демократия. Теоретические проблемы субъективного права. – Саратов, 1972. – 292 с.
7. Михальчук Ю. П. Участие законного представителя несовершеннолетнего обвиняемого при производстве отдельных следственных действий // Вестник Майкопского государственного технологического университета. – 2014. – № 3. – С. 58–62.

8. Мишенина А. А., Кирянина И. А. Проблемы реализации прав и интересов несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. – 2014. – № 1 (1). – С. 53–56.

9. Насонова И.А. О правовом статусе несовершеннолетнего в уголовно-процессуальных отношениях // Уголовно-процессуальная охрана прав и законных интересов несовершеннолетних: сборник материалов межведомственного круглого стола. – Воронеж : Воронежский институт МВД России, 2016. – С. 120–129.

10. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1. Абзац 2 пункта 11. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 27.01.2018).

11. Ухарева Е. А. Участие законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого при производстве следственных действий, выполняемых по судебному решению // Вестник Московского государственного областного университета. Серия : Юриспруденция. – 2010. – № 3. – С. 48–52.

12. Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 27.01.2018).

13. Хмелева А. В. Зарубежный опыт проведения опросов малолетних потерпевших в случаях сексуального насилия (на примере Норвегии) // Уголовно-процессуальная охрана прав и законных интересов несовершеннолетних: сборник материалов межведомственного круглого стола. – Воронеж : Воронежский институт МВД России, 2013. – С. 20–24.

14. Черданцев А. Ф. Теория государства и права : учебник. – М., 2001. – С. 297–298.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Савицкая Ирина Геннадьевна. Доцент кафедры уголовного процесса. Кандидат юридических наук.

Воронежский институт МВД России.

E-mail: arisha_s@list.ru.

Россия, 394065, Воронеж, проспект Патриотов, 53. Тел. (473) 200-53-47.

Savitskaya Irina Gennadyevna, candidate of jurisprudence, associate professor of criminal trial.

Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

E-mail: arisha_s@list.ru.

Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53.
Tel. (473) 200-53-47.

Ключевые слова: Несовершеннолетний, следственные действия, законный представитель, защитник несовершеннолетнего, педагог, психолог.

Key words: Minor, investigative actions, legal representative, advocate of a minor, teacher, psychologist.

УДК 343.164.

Е. И. Сидорова

**ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ
ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ В ОТНОШЕНИИ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ**

**PROBLEMS OF APPLICATION PRECISION MEASURES AS A
CUSTODY'S CONCLUSION WITH RESPECT TO MINORS**

Статья посвящена анализу некоторых проблем применения меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении несовершеннолетних. Рассматриваются основания, условия и порядок избрания заключения под стражу как меры пресечения, предлагаются возможные пути разрешения имеющихся проблем при применении норм об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении несовершеннолетних.

The article is devoted to the analysis of some problems of applying preventive measures in the form of detention in relation to minors. The grounds, conditions and procedure for the choice of detention as a preventive measure are considered, and possible ways of resolving the existing problems are proposed in the application of the provisions on the selection of a preventive measure in the form of detention in respect of minors.

Применение в отношении несовершеннолетних заключения под стражу порождает различного рода дискуссии.

Применение заключения под стражу в отношении несовершеннолетних порождает некоторые проблемы. Так, нет полной ясности по установлению исключительности заключения под стражу несовершеннолетнего, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления средней тяжести. Данное предписание содержится в ст. 108 УПК РФ, регулирующей общий порядок применения заключения под стражу и уже содержащей выражение «исключительные случаи». Причем если относительно заключения под стражу в общем порядке перечислены обстоятельства, обуславливающие исключительность случая, то в отношении заключения под

стражу несовершеннолетнего они не названы. Оценочный характер категория «исключительный случай» приводит к различному его толкованию в юридической науке [1] и правоприменительной практике.

В подобной ситуации следователь, принимая решение о необходимости обращения в суд с ходатайством, будет исходить из собственного понимания исключительности, основанного на своем опыте, требованиях суда и оперативных интересах [2].

Как представляется, в уголовно-процессуальном законе следует указать случаи, которые будут признаваться исключительными при избрании несовершеннолетнему заключения под стражу в качестве меры пресечения. В связи с этим целесообразно ч. 2 ст. 108 УПК РФ дополнить следующим положением: «...средней тяжести, при наличии обстоятельств, указанных в части 1 ст. 108 настоящего Кодекса, а также, если несовершеннолетний ранее судим, характеризуется отрицательно, совершил несколько преступлений и требуется немедленная изоляция его от общества».

До настоящего времени заключение под стражу к несовершеннолетним продолжает оставаться широко применяемой мерой пресечения. По рассматриваемой проблеме Верховный Суд РФ в своих решениях высказал свою позицию [3], в соответствии с которой заключение под стражу может применяться к несовершеннолетнему лишь в качестве крайней меры и в течение кратчайшего периода времени; заключение под стражу несовершеннолетнего, подозреваемого либо обвиняемого в совершении преступления средней тяжести, может быть избрано в исключительных случаях как единственно возможное в конкретных условиях с учетом обстоятельств совершенного преступления и данных о личности. Высказываются различные предложения по определению исключительности случая применительно к заключению под стражу несовершеннолетнего, когда он обвиняется (подозревается) в совершении преступления средней тяжести [4].

Полагаем, в перспективе именно в направлении замены мер принуждения, ограничивающих свободу и личную неприкосновенность, на более гуманные должно развиваться законодательство [5].

В настоящее время вариантом решения этой проблемы мог бы стать следующий: нормой, регламентирующей задержание и заключение под стражу несовершеннолетнего, предусмотреть, что применение этих мер принуждения допускается лишь в случае подозрения или обвинения его в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, когда по совокупности обстоятельств, характеризующих содеянное, особенности личности несовершеннолетнего, его отношение к содеянному и последующее поведение, задержание или заключение под стражу представляется единственно возможной в данных условиях мерой. Кроме того, необходимо исключить применение заключения под стражу в отношении несовершеннолетнего, находящегося в статусе подозреваемого.

В качестве действительной альтернативы заключения под стражу – довольно часто применяемой в отношении несовершеннолетних подозре-

ваемых или обвиняемых меры уголовно-процессуального пресечения, в УПК РФ следует введение новой меры пресечения – «помещение несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого в специализированное учреждение для несовершеннолетних». С данной целью необходимо внести изменения в ст. 98 УПК РФ.

Наиболее проблемным остается вопрос о применении меры пресечения для лиц, не достигших возраста 16 лет. На практике часто случается, что избранная мера в отношении данной категории несовершеннолетних, а это в основном меры профилактические, оказываются малоэффективными. Подросток чувствует свою безнаказанность, что зачастую толкает его на совершение новых, более тяжких преступлений.

Но нельзя к заключению под стражу относиться как к исключительно устрашающему фактору в воспитательных целях. Такая, достаточно жесткая мера может сказаться на психофизиологическом формировании несовершеннолетнего. Выход из этой ситуации предложил Муртазин Р.М., а на основе его трудов и другие авторы, путем возможного использования центра временной изоляции несовершеннолетних при решении вопроса о применении меры пресечения [6].

Предложенный путь решения этой проблемы имеет несколько позитивных моментов. Несовершеннолетние, таким образом, избежат контакта с возрастными преступниками, которые могут «поделиться своим опытом». Так же, если в подобного рода центрах временной изоляции будут созданы должные условия это позволит не отрывать несовершеннолетних от учебного процесса. Но обязательным условием помещения в центр должно быть законно вынесенное решение суда, что обеспечит защиту прав и законных интересов несовершеннолетнего.

Альтернативное решение проблемы применения меры пресечения под стражу предложила Антонова А.В. В своем труде автор предлагает применять к несовершеннолетним подозреваемым и обвиняемым домашний арест, что позволит защитить личность от необоснованного ограничения ее прав и свобод.

Думается, что предложенное разрешение данной проблемы применимо на практике имеет много положительных моментов. Применение к подростку меры пресечения в виде домашнего ареста вместо заключения под стражу не будет отрывать его от обыденной жизни, и наносить урон его психике, но это и не говорит о полной снисходительности к несовершеннолетнему. Находясь в таких условиях изоляции, он находится под постоянным контролем и осознает тяжесть содеянного. Для гарантии воспитательного воздействия на несовершеннолетнего возможно наложение дополнительных обязательств, таких как исключение прерывания учебного процесса, непосещение определенных мест, наблюдение у психолога и др., невыполнение которых может повлечь изменение меры пресечения [7].

Подводя итог нужно отметить, что решение проблемы, описанной в данной статье, возможно только при четком определении механизмов ре-

гулирующих порядок применения мер пресечения, должного надзора за соблюдением законности применения мер пресечения в отношении несовершеннолетних и установленных этими мерами ограничений.

На основании проведенного анализа проблем, возникающих при применении заключения под стражу в отношении несовершеннолетних, нами предлагаются некоторые меры по совершенствованию законодательства: 1) часть 2 ст. 108 УПК РФ дополнить следующим положением: «...средней тяжести, при наличии обстоятельств, указанных в части 1 ст. 108 настоящего Кодекса, а также, если несовершеннолетний ранее судим, характеризуется отрицательно, совершил несколько преступлений и требуется немедленная изоляция его от общества»; 2) предусмотреть, что применение этих мер принуждения допускается лишь в случае подозрения или обвинения его в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, когда по совокупности обстоятельств, характеризующих содеянное, особенности личности несовершеннолетнего, его отношение к содеянному и последующее поведение, задержание или заключение под стражу представляется единственно возможной в данных условиях мерой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ережипалиев Д. И. Особенности прокурорского надзора за исполнением законов при избрании и применении мер пресечения в отношении несовершеннолетних // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2014. – № 5. – С. 67.

2. Карцева А. И. Особенности применения меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении несовершеннолетних // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2010. – №1. – С. 100.

3. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 (ред. от 29.11.2016) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2011. – № 4.

4. Химичева Г. П. Несовершеннолетний обвиняемый (подозреваемый): меры пресечения // Уголовное судопроизводство. – 2014. – № 4. – С. 22.

5. Тетюев С. В. Избрание мер пресечения в отношении несовершеннолетних // Судья. – 2015. – № 7. – С. 23.

6. Муртазин Р. М. Применение меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении несовершеннолетних // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2008. – № 3 (84). – С.49.

7. Антонова А. В. Домашний арест – альтернатива заключению под стражу для несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2009. – № 1. – С.101.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Сидорова Елена Ивановна. Старший преподаватель кафедры уголовного процесса.

Воронежский институт МВД России.

E-mail: vip.sidorovaelena@mail.ru

Россия, 394065, Воронеж, проспект Патриотов, 53. Тел. (473) 200-53-42.

Sidorova Helena Ivanovna. Senior lecturer of the chair of Criminal Proceedings.

Voronezh Institute Ministry of Interior of Russian.

Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriots, 53.

Tel. 8(473) 200-53-42.

Ключевые слова: меры пресечения, несовершеннолетний, расследование, проблемы применения.

Keywords: preventive measures, minor, investigation, application problems.

УДК 343.102

П. Г. Смагин

К ВОПРОСУ О ВЫЕМКЕ И ОСМОТРЕ ЭЛЕКТРОННЫХ СООБЩЕНИЙ МЕЖДУ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

TO THE QUESTION OF THE RECEPTION AND INSPECTION OF ELECTRONIC COMMUNICATIONS BETWEEN MINORS IN SOCIAL NETWORKS

В статье проводится анализ особенностей производства выемки и осмотра электронных сообщений, передаваемых несовершеннолетними участниками уголовного судопроизводства посредством социальных сетей «Вконтакте», «Одноклассники», мессенджеров «WhatsApp», «Telegram» и ряда других интернет-сервисов.

The article analyzes the specifics of the production of seizures and examinations of electronic messages transmitted by minor participants in criminal proceedings through social networks «Vkontakte», «Odnoklassniki», instant messengers «WhatsApp», «Telegram» and a number of other Internet services.

Статистические данные свидетельствуют о том, что количество совершаемых преступлений (в том числе с участием несовершеннолетних лиц) при помощи компьютерных и телекоммуникационных технологий

растет. Так, за 2016 г. было зарегистрировано около 44 тысяч преступлений, что почти на 300% больше, чем в аналогичном периоде прошлого года. Наибольшее количество приходится на преступления, направленные против собственности. Всего в суд было направлено около 11300 уголовных дел, а около 25500 уголовных дел с использованием информационных технологий было приостановлено в связи с неустановлением лиц, подлежащих привлечению в качестве обвиняемого. Это почти на 500% больше, чем годом ранее [1].

Тенденция роста преступлений с использованием информационных технологий не осталась незамеченной законодателем. В частности, для более эффективного осуществления процесса предварительного расследования по указанной категории дел был принят Федеральный закон от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» [2]. В соответствии с данным законом была дополнена статья 185 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) [3] «Наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка» частью 7 в следующей редакции: «при наличии достаточных оснований полагать, что сведения, имеющие значение для уголовного дела, могут содержаться в электронных сообщениях или иных, передаваемых по сетям электросвязи сообщениях, следователем по решению суда могут быть проведены их осмотр и выемка».

Диспозиция указанной нормы позволяет органам предварительного расследования получать доказательственную информацию из электронно-информационной сферы, например, социальных сетей «ВКонтакте», «Одноклассники», мессенджеров «WhatsApp», «Telegram» и ряда других интернет-сервисов, которыми достаточно часто пользуются как несовершеннолетние правонарушители, так и потерпевшие.

Однако, при более детальном изучении данной нормы возникает ряд дискуссионных вопросов. В частности, изменения были внесены в статью, регламентирующую, в первую очередь, наложение ареста на почтово-телеграфные отправления и сообщения, а уже потом производство их выемки и осмотра.

В научных кругах еще до принятия ч. 7 ст. 185 УПК РФ не было единого понимания в части допустимости распространения данного следственного действия на электронные сообщения. Так, Е.Р. Россинская и А.И. Усов отмечали, что действия по изъятию электронной почты, адресованной абоненту, подпадают под выемку почтово-телеграфной корреспонденции и должны осуществляться в соответствии со ст. 185 УПК РФ [4].

Более детально изучив положения ст. 185 УПК РФ мы приходим к вполне обоснованному предположению, что данное процессуальное действие изначально задумывалось законодателем, а впоследствии реализовы-

валось на практике для получения имеющих значение для уголовного дела сведений, которые могли содержаться в почтово-телеграфных отправлениях. Буквальное толкование статьи позволяет утверждать, что предметом указанного следственного действия являются письма, бандероли, посылки, телеграммы или радиogramмы.

Выемка и осмотр электронных сообщений, исходя из смысла положений ст. 185 УПК РФ не корректно подходят для наложения ареста на электронные сообщения, передаваемые посредством сети Интернет. В отличие от традиционной почты в глобальной сети Интернет пользователь не всегда может быть идентифицирован, а осуществлять обмен сообщения можно практически анонимно. В связи с этим, нами предлагается законодательно расширить круг индивидуализирующих признаков субъекта для сети Интернет. К примеру, выемку электронных сообщений можно проводить по сетевому адресу (IP-адрес, MAC-адрес), адресу электронной почты, ID в социальных сетях и т.д. Однако, в настоящий момент УПК РФ такой индивидуализации не предусматривает, так как в ч. 3 ст. 185 УПК РФ содержится «фамилия, имя, отчество и адрес лица, почтово-телеграфные отправления которого должны задерживаться», что реализовать в указанных случаях затруднительно.

В то же время, выемка и осмотр электронных сообщений, порядок которой регламентирован ч.3 ст. 185 УПК РФ вступает в некоторое противоречие с иными нормами, предусмотренными этой же статьей. К примеру, не совсем понятно, как в правоприменительной деятельности будут реализовываться положения ч.5 ст. 185 УПК РФ «Осмотр, выемка и снятие копий с задержанных почтово-телеграфных отправлений производятся следователем в соответствующем учреждении связи».

Обратимся к Федеральному закону «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», который в п.1 ст. 10.1 содержит категорию «организатор распространения информации в сети Интернет», под которым понимается «лицо, осуществляющее деятельность по обеспечению функционирования информационных систем и (или) программ для электронных вычислительных машин, которые предназначены и (или) используются для приема, передачи, доставки и (или) обработки электронных сообщений пользователей сети «Интернет» [5].

Из приведенного выше определения можно предположить, что категория «учреждение связи» включает категорию «организатор распространения информации в сети Интернет». Однако есть ряд коллизий в этой части. К примеру, пункт 3.1 ст. 10.1 рассматриваемого нами Федерального закона закрепляет, что организатор распространения информации в сети Интернет обязан предоставлять информацию о фактах приема, передачи, доставки и (или) обработки голосовой информации, письменного текста, изображений, звуков, видео- или иных электронных сообщений пользователей сети Интернет и информацию об этих пользователях, текстовые сообщения

пользователей сети Интернет, голосовую информацию, изображения, звуки, видео-, иные электронные сообщения пользователей сети Интернет уполномоченным государственным органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность или обеспечение безопасности Российской Федерации, в случаях, установленных федеральными законами».

Из приведенного положения следует, что организаторы распространения информации в сети Интернет не обязаны предоставлять электронные сообщения органам, осуществляющим предварительное расследование. Представляется, что данная норма подлежит соответствующей корректировке. На данный момент, как один из вариантов решения проблемы, можно предложить возможность дачи следователем соответствующего поручения оперативным сотрудникам БСТМ, которые и запросят от своего имени необходимые сведения.

Подводя определенные итоги, можно сделать вывод, что на данный момент процедура получения информации, содержащейся в электронных сообщениях, передаваемых по сети Интернет несовершеннолетними, имеет ряд недостатков как в части правовой регламентации, так и в части организационной, связанной с наличием больших трудностей взаимодействия российских правоохранительных органов с государственными органами, провайдерами и иными организациями, расположенными вне пределов РФ. Организационные сложности связаны со спецификой деятельности как сети Интернет в целом (иностранные регистраторы доменных имен, хостинги), так и существованием закрытых протоколов веб-приложений.

Изучение следственной практики позволило сделать вывод о том, что зачастую организациями - представителями компаний, зарегистрированных в иностранных государствах, под различными предлогами какая-либо информация не предоставляется органам предварительного расследования. Это может во многом осложнить процесс раскрытия и расследования преступления, при подготовке и совершении которого несовершеннолетними участниками процесса осуществлялась электронная переписка с иными лицами [6].

Однако, несмотря на указанные трудности в реализации положений уголовно-процессуального законодательства в части производства выемки и осмотра электронных сообщений, отметим позитивные сдвиги в понимании законодателем важности закрепления в УПК РФ новых способов получения доказательной информации в сфере информационных технологий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Супрун С. В., Черкасов В. С. О противоречивом характере новеллы в законодательном регулировании следственного действия «наложение ареста на почтово-телеграфные отправления» // Вестник Омской юридической академии. – 2017. – № 1. – С. 59 - 64.

2. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности : федеральный закон от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ // Российская газета. 2016. 11 июля.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 10.01.2018) // СПС «КонсультантПлюс», 2018.

4. Россинская Е. Р., Усов А. И. Судебная компьютерно-техническая экспертиза. М. : Право и закон, 2001. – 416 с.

5. Об информации, информационных технологиях и о защите информации : федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 25.11.2017) // СПС «КонсультантПлюс», 2018.

6. Васюков В. Ф. Некоторые вопросы проведения следственных действий, направленных на обнаружение, фиксацию и изъятие электронных сообщений, переданных посредством мобильных абонентских устройств сотовой связи // Российский следователь. – 2016. – № 23. – С. 15–18.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

Смагин Павел Геннадьевич. Преподаватель кафедры уголовного процесса. Воронежский институт МВД России.
Россия, 394000, г. Воронеж, проспект Патриотов, 53.
E-mail: pasha_smagin@mail.ru.
Тел. (473) 200-53-46.

Smagin Pavel Gennadyevich. Lecturer of the chair of Criminal Proceedings. Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
E-mail: pasha_smagin@mail.ru.
Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53.

Ключевые слова: информационные технологии, Интернет, выемка и осмотр электронных сообщений, несовершеннолетние участники процесса.

Key words: information technology, the Internet, the seizure and inspection of electronic messages, the underage participants of the process.

УДК 343.121

**К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ ПСИХОЛОГА ИЛИ ПЕДАГОГА
ПРИ ДОПРОСЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ**

**TO THE QUESTION OF THE PARTICIPATION OF PSYCHOLOGY
AND PEDAGOGY AT THE DOSE OF JUVENILE**

В статье раскрываются особенности участия педагога и психолога при производстве по уголовным делам с участием несовершеннолетних участников уголовного процесса.

In the article the peculiarities of the participation of the teacher and of the psychologist in the criminal proceedings involving minor participants in the criminal process.

Создание эффективного механизма уголовно-процессуального регулирования и его совершенствование являются одним из важнейших векторов политики государства в сфере уголовного судопроизводства. Говоря об эффективности уголовного судопроизводства, нельзя не обратить внимание на такое явление, как преступность несовершеннолетних. Помимо дестабилизирующего влияния преступности несовершеннолетних на общество в целом, еще одним немаловажным негативным фактором является то, что субъектом преступления являются несовершеннолетние – то есть, по сути, дети. Возрастные и социально-психологические особенности несовершеннолетних определяют необходимость особого подхода к расследованию совершаемых ими деяний. Но в настоящее время существует ряд проблемных вопросов, возникающих при расследовании уголовных дел в отношении несовершеннолетних, влияющих на эффективное и качественное разрешение данной категории уголовных дел.

В связи с вышеизложенным, следует сказать, что немало важным аспектом эффективности производства по уголовным делам в отношении указанной категории лиц, является участие педагога или психолога. Предполагается, что именно их участие при производстве по уголовным делам в отношении несовершеннолетних способствует установлению психологического контакта между следователем и несовершеннолетним, тем самым способствует эффективному и качественному разрешению дела. Вопрос о целесообразности участия при производстве по уголовным делам в отношении несовершеннолетних психолога и педагога является дискуссионным. В настоящее время законодательно не закреплено, в каких случаях необходимо привлекать педагога, а в каких психолога. В отношении дан-

ного вопроса высказываются различные мнения. Так, ряд авторов полагает, что наиболее полезными при допросе будут специальные познания психолога, его присутствие при допросе несовершеннолетнего позволит обеспечить полноту допроса с помощью правильно сформулированных вопросов. Также отмечается, что более успешно функции педагога может осуществить детский психолог как специалист, который обладает научными знаниями в области детской и подростковой психологии и владеющий профессиональными практическими навыками общения с ними [1]. Ряд других ученых говорят о необходимости привлечения к производству данного следственного действия педагога, как альтернативы психолога.

Важной проблемой в вопросе выбора психолога и педагога является, в первую очередь, отсутствие закрепленного в УПК процессуального статуса психолога и педагога, как участников уголовного судопроизводства. В своей работе Роганов С. А. и Константинова Т. Л. ссылаются на мнение М.В. Лифановой, которая считает, что одной из основных задач участия педагога в ходе проведения допроса несовершеннолетнего является оказание помощи следователю в установлении психологического контакта с несовершеннолетним [2].

В свою очередь, С. В. Тетюевым выделяются следующие задачи участия педагога при производстве допроса: обеспечение оптимального эмоционального состояния подростка; оказание помощи в формулировании вопросов, являющихся педагогически корректными; оказание помощи в составлении плана допроса; определение оптимальной продолжительности допроса; оказание содействия следователю в фиксации показаний [3].

Отдельные авторы выделяют иные задачи участия педагога в ходе проведения допроса несовершеннолетнего обвиняемого. Так, отмечается, что присутствие педагога при допросе является гарантом правильного проведения допроса и обеспечения прав допрашиваемого.

Рассмотрев данные мнения, следует сказать, что в данном случае педагог не в полной мере может оказать помощь следователю в формулировании педагогически корректных вопросов. Для того, чтобы вопросы были грамотно сформулированы и были доступны для подростка, необходимы в большинстве случаев специальные научные познания в области детской и подростковой психологии. Что, в свою очередь, относится к компетенции психолога.

Рассматривая вопрос об участии в допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого психолога и педагога, необходимо отметить, что возрастная граница несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых), допрашиваемых с их участием установлена по-разному. Так, согласно ч. 3 ст. 425 УПК РФ участие педагога или психолога обязательно только при допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого в возрасте до 16 лет либо достигшего этого возраста, но страдающего психиче-

ским расстройством или отстающего в психическом развитии [4]. В данном случае, возникает вопрос, связанный с ограничением права здорового подростка, которому исполнилось 16 лет на участие психолога (педагога) в допросе. Полагается, что данный вопрос является недостаточно научно обоснованным. Некоторые авторы считают, что положение закона об обязательном участии психолога (педагога) в допросе должно быть распространено на указанных лиц, не достигших восемнадцатилетнего возраста.

Что же касается случаев, когда несовершеннолетний подозреваемый, обвиняемый отстает в психическом развитии, то здесь считается необходимым предусмотреть обязательное участие в допросе не педагога, а психолога, который может более квалифицированно оценить сведения о задержке умственного развития не совершеннолетнего, которые могут быть получены полученные из показаний родителей, педагогов учебного заведения, где он обучается, характеристик, медицинских документов и других материалов.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что необходимо внесение в уголовно-процессуальный кодекс статей, регламентирующих процессуальный статус таких участников уголовного судопроизводства как психолог и педагог. Также при рассмотрении уголовных дел необходимо учитывать обстоятельства данного дела и особенности личности допрашиваемого. Однако предпочтение, во всяком случае, следует отдавать психологу, поскольку именно специалист-психолог, участвующий в допросе несовершеннолетнего, помогает следователю полнее учесть возрастные особенности допрашиваемого лица, особенности его психического развития, характера и темперамента, и тем самым способствует эффективности производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шестакова Л. А. Производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних: проблемы правоприменения // Основы ЭУП. 2017. – №4 (4). – С.101–107.
2. Роганов С. А., Константинова Т. Л. К вопросу об участии педагога при производстве допроса // Ленинградский юридический журнал. – 2015. – №2 (40). – С.200-205.
3. Тетюев С. В. О регламентации участия педагога психолога в производстве по уголовным делам в отношении несовершеннолетних в странах СНГ // Журнал российского права, 2009. – № 7С. – 131–135.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 05.12.2017) // СЗ РФ. – 2001. – № 52. – Ст. 4921.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

Смагин Павел Геннадьевич. Преподаватель кафедры уголовного процесса.

Воронежский институт МВД России.

Россия, 394000, г. Воронеж, проспект Патриотов, 53.

E-mail: pasha_smagin@mail.ru.

Тел. (473) 200-53-46.

Тамбовцева Диана Юрьевна. Курсант 4 курса юридического факультета. Воронежский институт МВД России.

Россия, 394000, г. Воронеж, проспект Патриотов, 53.

Тел. (473) 200-53-46.

Smagin Pavel Gennadyevich. Lecturer of the chair of Criminal Proceedings. Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

E-mail: pasha_smagin@mail.ru.

Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53.

Tambovtseva Diana Yurievna. Fourth year student of the Faculty of Law. Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53.

Ключевые слова: педагог, психолог, расследование преступлений с участием несовершеннолетних лиц, следственное действие с участием несовершеннолетних.

Key words: teacher, psychologist, the investigation of crimes involving minors, the investigative action with the participation of minors.

УДК 343.121

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕДАЧИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПОД НАДЗОР СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОГО ОРГАНА

PROBLEMS OF TRANSMISSION OF MINOR-YEAR UNDER SUPERVISION OF THE SPECIALIZED BODY

В статье рассматривается возможность применения института probation в российской правоохранительной системе в отношении несовершеннолетних. Обращается внимание на действующий институт принудительных мер воспитательного воздействия, где присутствуют проблемы несогласованности законодательства относительно специализированного органа, которому несовершеннолетний передается под надзор в рамках их применения.

The article considers the possibility of applying the probation in the Russian law enforcement system in relation to minors. Attention is drawn to the current institution of compulsory educational measures, where there are problems of inconsistency of legislation with respect to a specialized body to which the minor is transferred under supervision in the framework of their application.

Не является новостью, что совершение преступления несовершеннолетними по большей части является неумением правильно оценивать некоторые факты и явления общественной жизни, соотносить свои поступки с требованиями общественной необходимости, отсутствия положительных нравственных качеств и навыков. Поэтому такие лица, прежде всего, нуждаются в воспитании, направленном на формирование у них правильных взглядов, убеждений и принципов [1].

Международно-правовые рекомендации определяют, что несовершеннолетние за совершение преступлений должны привлекаться к ответственности, но эта ответственность должна отличаться от формы ответственности взрослых. Можно согласиться, что сущность принудительных мер воспитательного воздействия создает наиболее благоприятные и льготные условия для разработки специальных процессуальных форм уголовного судопроизводства для несовершеннолетних [2].

В Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 № 1662-р [3] впервые было заявлено о целесообразности внедрения института probation в российскую правоохранительную систему.

Концепция предусматривает создание службы probation, обеспечивающей социально-психологическое сопровождение лиц, освободившихся

из пенитенциарных учреждений, и реабилитационное насыщение приговоров судов в части реализации принудительных мер воспитательного воздействия, формирование и реализацию механизмов восстановительного правосудия и проведение медиации.

В Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 гг., утвержденной Указом Президента РФ от 1 июня 2012 № 761 [4], речь идет о применении института пробации к несовершеннолетним. Рассматриваемый документ в п. 5 раздела 6 «Меры, направленные на улучшение положения детей в период нахождения в учреждениях уголовно-исполнительной системы и в постпенитенциарный период» предусматривает создание в Российской Федерации системы пробации, позволяющей обеспечить высокую эффективность работы с детьми, находящимися в конфликте с законом. В данном случае речь идет о применении института пробации в пенитенциарный и постпенитенциарный периоды в отношении несовершеннолетних, достигших возраста уголовной ответственности. Таким образом, реализация рассматриваемого института ставится в зависимость от назначения несовершеннолетнему наказания и не предусматривает возможность освобождения его от уголовной ответственности или наказания с применением мер пробации.

План первоочередных мероприятий до 2014 г. по реализации Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 гг., утвержденный Распоряжением Правительства РФ от 15 октября 2012 № 1916-р [5], предусматривает подготовку проекта федерального закона о создании в Российской Федерации системы пробации для несовершеннолетних. Такой подход существенно сужает содержание исследуемого института, так как формирует категорию лиц, в отношении которых могут быть применены меры пробации.

Меры пробации по своему характеру распространяют свое действие и на несовершеннолетних, и на взрослых характеризуя нормы уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, в том числе и о применении принудительных мер воспитательного воздействия.

Сам термин «пробация» следует понимать, как собирательное понятие по отношению к различным правовым институтам, регламентирующим надзор за исполнением предписаний и реабилитационное сопровождение со стороны специализированных органов в отношении лиц, подвергающихся уголовному преследованию.

Рассматривая специализированный государственный орган осуществляющий надзор за подростками, которым назначены принудительные меры воспитательного воздействия, следует отметить пробел в законодательстве в вопросе неопределенности: какому же все-таки «специализированному» органу должен передаваться под надзор правонарушитель? Так как в нормах уголовного кодекса отсутствуют пояснения «специализированный государственный орган».

Бланкетный характер ч. 2 ст. 91 УК, отсылает нас за разъяснениями к иному нормативному акту. Разъяснения в Федеральном законе от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» относительно специализированного органа до настоящего времени не даются. Согласно п. 7, п. 13, ч. 1 ст. 5 этого Закона и подпунктам «г», «л» п. 2.1.1 Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел, утвержденной Приказом МВД РФ от 15 октября 2013 года № 845, индивидуальная профилактическая работа в отношении несовершеннолетних, освобожденных от уголовной ответственности и наказания с применением именно принудительных мер воспитательного воздействия, проводится подразделениями по делам несовершеннолетних органов внутренних дел.

Однако согласно п. 38 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011г. в редакции от 29.11.2016г. «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» четко разъясняется и остается неизменным орган являющийся «специализированным». К «специализированным» органам Верховный Суд РФ относит комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, которому несовершеннолетний в соответствии со ст. 90 УК РФ передается под надзор, а также орган, который вправе обращаться в суд с представлением об отмене примененных принудительных мер воспитательного воздействия (ч. 4 ст. 90 УК РФ).

Изучая уголовные дела, можно сделать вывод, что несогласованность нормативных актов ведет к тому, что суды при назначении рассматриваемой принудительной меры, как передача под надзор специализированному органу, в выносимых постановлениях либо конкретизируют орган, на который возлагают контроль, как комиссию по делам несовершеннолетних и защите их прав или как инспекцию по делам несовершеннолетних ОВД, либо просто указывают о возложении контроля за поведением на специализированный государственный орган либо вовсе передают несовершеннолетнего под надзор сторонним организациям, например, таким как образовательная организация, в которой обучается несовершеннолетний.

В практической деятельности с правонарушителями, к которым были применены принудительные меры воспитательного воздействия, проводится профилактическая работа только подразделениями по делам несовершеннолетних ОВД. Комиссия по делам несовершеннолетних лишь предоставляет в уголовное дело сведения о том, рассматривался ли административный материал в отношении конкретного лица и по какой статье, результат рассмотрения правонарушения.

На практике подтверждается, что к функции Комиссии можно отнести: контроль, профилактику, просвещение, а также защитную и одновременно карательную функции. Совершенные несовершеннолетними адми-

нистративные правонарушения рассматриваются преимущественно Комиссиями [6].

Согласно ст. 4 Федерального закона от 24 июня 1999 №120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав является самостоятельным органом, входящим в систему профилактики.

При этом пределы полномочий Комиссии четко и в едином формате не сформулированы, так как в некоторых случаях дублируют полномочия других органов и учреждений системы. Следует полагать, что в пределы полномочий входит и координация деятельности органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

В инструкции по организации работы подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел, утвержденной приказом МВД России от 15 октября 2013 года № 845, четко сформулированы полномочия подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел.

В связи с вышеизложенным необходимо в п. 38 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» добавить пояснение, что в качестве «специализированного государственного органа» выступают подразделения по делам несовершеннолетних органов внутренних дел. Иначе возникает дилемма, какому же специализированному органу следует передавать несовершеннолетнего под надзор.

Возможно, нечеткостью формулировок и неопределенностью в законодательстве, какому именно органу должен быть передан несовершеннолетний под контроль, объясняются немногочисленные случаи назначения указанных принудительных мер судами, а подчас и низкоэффективная реализация данного вида воздействия на практике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арькова В. И. Принудительные меры воспитательного характера применяемые к несовершеннолетним. – Иркутск, 1978. – 157 с.
2. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила). Приняты Генеральной Ассамблеей ООН 29 ноября 1985 г. // Советская юстиция. – 1991. – № 12 –14.
3. Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. – № 47. – Ст. 5489.

4. Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 23. – Ст. 2994.

5. Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 43. – Ст. 5908.

6. Деменчук Д. В. Административно-правовой статус комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2014. – 215 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Тюрина Ирина Николаевна. Преподаватель кафедры административного права.

Воронежский институт МВД России.

E-mail: vuzmvd@mail.ru

Россия, 394065, г. Воронеж, проспект Патриотов, 53.

Тел. (473) 200-52-93.

Tyurina Irina Nikolaevna. Teacher of the Department of Administrative Law. Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53.

Tel. (473) 200-52-93.

Ключевые слова: несовершеннолетние; принудительные меры воспитательного воздействия; ответственность несовершеннолетних; специализированный орган.

Key words: minors; compulsory educational measures; criminal personality; liability of minors; specialized body.

УДК: 343.8

**ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО
РАССЛЕДОВАНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ, СВЯЗАННЫМ
С ВОВЛЕЧЕНИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ
В СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

**FEATURES OF CONDUCT OF PREMINARY CRIMINAL
INVESTIGATION CONNECTED WITH INVOLVING JUVENILE IN
COMMISSION OF A CRIME.**

В статье рассматриваются некоторые проблемы, традиционно возникающие при расследовании уголовных дел о вовлечении несовершеннолетнего в совершение преступления. На основе проведенного анализа предлагаются варианты их решения в виде конкретных рекомендаций, которыми необходимо руководствоваться при расследовании уголовных дел данной категории.

The article discusses some of the problems traditionally arising in the investigation of criminal cases of involvement of a minor in the Commission of a crime are considered. On the basis of the conducted analysis the variants of their decision are offered in the form of concrete recommendations, which should guide the investigation of criminal cases of this category.

Преступность несовершеннолетних на сегодняшний день является одной из важных проблем российского общества. Беспокойство общества за будущее наших детей вполне оправдано. Поступки и поведение несовершеннолетних, содержащих антисоциальный характер, опасны не только их результатом, но и формированием в последующем у последних сознания, мировоззрения, ценностных установок, жизненных ориентации, а также стереотипов под стать этим поступкам и поведению. Несовершеннолетние – это «гибкая» ячейка общества, подверженная влиянию, в том числе и со стороны взрослых. Зачастую взрослые – представители криминального слоя, используют несовершеннолетних в целях достижения своих преступных замыслов. Таким образом пытаются избежать уголовной ответственности либо до минимума снизить свою роль в совершении преступления, за счет несовершеннолетних.

Уголовным законодательством предусмотрена ответственность за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений по статье 150 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее по тексту – УК РФ) [1]. На современном этапе развития общественных отношений проблема борьбы с вовлечением несовершеннолетних в совершение преступлений явля-

ется крайне актуальной. Изучение данной проблематики всегда привлекала и привлекает внимание ученых-теоретиков и практиков. Различные аспекты этой проблемы исследованы в трудах О. В. Нарожней, В. Е. Коноваловой, Г. Миньковского, В. Н. Жадан, Ю. Е. Пудовочкина и других. Вместе с тем, проблематике производства расследования уголовных дел по ст. 150 УК РФ в своих работах особое внимание уделили отечественные ученые процессуалисты, такие как О. В. Левченко и Ю. И. Плахотнюк.

На практике мы видим, что уголовные дела по ст. 150 УК РФ следователи направляют в суд в совокупности с другими преступлениями. Так согласно статистических данных на территории Пензенской области в 2017 году расследовано и направлено в суд с обвинительным заключением 9 уголовных дел, из них 7 - в совокупности с другими преступлениями [2]. За аналогичный период 2016 года расследовано и направлено в суд с обвинительным заключением 4 уголовных дела, из них 2 - в совокупности с другими преступлениями [3].

Из указанных выше статистических данных можно сделать вывод о том, что следователи сводят к минимуму возбуждение уголовных дел по ст. 150 УК РФ, потому что опасаются за дальнейшую судьбу уголовных дел указанной категории при рассмотрении их в судной инстанции. Опасение связано с оправданием лиц, привлекаемых по ст. 150 УК РФ. Следователи зачастую в качестве подстраховки используют другой состав преступного деяния и изначально возбуждают уголовное дело по иному факту преступной деятельности «взрослого злодея». Далее производят предварительное следствие по делу и только при предъявлении виновному субъекту полного окончательного обвинения, вменяются в вину последнему и эпизод преступного деяния, предусмотренного ст. 150 УК РФ. Практики такие действия со своей стороны объясняют тем, что в случае принятия судом решения об оправдании субъекта по ст. 150 УК РФ, последний в любом случае будет осужден по основному эпизоду преступления, по которому изначально возбуждалось уголовное дело. Отсюда следует, что основное решение по уголовному делу – это вынесение обвинительного приговора. Оправдание по одному из эпизодов преступной деятельности, вменяемых виновному лицу, не так критично для статистики, на которой по сей день построена работа следователей.

Очевидно, что суть проблемы кроется в том, что практики минимизируют сбор доказательственной базы при расследовании уголовных дел по ст. 150 УК РФ. Именно качественный и полный сбор такой базы имеет ключевое значение в подтверждении вины субъекта, подозреваемого (обвиняемого) в совершении преступления.

В статье считаем целесообразным уделить внимание ряду немаловажных аспектов, которые позволят решить указанную выше проблему.

Первоначально остановимся на стадии возбуждения уголовного дела о вовлечении несовершеннолетнего субъекта в преступление. Состав преступления, за который предусмотрена ответственность по ст. 150 УК РФ, следователи возбуждают и расследуют, чаще всего, уже в рамках возбужденного дела о преступлениях, совершенных несовершеннолетним субъектом в группе с совершеннолетним соучастником. Как показывает практика, следственными органами приоритет отдается составу преступления, по которому изначально возбуждено уголовное дело, а между тем, процесс собирания доказательств виновности взрослого субъекта в совершении преступлений, предусмотренных ст. 150 УК РФ, сведён на нет. Таким образом становится затруднительным процесс получения и закрепления доказательств.

Для решения данной проблемы стоит уделить внимание сбору доказательственной базы по ст. 150 УК РФ. Первоочередно следует установить окружение подростка, который совершил преступление. При установлении таковых выяснить кто мог из взрослых оказать негативное влияние на несовершеннолетнего, сподвигнуть его на совершение преступления. Зачастую подростки склонны умолчать о влиянии взрослых на них. Чтобы изобличить взрослого виновника, вовлекшего несовершеннолетнего в совершение преступления, следователю и оперативному составу необходимо работать сообща, чему на практике следователи зачастую пренебрегают. Как показывает практика, только каждый третий совершеннолетний преступник привлекается правоохранителями к уголовной ответственности по ст. 150 УК РФ, при наличии большого числа преступлений, где несовершеннолетний субъект совершает преступление в группе со взрослым. Если совершеннолетний субъект совершат преступление в соучастии с подростком, следует выяснять у взрослого соучастника о его осведомленности о возрасте подростка, длительности их знакомства, а также влиянии на подростка совершеннолетнего соучастника. Указанным выше обстоятельствам следует уделять внимание на первоначальном этапе расследования. Упустив возможность, уличить взрослого соучастника, приведет в итоге следователя к невозможности возбуждения уголовного дела по ст. 150 УК РФ. Данные обстоятельства зачастую позволяют взрослому уйти от ответственности по ст. 150 УК РФ [4].

В статье 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее по тексту – УПК РФ) указано о том, что доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, на основе которых в порядке, определенном УПК РФ, устанавливается наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу [5]. Одним из источников доказательств по рассматриваемой категории уголовных дел будут являться показания несовершеннолетнего потерпевшего, который действия взрослого субъекта был вовлечен в преступление. Из такового источника можно будет почерпнуть немаловажные обстоя-

тельства: время, место и способ вовлечения несовершеннолетнего в преступление. Допрос подростка следует проводить в максимально короткие сроки, это позволит максимально полно восстановить произошедшее событие и позволит исключить факт оказания влияния взрослого виновника на показания подростка. Свидетельские показания также являются источником доказательств – это показания окружения несовершеннолетнего, взрослого субъекта преступления, а также лиц, участвующих в процессе задержания. Для того, чтобы доказать преступные действия взрослого лица в отношении несовершеннолетнего следует, как можно больше уставить свидетелей из числа друзей и знакомых подростка по месту проживания, месту учебы, воспитателей, преподавателей, а также близких родственников, способных дать показания об обстоятельствах произошедшего, времени знакомства, взаимоотношении взрослого и подростка. Указанных выше лиц можно установить в ходе допроса несовершеннолетнего, а также и при проведении оперативными сотрудниками по поручению отдельных оперативно-розыскных мероприятий. Надо учитывать и то, что допросы указанных выше лиц могут быть положены в основу обвинения при подтверждении виновности взрослого субъекта совокупностью доказательств, имеющих по делу. Совершенно не стоит в процессе расследования расценивать показания совершеннолетнего субъекта, обвиняемого по ст. 150 УК РФ как основополагающее доказательство, а следует принимать исчерпывающие меры по сбору иных доказательств, подтверждающих его вину. В процессе допросов родителей подростка, а также учителей и педагогов целесообразно выяснять вопросы об условиях его воспитания, о психических и физических особенностях ребенка, его интересах, особенностях характера и потребностях, а также имели ли ранее место быть проступки и какие меры принимались родителями для того, чтобы устранить причины и условия, толкнувшие подростка на тот или иной проступок.

Необходимо учитывать, что ответственность по ст. 150 УК РФ у субъекта наступает и при признании его осведомленности о несовершеннолетнем возрасте вовлекаемого лица, и при отрицании им такового факта, так как по обстоятельствам уголовного дела он мог и должен был предвидеть это, к примеру, празднование дня рождения несовершеннолетнего и др. При таком положении дел осведомленность имеет важное значение и основательно подлежит исследованию в процессе расследования. В качестве рекомендации, практикам следует не исключать проведение обысков по месту жительства привлекаемого взрослого субъекта. В жилище последнего могут находиться фото и видеоматериалы, сотовые телефоны, компьютерная техника с выходом в сеть «Интернет», где может содержаться переписка между взрослым и подростком, а также иные документы, свидетельствующие о достоверной осведомленности взрослого о возрасте несовершеннолетнего. Также не исключать и проведение обыска по месту

жительства подростка, что в ряде случаев позволит обнаружить улики, свидетельствующие о совершении преступления с участием взрослого.

В процессе расследования уголовных дел по ст. 150 УК РФ доказыванию подлежит способ вовлечения, являющийся признаком объективной стороны. Особую сложность в процессе доказывания вызывает способ совершения преступления, как предложение, который не оставляет материального следа на предметах действительности. В данном случае важным источником доказательств будут служить показания потерпевшего и свидетелей, присутствующих в момент, когда такое предложение поступило от взрослого к несовершеннолетнему. При применении взрослым насильственных приемов вовлечения следует незамедлительно принимать меры к медицинскому освидетельствованию подростка и дальнейшему назначению судебно-медицинской экспертизы [6]. Заключение такой экспертизы послужит доказательством вины взрослого лица. При даче показаний взрослые нередко отрицают факт совершения ими действий по вовлечению подростков в противоправные деяния. На стадии следствия и в суде придерживаются версии о том, что подросток неправильно воспринял действительность. Опровергнуть довод стороны защиты можно заключением судебно-психологической экспертизы, с помощью которой устанавливаются психические особенности подростка, обеспечивающие способность сознательного и правильного восприятия происходящего. Также с помощью указанной экспертизы проверяется наличие или отсутствие у подростка временного психического расстройства или устойчивых психологических особенностей, которые не выходят за пределы существующих норм, способных в той или иной степени оказать влияние на полноту и точность ситуации в целом или ее элементы в отдельности.

Таким образом мы видим, что уголовный закон позволяет начать уголовное преследование субъекта по ст. 150 УК РФ и при наличии достаточных данных, которые указывают на те или иные действия, предусмотренные диспозицией, интересующей нас статьи, то есть направленные на склонение несовершеннолетнего к совершению преступления. Для разрешения проблематики, затронутой в статье, нацеливаем практиков придерживаться данной позиции, которая позволит максимально закрепить доказательства виновности лица, привлекаемого по ст. 150 УК РФ.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.12.2017) // «Собрание законодательства РФ», 17.06.1996, № 25, ст. 2954 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 15.01.2018).
2. «О состоянии преступности несовершеннолетних на территории Пензенской области за 2017 года – отчет январь 2018. – 45с.

3. «О состоянии преступности несовершеннолетних на территории Пензенской области за 2016 года – отчет январь 2017. – 48с.

4. Плахотнюк Ю. И. Актуальные вопросы разработки методики расследования вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150 УК РФ) // Молодой ученый. – 2011. – №8. Т.2. – С. 57–59.

5. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 31.12.2017) // «Собрание законодательства РФ», 24.12.2001, № 52 (ч. I), ст. 4921 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 15.01.2018)

6. Левченко О. В. Правовые основы производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних : монография / О. В. Левченко, Е. В. Мищенко. – М. : ИНФРА-М, 2017. – 124с. – (Научная мысль).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Шпагина Юлия Викторовна. Следователь.

Следственное управление УМВД России по г. Пензе.

E-mail: ulia.domashenko@yandex.ru.

Россия, 440011, Пенза, улица Долгова, 4 «а». Тел. 8(937)4146011.

Shpagina Julia Viktorovna. Investigator.

Investigation department of the department Ministry of the Interior of Russia in Penza.

Work address: Russia, 440011, Penza, Dolgova Str., 4 «а».

Tel. 8(937)4146011.

Ключевые слова: несовершеннолетний, вовлечение, совершение преступления, соучастие.

Key words: juvenil, involvement, crime commission, complicity.

УДК 343.1

ВИКТИМОГЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СОВРЕМЕННОЙ СЕМЬИ

VICTIMOGENIC POTENTIAL OF THE MODERN FAMILY

В статье рассматриваются особенности современной семьи, способные усилить уязвимость несовершеннолетних от внешнего влияния. Анализируются особенности взаимосвязи и взаимозависимости психофизиологических качеств несовершеннолетних и условий жизни и воспитания в семье. Исследуемые факторы оцениваются как виктимогенные, вне зависимости от последующего поведения несовершеннолетнего.

The article discusses the features a modern family that can enhance the vulnerability of minors to foreign influence. Analyzes the characteristics of the relationship and interdependence of psycho-physiological qualities of the minor and the conditions of life and education in the family. The studied factors we consider as victimogene, regardless of the further behavior of the juveniles.

Длительные социальные преобразования во всех сферах нашей жизни, изменившие объективные экономические, социально–культурные, политические, правовые характеристики социальной системы не только привели к росту напряженности, беспокойства, тревоги, но и способствовали криминализации населения. Дестабилизация во всех сферах жизнедеятельности (производстве, политике, науке, культуре, духовно–нравственной сфере) не могла не отразиться на семье. Многие общественные отношения в ней концентрируются и преломляются сложнейшие конструкции общественного устройства. Это позволяет рассматривать семью главным институтом социализации личности, фундаментом физического и духовного формирования, воспитания взглядов, убеждений, ценностных ориентаций, привития форм и правил социально полезного поведения.

Резко меняющиеся экономико–политические реалии, воздействуя на общественную психологию, снижая культуру и нравственность, ослабляют институт семьи, создают благоприятные условия для зарождения, развития и проявления криминогенных качеств личности. В первую очередь речь идет о несовершеннолетней личности. Психологические особенности несовершеннолетнего возраста обуславливают специфическое восприятие окружающей обстановки. Слабая или несформированная нервная система определяет впечатлительность, импульсивность, эмоциональность и интенсивность переживаний, вспыльчивость и несдержанность. Такое поведение, обусловленное физиологическими особенностями, при недостаточности знаний, незавершенности интеллектуального развития, несформированности взглядов и отсутствии социального опыта способно привести к преступлению.

Изучение взаимосвязей между демографическими явлениями, социальными, экономическими, социально-психологическими и другими процессами позволит оптимизировать практику противодействия преступности несовершеннолетних. Среди социальных условий приоритет отдается отношениям в семье, которая формирует личность через реализацию социальных ролей, статусов, единства образа жизни.

В этой связи для нас представляют интерес педагогически безграмотные семьи, либо в которых, в силу различных обстоятельств, не занимаются воспитанием подрастающего поколения, обуславливающие необходимость криминального поведения или не препятствующая ему, вовлекающие в совершение преступлений. Такие родительские семьи не просто создают временные (до совершеннолетия) жизненные условия, а определяют модель будущего поведения ребенка. Социальная опасность таких микрогрупп проявляется в невыполнении функций воспитания, защиты детей от неблагоприятного воздействия, но и формируют повышенную уязвимость (виктимность) криминогенному влиянию [1].

Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» закрепляет понятие семьи, находящейся в социально опасном положении [2]. Опасное положение формирует антиобщественную направленность личности, как родителей, так и детей. Причем будущая жизнь последних зависит от социального опыта, социального положения, рода занятий, уровня образования взрослых членов семьи и от всей семейной атмосферы. Криминологические исследования преступности несовершеннолетних позволяют оценить степень влияния семьи на своих членов в зависимости от размера, структуры, продолжительности существования, сплоченности, личностных качеств родственников, что зачастую образует комплект криминогенного воздействия.

Проведенные нами исследования показали, что 79,5% подростков, находящихся в ЦВСНП, проживали с одним родителем, а из числа подростков контрольной группы – 16,6%; в многодетных семьях – 69% и 3% соответственно. Очевидно, что структурная неполноценность влияет на эмоциональное отвержение, переключение внимания и заботы на нового члена семьи или общего ребенка [3]. А это уже первые зерна депривации (отвержения родителями ребенка) и возможного ухода подростка из семьи.

Потенциальное отсутствие одного из родителей не только ограничивает воспитательные возможности, но и порождает безнадзорность, выступающей объективной предпосылкой подростковой преступности. Отсутствие или слабый контроль за подростками выступает криминогенным фактором. Подтверждением этой гипотезы может стать сопоставление качественных характеристик преступности. Так, в 2012-2016 гг. динамика учащихся и студентов, совершивших выросла с 69,% до 72,1%, а доля занятых трудом – в восемь раз (с 1,3% до 8%). Вместе с тем, остается без изменений доля несовершеннолетних совершивших преступление в состоянии алкогольного опьянения

(13,8%) и растет в 2,4 раза доля лиц в состоянии наркотического и токсического опьянения (1,2%) [4]. Несамокритичность, снижение чувства контроля и осознанности своего поведения, завышенная самооценка при отсутствии внешних сдерживающих факторов (родителей, общественности) способно снизить сопротивляемость к криминогенным явлениям.

Тесно граничащая с безнадзорностью беспризорность стала важной характеристикой преступности несовершеннолетних. Обиженные, неслышанные, брошенные на произвол, отторгнутые самыми близкими людьми, желающие и не имеющие возможности удовлетворить элементарные жизненные потребности дети – жертвы социальных условий и невнимательных или неподготовленных родителей. Не имея четких жизненных целей, нравственных ориентиров, представлений о добре и зле беспризорные и безнадзорные дети становятся легкой добычей криминальной среды. Отрицательная тенденция динамики численности безнадзорных и беспризорных по стране за 2012-2016 гг. (снижение с 99491 человека до 38650 человек) коррелирует со снижением доли преступности несовершеннолетних (с 5,8% до 4,5%) и еще раз подтверждает криминогенность безконтрольности.

Еще одной причиной социального неблагополучия семьи является внебрачное рождение. По данным Росстата, у женщин, не состоявших в браке, рождается от 24% (в 2012 г.) до 21,5% (в 2016 г.) детей от общего числа родившихся [5]. Не смотря на положительную тенденцию, не для всех матерей рождение ребенка становится долгожданным и радостным событием. И в этом случае он уже заранее виновен в том, что появился на свет, что создает трудности (хотя никак не мог повлиять на факт своего рождения). Именно нежеланные дети чаще попадают в учреждения для детей, оставшихся без попечения родителей. За рассматриваемый период выявляется в среднем в год 60 - 70 тыс. детей и подростков, оставшихся без попечения родителей, что превышает в два раза показатели 1990 г. здесь важно оценивать не постоянно снижающееся число интернатных учреждений и детей в них, а долю детей (52%), поступивших в них от родителей [6]. Но интернатные учреждения не решают проблем детской криминализации и виктимизации, а лишь нейтрализуют их на время, пока дети не станут совершеннолетними и к ним не станут относиться как ко взрослым.

Источником увеличения числа неполных семей и криминогенности личности подростка выступает развод родителей. Не смотря на то, что уровень браков (8,3 на 1000 человек населения) в среднем за 10 лет превышает уровень разводов (4,6 на 100 человек населения), следует обратить внимание не столько на соотношение показателей, сколько на динамику каждого из них. В 2016 г. было зарегистрировано минимальное количество и браков (6,7), и разводов (4,1). Но за последние десять лет количество регистрируемых браков снизилось на 23%, а разводов – на 16% [7].

Бракоразводные процессы, отражаясь на детях как фактор постоянного стресса, разрушают эмоционально позитивные контакты с родителя-

ми (из числа несовершеннолетних, находящихся в ЦВСНП, только 9,5% ответили, что ссор с родителями не бывает).

Как правило, после распада брака с ребенком остается мать. В этом случае на женщину возлагаются материальные и психологические обязанности обоих родителей, что ведет к ее физической и психологической утомляемости, нервным срывам, деспотичности, которые становятся непреодолимой преградой к установлению теплых эмоциональных отношений [8]. У детей из таких семей отмечается чувство ущербности и внутреннего психологического конфликта, которые при снижении контроля за поведением и режимом дня могут повлечь искажение их нравственно-эмоционального развития.

Эмоциональная атмосфера в семейных отношениях является кирпичиком, который закладывает социальные чувства ребенка, нравственный мир личности. Именно она может лежать в основе криминогенного пути. Обострение духовно-нравственных отношений в обществе не могло не сказаться на семейном микроклимате: возрастает требовательность к детям, а доброта в отношениях сходит на нет.

Таким образом, неадаптированность к новым социально-экономическим условиям значительной части взрослого населения, чрезвычайная перегруженность трудовыми функциями, страх за будущее семьи, психическая напряженность старших ее членов приводят к сужению эмоционального контакта между родителями и детьми. В.А. Лелеков и Е.В. Кошелева приводят данные об отсутствии эмоционального контакта с родителями в 75% изученных семей правонарушителей и отсутствие взаимопонимания в 60% семей [9], сокращению объема совместной досуговой деятельности (только 38% опрошенных нами подростков проводят свободное время с родителями), ослаблению семейного контроля за поведением детей и подростков и, как следствие, падению родительского авторитета. Ученые констатируют, что родительская семья как базовый институт ослабляет свои позиции [10].

Нравственно-правовая характеристика семьи ухудшается.

Чванство, цинизм, высокомерие, преклонение перед богатством и роскошью, презрение к бедности и людям не обладающим богатством, приоритет достатке, вне зависимости от способа его формирования. Потребительские ориентации превалируют в мотивационной сфере.

Злоупотребление алкоголем – еще один критерий нравственности в обществе. Речь идет о формирующемся стереотипе проведения досуга с употреблением спиртного. У 74,8% опрошенных подростков первое употребление происходило в компании сверстников, и только в 20,1% – с участием родителей. Вместе с тем, следует учитывать, что у 35,9% опрошенных детей постоянно употребляли спиртные напитки отцы, у 23% – матери, у 17,2% – бабушки и дедушки. По данным В.А. Лелекова и Е.В. Кошелевой в 32,7% семей отмечается постоянное пьянство родителей [9]. Последнее может при-

вести к распаду семьи, нарушению механизма традиционного воспитания, увеличению уровня безнадзорных и беспризорных подростков.

Постоянство аморального поведения свидетельствует о повседневности, а значит и убеждает в его нормальности в сознании детей. Обыденность и оправдание пагубности злоупотребления спиртным проявляется в ранней алкоголизации населения в России. Большая часть (38,1%) опрошенных впервые попробовала спиртное до 10 лет. В 11-13 лет – 21,5%, в 14-15 лет – 22,3%, а в 16-17 лет – 8,6%. Причем на момент опроса не употребляли спиртные напитки только 11,5% несовершеннолетних, 22,3% – выпивали, когда есть возможность, 44,6% – очень редко.

Опасность вызывает и предрасположенности детей алкоголиков к злоупотреблению спиртными напитками в зрелом возрасте. Она повышается у 65–80% сыновей и 15–20% дочерей злоупотребляющих спиртным родителей [11].

Пьянство всегда сопровождается скандалами и насилием. Физическое и психическое насилие, деспотизм и жестокость со стороны родителей – один из наиболее опасных факторов криминализации несовершеннолетних является. Причем принуждение со стороны более сильного, старшего причинителя вреда воспринимается более остро, нежели со стороны равного. Так, на вопрос: «Чего ты боишься?» 44,6% опрошенных нами подростков ответили – насилия. Подростки иногда просто не могут оказать сопротивление в силу возраста, физических и психических недостатков, в силу боязни либо уверенности в «допустимости насилия как формы взаимоотношений между родственниками». Пятая часть опрошенных нами несовершеннолетних правонарушителей подвергалась побоям. По данным В.А. Лелекова, и юноши (83%), и девушки (85,4%) в правоохранительные органы по фактам насильственных посягательств не обращались, не рассчитывая на помощь, боясь расправы, думая о самостоятельной мести [9]. Семья не только не защищает от внешних негативных влияний, но и вынуждает их идти на преступление (до 60% родительских семей несовершеннолетних, совершивших преступления) [12]. По данным В.А. Лелекова, подавляющее большинство несовершеннолетних женского пола (82%), прежде чем попасть в колонию, неоднократно (до шести и более раз) подвергались физическому или сексуальному насилию.

Психотравмирующая ситуация в семье и социальное сиротство влекут ослабление и извращение естественных эмоциональных связей с родителями, нарастание отчуждения, неприязни, ненависти, неотступное желание избавиться от «мучителя». Тревожность и страх увеличивают степень обиды и злости к отвергающему через родителей миру.

С сожалением следует констатировать, что семья воспринимается ребенком как непереносимая психотравмирующая обстановка, отвергающей через родителей мир, заряжает тревогой и страхом, увеличивает степень обиды и злости и выступает катализатором криминализации.

Зачастую негативное влияние основывается не на преступных мотивах, а на педагогической безграмотности и нежелании воспитывать своих детей. Родители не уважают их интересы и безразличны к их мнению (39% детей, находящихся в ЦВСНП, отметили безразличие родителей к своим интересам). Такое отношение взрослых вызывает непослушание, замкнутость, грубость, неприязненное отношение и неуважение к старшим [3].

Проявлением неумения воспитывать своих детей выступает снижение возможности защитить детей от дурного влияния, обеспечить высокий интеллектуальный и нравственный уровень.

Семье как самому значимому институту профилактики виктимного поведения несовершеннолетних отводится важная роль. Несовершеннолетним, больше чем любой другой части обществ, нужна поддержка близких людей. Вся обстановка семейной жизни (поведение и поступки родителей) должна не только поддерживать все начинания ребенка, но и учить выбирать правильный вариант своего поведения. Для этого необходимо обучить родителей «быть родителями»: не просто обеспечивать материальные, зачастую завышенные, потребности семьи (не детей, а именно старших ее членов), не самоутверждаться с наиболее уязвимыми членами семьи, не надзирать за времяпровождением, а устанавливать теплые эмоциональные отношения, проводить совместное свободное время, развивая ребенка и физически и духовно, не перекладывая воспитательную функцию на образовательные учреждения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Щеголева А.Н. Виктимологические особенности ранней профилактики преступности несовершеннолетних / А.Н. Щеголева. – Воронеж, 2009.
2. Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» // СПС КонсультантПлюс
3. Баженов А.В. Семейное неблагополучие и его роль в криминализации несовершеннолетних / А.В. Баженов, Е.А. Костыря // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – Санкт-Петербург, 2002.
4. Преступность и правонарушения (2012-2016). Статистический сборник. – Москва, 2017.
5. Демографический ежегодник России: статистический сборник – Москва, 2017.
6. Социальное положение и уровень жизни населения в России: статистический сборник – Москва, 2017.

7. Официальный сайт Росстата – URL: [http:// www. gks. Ru /wps/ wcm/ connect/ rosstat_ main /rosstat/ru/ statistics/ population/ demography/#](http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/) (датат обращения 16. 03. 2016)

8. Молчанова М.В. Внутрисемейное насилие в отношении несовершеннолетних – причины, тенденции, противодействие / М.В. Молчанова. – Санкт-Петербург, 2004; Шестаков Д.А. Семейная криминология / Д.А. Шестаков. – Москва, 2003; Миньковский Г.М. Роль семьи в предупреждении правонарушений среди несовершеннолетних / Г.М. Миньковский // Семья в системе нравственного воспитания. Актуальные проблемы воспитания среди подростков / сост. М.А. Иволгин, И.Д. Дементьева. – Москва, 1979.; Пудовочкин Ю.Е. Ответственность за преступления против несовершеннолетних по российскому уголовному праву / Ю.Е. Пудовочкин. – Санкт-Петербург, 2002.

9. Лелеков В.А. Ювенальная криминология / В.А. Лелеков, Е.В. Кошелева – Москва, 20014.

10. Противодействие преступности. Особенная часть. Т.2.: учебник / под ред. М.А. Кириллова, В.И. Омигова. – Чебоксары, 2015.

11. Предсказуем ли алкоголизм? Способы распознавания и устранения факторов риска / В.Д. Москаленко // Медицина и здравоохранение. – Москва, 1991.

12. Шмарион П.В. Криминологическая характеристика несовершеннолетних жертв насильственных преступлений против жизни и здоровья, совершаемых в семье / П.В. Шмарион // Сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы предварительного следствия и дознания в Российской Федерации»: научное электронное издание, 2017. – С. 541-544.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Щеголева Анна Николаевна. Доцент кафедры уголовного права и криминологии. Кандидат юридических наук, доцент.

Воронежский институт МВД России.

Россия, 394065, Воронеж, проспект Патриотов, 53. Тел. (473) 200-53-32.

Schegoleva Anna Nikolaevna. Associate Professor of the chair of Criminal Law and Criminology. Candidate of Law Sciences, Associate Professor.

Voronezh Institute of the Ministry of Interior of Russia.

Work address Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53.

Tel. (473)200-53-32.

Ключевые слова: семья, несовершеннолетний; потерпевший, виктимология; виктимность; преступления.

Key words: a family, juvenile; victim; victimology; victimization; crime.

УДК 343.97

Научное издание

**УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ОХРАНА ПРАВ И ЗАКОННЫХ
ИНТЕРЕСОВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ**

Сборник материалов ежегодного межведомственного круглого стола

Редактор Н.Ф. Палихова
Корректор А.С. Власова
Компьютерная верстка Г.И. Чибисова

Подписано в печать 27.03.2018. Формат 60х84¹/₁₆

Усл. печ. л. 9,76.

Тираж 70 экз. Заказ № 52.

Воронежский институт МВД России
394065, Воронеж, просп. Патриотов, 53

Типография Воронежского института МВД России
394065, Воронеж, просп. Патриотов, 53